

9/91

ISSN 0236—3283

МЫ

**ЦВЕТА ЛЮБВИ...
КАКОЙ ИЗ НИХ ТВОЙ? —**
рассказывает рубрика
«Говоря откровенно»
в этом и будущем году

Главный редактор
Ананий БУДНИКОВ

Редакционная коллегия:

Сергей АБРАМОВ
Игорь ВАСИЛЬЕВ
(ответственный секретарь)
Андрей КОСЕНКИН
Альберт ЛИХАНОВ
Дмитрий МАМЛЕЕВ
Георгий ПРЯХИН
Григорий ТЕРЗИБАШЬЯНЦ
(заместитель главного редактора)

Художественный редактор
Елена СОКОВА

На первой странице обложки
фото Анатолия ЗЫБИНА

Адрес редакции:
107005, Москва, Б-5, аб. ящик №1.
По всем вопросам экспедирования
и полиграфического исполнения
обращаться в издательство «Дом»

© «МЫ», 1991
Издательство «Дом»
Советского детского фонда
имени В. И. Ленина
Адрес: 101963, Москва,
Армянский переулок, 11/2А.
Телефон: 923-66-61

Отпечатано в типографии
А/О Принт-Юлтиёт
Синтмаринт Финляндия

Сдано в набор 20.05.91 г.
Подписано в печать 10.06.91 г.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,1.
Уч.-изд. л. 12,72. Тираж 1000000

9/91

ОСНОВАН В 1990 ГОДУ

МЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПОДРОСТКОВ
СОВЕТСКОГО
ДЕТСКОГО ФОНДА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Ушаков. Алтуфьевское шоссе, 13 2

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Юрий Сотник. Операция «Сюжет» 14
Маленькая повесть 14
Зарубежный детектив. **Рекс Стаут.**
Клиенты Ниро Вульфа. Роман. Перевод с английского 53
Виктор Василенко. Знаки счастья и беды. Стихи 136

ПРОБА ПЕРА

Оля Нижникова. Стоят и ждут. Рассказ 145
Голос судьбы. Стихи учеников литературной школы
«Синяя птица» 51

ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Письмо не для всех, или Конверт из-за колючей проволоки ... 142
Бывает ли мода на любовь? Беседы доктора И. И. Соковни ... 138
Письма в «Мы» 10
Ищу друга 188
Обратная связь. Читатели о журнале 43

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Вера Сотникова: «Хочу аплодисментов...» 45

МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Сергей Цебаковский. Поиск аварийных НЛО 149
Музыкальные страницы. 173
Телега жизни. Сатира и юмор. 182
На малом экране. Видеообзор 191

Ежегодно более
ста пятидесяти тысяч детей,
покинув насиженные места —
семью, детский дом, интернат, —
ударяются в бег.
Не от хорошей жизни
и теплого к ним отношения.
Нередко бегут
из неблагополучных семей,
но точно такое случается
и в обычных, нормальных семьях.
Многим просто хочется
посмотреть мир, столицу.
Причины разные, результат,
как правило, один —
попавшие судьбы.
И адрес, где чаще всего
встречаются беглецы,
такой один и тот же —

АЛТУФЬЕВСКОЕ ШОССЕ, 13...

Александр УШАКОВ

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Именно здесь, на Алтуфьевском шоссе, находится Московский приемник-распределитель для несовершеннолетних, единственный в своем роде в нашей стране. Почему единственный? Да потому что здесь всегда, в любое время дня и ночи, готовы принять практически любого ребенка от трех до восемнадцати лет. И здесь, в отличие от других подобных организаций, начинают знакомство не с традиционного вопроса «как он дошел до жизни такой», а с тщательного медицинского обследования и оказания медицинской помощи, в которой в той или иной степени нуждается подавляющее большинство обитателей приемника.

Конечно, потом обязательно расспросят обо всем, что случилось, чтобы узнать, как быстрее и действеннее помочь. Ведь ребята попадают сюда самые разные и к каждому из них требуется специальный подход. К тому же не так уж редки случаи, когда совершившие преступления подростки пытаются на время скрыться именно в приемнике-распределителе. Да и для дальнейшей работы такие знания необходимы. Ведь одно дело, скажем, работать с молодым человеком, который оказался в столице без документов только лишь потому, что забыл их в спешке дома, и совсем другое — с активным членом «моталки», прибывшим в Москву с вполне определенными и в основном криминальными целями. Наверное, не так уж и просто беседовать с обиженной родите-

лями и обстоятельствами девушкой, приехавшей в столицу за несколько сотен километров «искать справедливости», и все же, я думаю, такая беседа не идет ни в какое сравнение с пятнадцатилетней «валютной» девочкой, у которой есть собственный автомобиль с шофером. А ведь к каждому из них просто необходимо найти свой подход.

Сделать это довольно сложно,

в чем я прекрасно убедился сам, побеседовав с некоторыми обитателями приемника-распределителя. И в самом деле, попробуйте объяснить пятнадцатилетнему парню, привыкшему, по его словам, к «беспределу» на воле и вознесшему этот беспредел практически в ранг закона жизни, что существуют на свете и совсем другие, истинно человеческие отношения и что не все в мире решается даже в наше

трудное время с позиции силы и крутого кулака. Выслушать-то он вас, может быть, и выслушает, но вот только вряд ли поймет...

Впрочем, как мне показалось, те, кто здесь работает, и не строят особых иллюзий, что большинство их воспитанников уйдет отсюда совсем другими людьми. Слишком уж у них мало для этого времени, слишком изломаны судьбы этих детей. У них иная задача: достучаться до ребячьих сердец, зарос-

нить в них веру, что может быть иная жизнь, иные отношения между людьми, чем те, к которым они привыкли. Не на словах (словам, как мне показалось, здесь мало кто верит), а на деле — отношением, вниманием, соучастием к их судьбе. Как, например, в этом вот случае. Сейчас в приемнике находится пятнадцатилетняя... женщина Оля. Я несколько не преувеличиваю. И дело даже не в том, что в физиологическом плане женщиной она стала уже давно. Столько горя, злости и боли, которые постоянно носит в себе эта Оля, редко когда увидишь даже у много прожившей и повидавшей женщины. Полная апатия к окружающему миру, неверие в слова в частности и в людей вообще, нежелание общаться с кем бы то ни было и иметь друзей... А все началось с того, что родители отдали ее в наказание за не совсем, мягко говоря, хорошее поведение в детский дом.

Я вполне допускаю, основываясь на намеках воспитательницы этой Оли, что за некоторые из поступков ее вполне можно было судить. Но, согласитесь, и наказание ей было выбрано не из самых удачных. Отдать дочку в детский дом! Что может быть бесчеловечнее...

А ведь родители этой Оли не какие-то там пропойцы или люмпены, а имеющие высшее образование, грамотные люди. Неужели они не понимали, отдавая девочку в детский дом, что практически ставят на ней крест? Видимо, не понимали, во всяком случае хочется верить уж лучше в это, чем

в то, что ими двигал холодный расчет. Как бы там ни было, крест они на нее действительно поставили. Дальше была Москва, вокзалы, «верные» друзья, водка, наркотики и прочие атрибуты «вселой» московской жизни, а в результате ненависть и озлобленность на весь мир. Дело со временем дошло до того, что Оля, по ее рассказам, бросалась на каждого, кто не так посмотрел на нее, с одним только желанием — убить... И вот эта самая Оля, готовая убить человека только за один брошенный на нее косой взгляд, откровенно — а лгать ей в ее теперешнем положении, как вы сами понимаете, ни к чему — призналась, что никогда не стала бы пить водку и колоться, если бы к ней в семье относились так, как относятся здесь воспитатели во главе с начальницей приемника-распределителя Кларой Алексеевной Первушиной.

А как вы думаете, что больше всего на свете любит Оля? Ни за что не догадаетесь, ибо эта самая Оля, которая совершенно спокойно говорит об убийстве практически ни в чем не повинного человека, как о само собой разумеющемся, очень любит... работать. Подобное желание у сегодняшних пятнадцатилетних далеко не самое распространенное, и я думаю, не многие родители, рассказывая о своих детях, смогут в первую очередь похвалиться именно тем, что их дети очень любят и хотят работать. Я, конечно, далек от мысли делать какие бы то ни было обобщения, но факт остается фактом. Из

всех детей, с которыми мне удалось побеседовать, только один подросток совершенно откровенно заявил, что работать он никогда не хотел, не хочет и не будет. «А зачем?» — искренне недоумевал он. Ведь сколько ни работают его родители, они все равно не могут себе позволить купить ему «за полторы», как он выразился, «штуки» кроссовки или, скажем, «за штуку» — джинсы. Но главное, добавил он, все же не в этом, а в том, что он испытывает к любому виду труда отвращение. А это уже — жизненное кредо. И в то же время сидевший напротив другой паренек, из Баку, во многом до поры до времени соглашавшийся с ним, тем не менее заявил, что он любит и хочет работать, но пока не видит такой работы, которую бы общество по-настоящему ценило. И хотя это тоже своего рода кредо, но все же несколько более оптимистичное...

Однажды знаменитый французский писатель Жорж Сименон сказал (возможно, далеко и не такие бесспорные с точки зрения юриспруденции) слова о том, что на земле нет преступников, а есть только жертвы. Конечно, известная доля правды в этих словах есть. Ведь в конечном счете практически любого преступника формирует то общество, в котором он живет, и его при очень большом желании можно представить и как жертву того или иного общества, особенно если оно большое. Да, любого преступника можно представить как жертву каких-то жизненных обстоятельств, семейной

драмы, неправильно решенного конфликта, обостренного чувства справедливости... Все это так. Но давайте спросим себя, кем является подросток, попадающий сюда в четвертый или в пятый раз? Преступником или жертвой? Не бегут ли они сюда в поисках тех самых человеческих отношений, которых им, по всей видимости, так не хватает «на воле». И не забудьте при этом, что бегут-то они не откуда-нибудь, а из собственного родного дома! А ведь здесь, в приемнике, несмотря на самое доброжелательное отношение к его обитателям, далеко не такие уж тепличные условия. Вовсе нет. Уж что-что, а некоторые атрибуты в виде колючей проволоки под напряжением, воспитатели, одетые в милицмейскую форму, карцер, решетки на окнах и строжайший распорядок дня, буквально расписанный по минутам, весьма недвусмысленно напоминают вам о том, где вы находитесь. И все же...

Нет, наверное, все-таки далеко не случайно большинство обитателей называют свое временное жилище домом. Конечно, огромная заслуга в этом работающих здесь людей, среди которых, как мне показалось, нет ни одного случайного человека. Да случайный человек здесь просто и не удержится. Ведь для того, чтобы работать здесь, надо иметь, как минимум, два качества — любовь и доброту ко всем этим изломанным нашей жизнью ребятам. И несомненно чувствуют здесь, за сотни, а порой и за тысячи километров от дома, эту любовь и доброту. Иначе бы не

возвращались. Ведь детей вообще очень трудно обмануть в отношении чувств, питаемых к ним. Тех же, кто находится здесь, с их обостренным восприятием человеческих отношений, обмануть в этом плане, наверное, просто невозможно. Да и не хотят их обманывать, у работников приемника совсем другая задача: попытаться выбить хоть искру в зачистую почти закаменевшей душе своих воспитанников, сделать то, чего не захотели или не сумели сделать те, кто по собственной воле отдает своих детей в детские дома...

И вполне возможно, что пребывание в этом доме на Алтунфьевском шоссе кого-то и натолкнет на мысль о том, что в мире и на самом деле существуют и совсем другие человеческие отношения, весьма и весьма отличные от «беспредела». А там... Кто знает. Ведь как сказано в одной старой и мудрой книге, в начале было Слово... Кстати, весьма интересно и то, что даже самые отпетые ребята на мой вопрос о том, будут ли они довольны тем, что их будущие дети пойдут в юности по их стопам, довольно твердо ответили — нет. А это уже кое-что да значит...

И вообще надо сказать, что, увидев и услышав находящихся в приемнике ребят, в какой уже раз убеждаешься: практически все в жизни почти любого подростка начинается и заканчивается семьей. Да, конечно, можно очень упорно и долго говорить на эту тему и задавать риторические вопросы типа «куда смотрит

школа» и «что делает милиция», но все это так и останется пустыми словами до тех пор, пока сами родители по-настоящему не возьмутся за воспитание своих детей.

Никакая школа, которая, кстати, по отзывам самих ребят, только вызывает отвращение к учебе, и никакая милиция, даже если вся она будет состоять из таких людей, как Клара Алексеевна Первушина и ее помощники, не в силах сделать того, что дает подростку нормальная семья. А до тех пор, пока этого не произойдет, обиженные и обделенные подростки вот так вот и будут попадать в такой далекий от их родного дома дом казенный, которому сейчас, кстати, грозит большая беда. Дело в том, что приемник-распределитель на Алтунфьевском шоссе собираются передать в другое ведомство, чего делать, по глубокому убеждению Первушиной, никак нельзя, так как сугубо штатские люди, лишённые опыта работы с трудными подростками, просто-напросто не справятся с теми, кто попадает сюда. И она твердо уверена в том, что если это произойдет, то их Дом просто-напросто прекратит свое существование, от чего в первую очередь пострадают дети. Так не лучше ли тем, кто принимает это, мягко говоря, нелепое решение, еще раз подумать о детях, что далеко не по своей вине вынуждены искать ласки и любви за тысячи километров от родного дома? И сделать все-таки так, как того требует сама жизнь, наш единственный праведный Судья и Учитель?

ПИСЬМА В «МЫ»

НАЧНИТЕ ДЕНЬ С ДОБРА

Я постоянный читатель журнала «Мы», хотя мне уже 21 год. Мне бывает до глубины души больно и горько, когда я читаю письма девочек в рубрике «Говоря откровенно». Вот одна пишет: «Я не люблю свою мать». А кого ж тогда любить в этом мире?

Расскажу о своей семье. Нас было пятеро детей. Жили мы средне, небогато, джинсов и магнитофонов не было. Одевали меня с плеча старших. Мама наша любила, чтобы в доме был идеальный порядок. Выучил уроки, сделал свою работу по дому — иди гуляй до десяти часов. Так вот и жили. Старшая сестра школы с медалью закончила, остальные тоже троечника-ми не были.

Сейчас мы все выросли замуж, у каждой — свои дети. Живем в семье хорошо. И я за все благодарна своей матери, и ее воспитание считаю правильным.

Милые девочки, посмотрите — сколько прекрасного вокруг. Не глядите на жизнь так уж требовательно. И не огорчайтесь от неудач. Даже когда больно и обидно — не подавайте виду. Начните день с добра. Скажите миру «доброе утро!» и пожелайте всем

счастья. Хочу закончить словами Христа: «Не воздавайте злом за зло; напротив, благословляйте, зная, что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение».

Л. К.
г. Тюмень

Я НЕ ВИНОВАТ

Я простой советский парень. Но, видимо, так считаю только я и моя семья. А вокруг все говорят, что я фашист — и все потому, что я ношу длинные волосы, слушаю непонятную для окружающих музыку... А самое главное — потому что у меня немецкая фамилия.

Мне иногда кажется, что в нашем городке я живу, как затравленный зверь в лесу. Меня не понимают. Куда бы я ни пошел — на меня кидаются подозрительные взгляды. А у нас все знакомы друг с другом.

Однажды один знакомый откровенно сказал мне: «Езжай к своим фашистам в Германию, может, там тебя примут как своего». А здесь я что — чужой?

Но я же не виноват, что мне от родителей досталась немецкая фамилия! И я хочу

жить в нашей стране. Может быть, мне напишет такой же отверженный, как и я?

Николай, 16 лет
Тульская область

ЕСЛИ БЫ НЕ ШКОЛА...

Мне сейчас 16 лет, учусь в десятом классе. Дома у меня нормально, в школе и с друзьями — тоже. Но два года назад все было по-другому.

В 14 лет начался так называемый «переходный возраст». Начались ссоры дома, двойки и тройки — в школе, веселые подруги и друзья, легкая жизнь... Как это происходит — думаю, все знают. Я начала курить, втянулась в компанию — сигареты, вино, музыка, гулянки... А школа отошла на задний план.

Самое интересное — я понимала, что занялась не своим делом. Но как вечер — все опять сначала... Учиться стала хуже, экзамены в девятом классе сдала неважно.

Может быть, так все продолжалось бы и дальше, если бы не школа. Я узнала, что решили один из десятых классов сделать специальным — собрать в него ребят с наилучшей подготовкой. И у меня как будто все перевернулось. Я поняла, что для меня самое важное — попасть в этот класс и не чувствовать себя хуже других.

Меня взяли. И начались занятия, сложные задачи, олим-

пиады, КВН. Я отличница. И мне все это так нравится!

Что в итоге? Нормально в школе, спокойствие дома. Дискотеки, интересные вечера... А мальчишки? А мальчишки тоже другого сорта: умные, доброжелательные, понимающие. И теперь я смотрю на старых друзей-подруг и думаю: «Какие вы глупые, понапрасну жизнь треплете».

Иногда я вспоминаю о старой компании. Но я дала себе слово — туда больше не вернусь. Ведь в мире столько интересного!

Оля
г. Омск

Я СЧИТАЛА СЕБЯ СЧАСТЛИВОЙ

Я никогда раньше не чувствовала себя несчастной.

Расскажу о своей судьбе. Когда я пошла в первый класс, меня посадили за одну парту с мальчиком — Сашей. Мы подружились, он провожал меня домой. Я в него сильно влюбилась. В пятом классе Сашу избили из-за меня... Но на этом наш роман не кончился. В девятом классе Саша захотел интимной близости, и я согласилась (думала, что у меня будет как у всех — сначала просит, потом бросит, но если я ему не нужна, так пускай). Он полюбил меня еще крепче. Через месяц я поняла, что беременна. В 15 лет вышла замуж по справке, в 16 —

родила. Год была на домашнем обучении, потом поступила в институт. Я считала себя самым счастливым человеком.

Через год после замужества я встретила другого. И поняла — вот она, моя любовь. Сейчас не знаю, что делать. Нельзя бросить семью, но и так жить — тоже нельзя.

Таня С.
г. Горький

«НУ ЧТО ТУТ ТАКОГО?!»

Мне 17 лет. По природе или по воспитанию, не знаю, я девушка скромная, но немного гордая. Я не стараюсь никогда выделиться среди друзей, показать свое «я». Но и быть «как все» не хочу.

Недавно со мной познакомился один парень — Саша. Симпатичный, интересный. Подруги даже позавидовали. Но на второй вечер знакомства Саша заявил, что хочет со мной... Понятно что? А у меня никогда ничего такого не было, и я отказалась. Мне даже стало страшно. А он мне сказал: «Знаешь, есть такая поговорка: красивая девушка, как хорошая книга, — всегда немного потрепана. Чего ты ломаешься?»

Я ему сказала: пусть он считает меня душой или кем хочет, но у меня есть своя гордость. Пусть он уходит.

Позже я познакомилась с другим парнем — Андреем. Но через несколько дней он

заявил мне то же, что и Саша. И снова пришлось с ним расстаться.

Подруги мне говорят: ты, мол, такая несовременная. Таких парней отвергаешь! Когда я им возражала — они только смеялись, говорили: «Со всеми это происходит. Подумаешь, ну что тут такого, спроси любую девчонку».

Я все-таки верю в чистую любовь. Но, наверное, она бывает очень редко. Вижу по своим подругам: они не любят своих парней, а только проводят с ними время, развлекаются. И парни стали сейчас распущенными. А виноваты в этом девчонки — неприличные и легкодоступные.

Я понимаю, что «это» тоже будет. Но ведь не с него же начинать?

Вика Х.
г. Омск

ХОРОШО, ЧТО ДРУЗЬЯ ЕСТЬ ХОРОШИЕ

Мне 17 лет. Живу я в целом нормально, если не считать двух неприятностей. Первая, как вы уже, наверное, догадались, — несчастная любовь. Любили, любили мы друг друга, а потом она меня бросила. Я и сейчас люблю ее больше всех на свете, а вот она... Друзья советовали ее забыть — но нет, не получается.

И еще у меня одна неприятность. Меня все время путают с солистом «Ласкового

мая» Ю. Шатуновым. Внешне мы с ним, к несчастью, абсолютно одинаковые — лицо, рост. Только я старше его на год и «Ласковый май» терпеть не могу.

Из-за этого сходства все мои проблемы. Не дают прохода на улице, девушки дежурят у подъезда, звонят по телефону, объясняются в любви.

Неизвестные парни при любом удобном случае стараются набить морду. Хорошо еще, что я третий год боксом занимаюсь и друзья есть хорошие.

Ребята, посоветуйте — как справиться с ситуацией? Девушкам я отвечать не буду.

Юрий
г. Владимир

УКРАДЕННОЕ НЕВЕЗЕНИЕ, или ВОТ И ВЕРЬ ПОСЛЕ ЭТОГО ОЛЯМ

Вы, дорогие читатели, наверное, помните письмо Ольги из Красноярского края, напечатанное во втором номере «Мы», — «Мне не везет в жизни». Бедная девочка! В редакцию пошли письма, адресованные ей, сотрудники исправно вкладывали их в чистые конверты, надписывали адрес — 662800, г. Минусинск Красноярского края, пр. Сафьяновых, дом 12, кв. 37, Ольге. А Ольга наслаждалась всесоюзным вниманием.

Но король, как говорится, оказался голым. И обнаружил это наш читатель десятиклассник Сергей Абрамов из Одессы: оказывается, все страдания девушки просто-напросто переписаны из журнала «Сельская молодежь», 1990, № 7. Только там стоит подпись «Галина».

Ну что тут сказать? Жаль, конечно, что мы использовали драгоценную журнальную площадь так нерационально. Жаль, что не напечатали письма, в котором — что-то свое, личное, по-настоящему волнующее... Вот и верь теперь девичьим страданиям!

А надо сказать, что в почте то и дело попадают такие откровенно фантастические сочинения. То одна девочка напишет, что ее папа — «генеральный директор промышленности» и она уже объездила разных стран побольше, чем Президент СССР; другая страдает оттого, что снималась в «фирменном» порнографическом фильме (судя по штемпелю на письме, съемки проходили в райцентре Воронежской области); третья со слезами на глазах утверждает, что пострадала от возжеления знаменитого семнадцатилетнего солиста популярнейшей студии... И все это предлагают нам публиковать.

Дорогие читатели! Для нас очень дорого то чувство взаимопонимания и доверия, которого, как нам кажется, мы добились. Мы верим друг другу. И давайте не будем омрачать ложью это взаимопонимание.

Юрий СОТНИК

ОПЕРАЦИЯ «СЮЖЕТ»

Маленькая повесть
Из цикла
«Похищение ирокезов»

В рассказе «Похищение ирокезов» я поведал о том, как шофер Захар Филиппович Брыкин нечаянно «похитил» своего сына Ваську, а заодно с ним и Аглаю, забравшихся в кузов его грузовика. В том приключении я лично не участвовал (болел), зато в другой истории с похищением сыграл одну из ведущих ролей. Это мне сильно потрепало нервы.

Дело было в сентябре, когда мы уже неделю проучились в пятом классе. Я и мои соседи-одноклассники вернулись из школы во двор и разошлись по своим квартирам. Дома я разогрел себе обед (родители были на работе) и едва успел съесть второе, как в передней раздался звонок. Я открыл дверь, и ко мне с вытаращенными глазами ввалились Аглая, Антошка Дудкин и рыжие Зинаида и Васька Брыкины.

— «Маяк» читал? — спросил меня Дудкин. «Маяком» называлась областная молодежная газета. Родители выписывали ее потому, что там дважды в неделю помещалась страница для ребят примерно моего возраста.

— Не читал, — ответил я.

— На! Гляди! — воскликнул Антон и развернул передо мной детскую страницу «Маяка».

«Воспоминания Тигры» — прочел я заголовок большими буквами, а внизу помельче было напечатано: «Рассказ». Это меня заинтересовало: Тигрой звали котенка, который с полгода назад появился в семье нашей соседки по дому Оли Двинской. Его прозвали

так потому, что он был белый с рыжей полосой вдоль спины и такими же полосками, спускавшимися по бокам.

— Ты сюда, сюда смотри! — сказал Дудкин и ткнул пальцем в конец рассказа. Я прочел: «Оля Двинская, ученица пятого класса школы № 18».

— Читай! Вслух читай!

— Нет, пусть Аглая читает, — возразила Брыкина.

Мы расселись кто где, и Аглая начала читать. С первых же строк я стал смеяться. Смеялись и все остальные, кроме Аглаи, хотя, похоже, знали рассказ уже чуть ли не наизусть. Оля написала его от имени Тигры, как будто он, ставший уже взрослым котом, вспоминает свое детство и юность. Сначала он поведал о жизни с мамой, братьями и сестрами в каком-то ящике, о том, как мама на кошачьем языке учила детей уму-разуму. Она говорила, что огромные существа, которые ходят на задних лапах и не имеют хвостов, называются людьми, что бояться их не надо, но и выбираться из ящика на пол не следует, потому что люди могут нечаянно на тебя наступить. Дальше рассказывалось, как Тигра, уже подростком, попал к Двинским. Прав у него был беспокойный, и это привело его к различным приключениям. Однажды он по тюлевому занавесу забрался под потолок, бабушка Оли прикрикнула на него, и он спрыгнул на голову соседки, пришедшей по какому-то делу. В другой раз — это было на даче — он залез на кухонный стол, где Олина мама что-то готовила. Тигра очень красочно описал тот ужас, с которым он боролся в помоях за свою жизнь.

Полностью излагать рассказ я не буду, прошу поверить мне на слово, что он был хороший. Добавлю, что нас поразили два обстоятельства: во-первых, рассказ, напечатанный в настоящей газете, был написан не взрослым писателем, а ученицей из нашей школы да еще из параллельного пятого класса. И еще нас удивило, что у Оли, которую в семье прозвали Царевной Несмеяной, обнаружилось чувство юмора. Ведь и правда: эта стройная с красивым точеным лицом девочка никогда не смеялась. Даже когда все держались за животы, слушая или наблюдая что-нибудь смешное, она лишь слегка улыбалась. В первые дни, когда Двинские только поселились у нас в доме, наши девчонки решили, что Оля просто «воображает из себя», потому что ее бабушка — заслуженная артистка республики, но очень скоро убедились, что это не так. Оля сама говорила мало и как бы нехотя, но других слушала внимательно. Она хорошо играла в волейбол (сеткой нам служила веревка для белья), почти всех побеждала в беге наперегонки, словом, была девочка как девочка. Только вот не смеялась.

Когда чтение закончилось, Дудкин заговорил одновременно с негодованием и восторгом:

— Вот змеюка! И ведь никому ни слова, что пишет рассказ!

— Никому ни словечка! — подхватила Зинаида. — Даже когда в редакции его уже приняли!

В этот момент Аглая выглянула в окно и тут же обернулась к нам.

— Вон! Идет! С Катериной!

Екатериной Второй мы за глаза прозвали Олину бабушку, потому что она очень походила на эту царицу: дородная, с пышной белой шевелюрой и свежим, без единой морщинки лицом. На самом деле она звалась Екатериной Федоровной.

Мы все бросились к окну, раздались крики: «Оля, погоди! Оля, мы сейчас выйдем». Оля с бабушкой остановились, а мы через минуту высыпали во двор. Увидев нас, Екатерина Вторая широко заулыбалась, слегка улыбнулась и Оля. Улыбнулась, не разжимая губ, но серые глаза ее весело блестели. Мы заговорили все разом, кто поздравлял Олю, кто бранил ее за то, что она никому не сказала о своем произведении.

— Да что там вам не сказала! — воскликнула Двинская. — В семье до сегодняшнего утра никто не знал. Вот ведь конспираторша!

— Я просто боялась, что в редакции не примут, — как всегда негромко пояснила Оля.

Потом мы узнали от Двинской, что они с Олей ездили в редакцию, где им дали десять экземпляров сегодняшней газеты, чтобы дарить знакомым, и сказали, что Оля несомненно одаренный ребенок и ей обязательно надо работать над собой.

Екатерина Федоровна слегка дернула внучку за рукав.

— Слышишь, «одаренный ребенок»? Теперь будешь хотя бы по часу в день уделять литературному творчеству.

Затем она сказала нам, что Оля еще не обедала, и, простившись, увела внучку домой.

Конечно, не только мы, но и многие другие жильцы нашего большого дома — дети и взрослые — ознакомились с Олиным рассказом и были удивлены не меньше нас. Всеми уважаемый профессор Грабов тоже сказал, что у Оли есть дарование, которое надо развивать. Мы опасались, что Оля, опьяненная успехом, «завоображает», будет задирать нос, но получилось нечто совсем обратное и довольно странное. Наша писательница стала все реже появляться во дворе, в наших забавах участия не принимала, только грустно смотрела на них, а когда мы спрашивали, пишет ли она новый рассказ, опускала ресницы и отвечала чуть слышно:

— Еще не придумала.

— В один момент рассказы не придумываются, — пояснил слышавший это Сеня Ласточкин. С прошлого лета он так вырос, что стал на голову выше почти каждого из нас и к тому же изрядно пополнил. Сеня учился теперь в седьмом классе, но похоже было, что он увлечен пятиклассницей Олей. Каждый раз, когда она появлялась во дворе, он принимал какой-то особенно солидный вид и всячески старался дать понять, что он все знает, все может и умеет.

В школе во время перемен Оля теперь не участвовала в общей возне и разговорах. Она или медленно бродила вдоль стены кори-

дора, слегка касаясь ее спиной, или одиноко стояла на площадке между этажами. Мы и без Сени Ласточкина понимали, что литературное творчество — дело трудное, и деликатно воздерживались от расспросов, но недели через две кто-то все-таки спросил Олю, как обстоят дела с новым произведением.

— Не придумывается, — почти прошептала она, после чего плотно сжала губы, и они у нее слегка дрогнули. Казалось, она хочет заплакать, но глаза у нее были сухие.

Олины отец с матерью, встречаясь с нами, только здоровались, но никогда не разговаривали, это были очень занятые люди — какие-то научные работники. Иное дело — Екатерина Вторая. Выйдя на пенсию, она продолжала играть в театре, но играла редко, так что свободного времени у нее было много, и она любила с нами поболтать. Теперь мы знали, что ее очень тревожит Оля.

— Прямо-таки на глазах сохнет девка! — сказала она однажды. — Я ей сколько раз говорила: «Брось ты мучиться со своим рассказом, пойди во двор, побегай с ребятами, развлекись. Голова отдохнет, и лучше станет работать». Так нет! Слоняется по квартире как потерянная и молча страдает. — Тут Екатерина Федоровна даже понизила голос. — И ведь знаете что? Уже двойку схватила. По математике. Никогда такого не случалось!

При следующей встрече с Двинской у нас произошел такой разговор:

— Вы знаете, что Ольга себе внушила? Что она не может придумать сюжет из головы. Ей надо что-то такое, что на самом деле случилось.

— Так пусть она опишет, как меня с Васькой «похитили», — предложила Аглая. — Во смеху-то было! Если надо, мы еще раз подробно расскажем.

— Да я ведь ей то же самое твержу, — ответила Двинская. — Напиши, говорю, про Аглаю с Васей. А она в ответ: я, говорит, могу только о таком писать, что своими глазами видела и своими ушами слышала.

Екатерина Федоровна ушла, а мы некоторое время постояли в раздумье.

— Учудить надо бы чего-нибудь такое, — сказал, наконец, Дудкин.

— Ага, — поддержала его Зинаида. — Чего-нибудь, знаете... детективное.

Но что именно «учудить», мы в тот день так и не придумали. Я тогда не подозревал, что ключ к решению этой задачи живет у меня в квартире. Я не оговорился: именно живет. Это была наша такса Шумка.

Пока Оля страдала муками творчества, я трудился над перевоспитанием таксы в первоклассную ищейку для уголовного розыска.

В этом мне активно помогали мои друзья. То Аглая вручала мне свой носовой платок и куда-нибудь уходила, а я, выйдя с Шумкой во двор, давал ей понюхать платок и, указывая на асфальт, приговаривал: «Шумка, след, след!.. Ищи Аглаю, след!» То Васька Брыкин снимал с ноги ботинок и упрыгивал на одной ноге в соседний подъезд, а я проделывал то же, что и с Аглаиным платком. Ничего не получалось! Шумка не понимала, что от нее требовалось, и лишь обиженно тьякала, когда я тыкал ее носом в асфальт.

— Ты не так действуешь, — сказал однажды Сеня Ласточкин, наблюдавший эту возню. — Ты натри подметки чем-нибудь вкусным, пахучим, что она особенно любит, пусть она съест кусочек этого вкусного, а уж потом: «След, след!»

Аппетит у Шумки был неважный. Ее обычно кормили кашами, сдобренными молоком или маслом, и она часто не доедала того, что ей положили в миску. Правда, если в кашу добавляли раскрошенную котлету, дело шло получше. Но если в ту же кашу добавляли хоть совсем немного консервов из говяжьей или свиной тушенки, Шумка уплетала двойную порцию, а потом еще долго вылизывала миску. Как видно, ее очень привлекал запах тушенки.

Зная, что у мамы хранится несколько банок этих консервов, я стал канючить, что очень соскучился по кулешу — так мама называла полужидкую пшеничную кашу с тушенкой.

— И прекрасно! — сказала мама. — Мне меньше возни. Я вечером приготовлю кулеш, а ты завтра разогреешь его на сковородке.

На следующий день, вернувшись из школы, я разогрел изрядную порцию кулеша, часть съел, а после обеда плюхнул себе в ладонь столовую ложку каши с мясом и вышел во двор, где меня ждали Брыкины, Антошка и Аглая. Перед подъездом Зина подставила мне одну ногу, потом другую, я щедро смазал ее подметки кулешом, и она ушла в подъезд противоположного корпуса. После этого я вывел во двор Шумку, дал ей слизать прилипший к моим ладоням кулеш и, указывая на ступеньку перед дверью, заладил свое: «След! Шумка, след! След!..»

На этот раз Шумка обнюхала ступеньку и, прыгнув на асфальт, затрусилась по нему, временами касаясь его языком.

— Взяла след, взяла! Пошла по следу, взяла! — в восторге зашептали мои ассистенты. Но Шумка недолго вела себя так хорошо. Пройдя примерно до середины двора, она остановилась, потом повертелась на одном месте, затем села и, глядя на меня, сердито затыкала: «Мол, что ты дурака валяешь?! Что это за шутки такие дурацкие?!»

Мои помощники помрачнели.

— Не берет, — мрачно сказал Дудкин.

— И ни фиги из нее ищейки не выйдет, — добавил Васька, грустно кивая при каждом слове головой.

И тут меня осенило.

— Подождите, я сейчас!.. Шумка, домой!

Влетев на кухню, я достал мелкую тарелку, расстелил на ней мой носовой платок и ляпнул на него три полные столовые ложки кулеша. Затем я сложил углы платка, связал их вместе так, что получился мешочек, точнее узелок, пропитанный ароматным тушеночным соком. К нему я привязал тонкую веревочку около метра длиной. Пока я трудился, Шумка взволнованно вертелась возле меня, даже подпрыгивала, пытаясь достать узелок, и увязалась за мной, когда я отправился в переднюю, но я так рявкнул на нее: «Пшла!», что она отскочила, поджав хвост, и я выскользнул из квартиры.

Мои ассистенты не разбредись кто куда, как я того опасался, наоборот, к ним еще прибавился Сеня Ласточкин. Едва я появился, они все молча уставились на меня. Подергав за конец веревки, я пошлепал влажным узелком по ступеньке перед дверью и поволок его за собой к противоположному корпусу. За мной по асфальту потянулась влажная полоска, сначала отчетливая, потом все менее и менее заметная. Когда она прервалась совсем, я стряхнул с узелочка прилипшую к нему пыль, помял и потерял его, после чего он снова намок. Повторив такую процедуру еще раз, я добрался до намеченного подъезда, позвал туда Зину и вручил ей мешочек с таким указанием:

— Если Шумка найдет тебя, развяжи все это, и пусть она ест.

На этот раз все прошло великолепно! Как только мы вышли с Шумкой из подъезда, она полизала ступеньку и прыгнула с нее. Влажный след, оставленный мешочком, местами почти совсем высох, но Шумка, опустив морду, уверенно двигалась в нужном направлении, кое-где останавливаясь, чтобы лизнуть асфальт.

Опять Аглая, Дудкин и Васька заговорили взволнованно все разом и вполголоса, словно боясь помешать Шумке:

— Глядите! Взяла след!.. Ага! Взяла! Идет по следу, идет!

Один только Сеня Ласточкин солидно молчал, скрестив руки на груди. В это время появился его отец Спартак Иванович Ласточкин — большой, грузный и такой же важный, как Сеня.

— Что происходит? — спросил он.

Сеня объяснил ему:

— В том подъезде Зина Брыкина спряталась, а собака должна найти ее по следу.

— Так. Ну-ну! — пробасил Спартак Иванович и стал следить за Шумкой.

И Шумка не подвела! Она подошла к подъезду, где пряталась Брыкина, и та, открыв Шумке дверь, впустила ее к себе.

— Ура-а! — закричал Васька Брыкин. — Нашла-а!

— Ой, нашла, нашла! — прыгала на одном месте Аглая.

— Гад буду, нашла! Вот чтоб мне сдохнуть, если не нашла! — уверял нас Дудкин, словно кто-нибудь в этом сомневался.

— Ишь ты!.. Нашла! — снова пробасил Спартак Иванович и двинулся к дому (мы жили в одном подъезде), бросив на ходу сыну: — Сегодня перед ужином дневник покажешь.

Сеня ничего не ответил и, набычившись, проводил отца мрачным взглядом.

Из подъезда вышли Зина и Шумка — обе в прекрасном настроении. На широком с крупными веснушками лице Зинаиды до ушей расплзалась улыбка, Шумка довольно облизывалась, помахивая крючкообразным хвостом. Зина аккуратно сложила мой грязный платок, обмотала его веревками и передала мне. И тут Антошка вскричал:

— Придумал! Ой, придумал! — Все усталились на него, а он продолжал выкрикивать что-то бессвязное: — Придумал, как для этой... как это... как для Оли... Ну, чтобы ей это... сюжет...

Мы попросили его успокоиться, он подышал немного и заговорил более вразумительно. План его был таков: из квартиры одного из нас похищается какая-нибудь ценная вещь. Мы прячем ее в заранее подготовленном тайнике, своим мешочком с кулешом я провожу след от квартиры, где совершена кража, до этого тайника. После этого мы вызываем Олю и предлагаем ей своими глазами посмотреть, как Шумка отыскивает пропажу.

Сначала этот план все горячо одобрили. Я тут же предложил «похитить» настольные бронзовые часы, доставшиеся маме от ее дедушки, и мое предложение с благодарностью приняли. Но вскоре все приуныли. Кто-то вспомнил, что завтра суббота. Мы-то все пойдем в школу, а родители могут весь день просидеть дома не только завтра, но еще и в воскресенье. Попробуй укради при таких обстоятельствах бронзовые часы или даже что-нибудь помельче. А тут Дудкин еще добавил:

— Чудаки! А вы сообразили: чтобы ищейка нашла какую-нибудь вещь, ей нужно эту вещь понюхать. — Тут он обратился ко мне: — Значит, ты как будешь действовать: позовешь Олю, дашь собаке понюхать твои часы, потом при Оле их закопаешь и начнешь приговаривать: «Шумка, ищи!» Так, что ли?

Как ни грустно нам было, но мы засмеялись, представив себе такую нелепость. И тут Сеня Ласточкин вдруг провозгласил:

— Ладно! Беру это на себя.

Существовала какая-то странная закономерность: всякий раз, когда Сеня Ласточкин «брал что-нибудь на себя», ничего, кроме неприятностей, мы от этого не имели, но всякий раз мы почему-то с радостью соглашались подчиниться его руководству. Так было и сейчас. Мы молча усталились на Сеню, а он тоже молчал,

скрестив руки на груди, опустил широкий подбородок. Первым нарушил молчание Васька Брыкин:

— Сеня, а как?

Сеня высоко ценил каждое свое слово, поэтому помолчал еще секунд десять.

— Мне сегодня отцу дневник показывать, а у меня там три пары.

Мы сочувственно вздохнули и стали ждать, что Сеня скажет дальше. Протомив нас еще некоторое время, он опять заговорил:

— Отец меня сегодня воспитывать будет, а мне это надоело. В конце концов. Придется его самого повоспитывать.

Снова пауза, и снова тоненький голосок Васьки:

— Сеня... А как?

Сеня обратился к нему:

— Раньше ваш отец чуть что за ремень хватался. Так?

— Ой, и правда! — оживилась Зина. — Чуть что — и за ремень!

— А после того как Аглая с Васькой похищение разыграли, говорят, он вас пальцем не трогает?

— Ага! Точно! — подхватила Зина. — Даже пальцем! Ни меня, ни Ваську.

— Так вот, — отчеканил Сеня, — завтра вы меня самого похитите.

Мы опять остолбенели. Потом Аглая робко возразила:

— Сеня! Сень... Но меня... но нас тогда ведь сразу разоблачили...

— Ага, — вставил Дудкин. — Во смеху-то было!

— Вас разоблачили по твоей дурости, — сказал Сеня. — А меня не разоблачат. Пойдемте, я вам обрисую. — И он повел нас со двора.

Я уже говорил, что наш дом был первым многоэтажным домом, построенным на самой окраине города. Теперь к нему с двух сторон подступили кварталы таких же больших новых домов, а с двух других сторон он все еще был окружен деревянными домами и домишками.

Сразу от ворот нашего дома начиналась асфальтированная дорога, ведущая к центру, и тут же справа от ворот начинался короткий проулок между торцовой стеной нашего дома и двухэтажным деревянным строением. От асфальта здесь остались только рваные клочья, замеченные пылью. Мы прошли этим проулком и очутились на одной из улочек обреченного на слом бывшего рабочего поселка. По правую сторону ее стояли жилые дома, а напротив них прилепились друг к другу десятки сарайчиков, чуланов и кладовок, сделанных из чего угодно: из досок, из листов железа и кое-где даже из бревен.

Еще весной здесь можно было увидеть кур, услышать блеяние козы или визг поросенка (эту живность тут кормили хлебом, да и под боком был пустырь, где можно было накосить травы), но

сейчас здесь стояла мертвая тишина. Даже людей не было слышно. Я знал, что жители поселка уже получили ордера на новые квартиры.

Перед бревенчатым сараем с большим ржавым замком Ласточкин остановился.

— Нам везет, — сказал он. — Дядя Терентий замок снять позабыл. Теперь вы меня хорошо запрете.

Меня передернуло. Меня всегда как-то дергало при виде этого сарайчика и этого замка.

Дядя Терентий был дальним родственником Ласточкиных, который волею судьбы оказался их соседом. Почему-то он держал не козу, а козла. Мне врезался в память тот ужасный день, когда я, оставшись один в квартире, впустил к себе членов драмкружка, чтобы порепетировать пьесу по сказке «Иванушка-дурачок». Дудкин капризничал, говорил, что не хочет въезжать во дворец к принцессе верхом на козле, выпиленном из фанеры, и тогда староста кружка Сеня Ласточкин сказал, что обеспечит спектакль настоящим живым козлом дяди Терентия. Слово у Сени не расходилось с делом, и через полчаса артисты втащили ко мне такую злобную, бодливую да еще одноглазую скотину, что Дудкин тут же заявил, что предпочитает ездить на фанерном козле. Доставив ко мне козла, артисты (из коих многие пострадали) дружно вспомнили, что им пора обедать, пообещали скоренько вернуться за козлом, но слова своего не сдержали, и я часа два провел, запершись в одной из комнат и слушая, как Шумка воюет со зверем, который, судя по визгу, раза два ее боднул. Так я мучился до тех пор, пока не появились мои родители, а с ними и дядя Терентий.

Но продолжаю свой рассказ.

Сеня Ласточкин потрогал тяжелый замок.

— Похоже, дядя Терентий еще не совсем переехал, чего-то здесь оставил. — Он наклонился, пошарил указательным пальцем под порошком сарайчика в дорожной пыли и извлек довольно большой изогнутый на конце гвоздь. — Дядя ключ от замка давно потерял, так что этим гвоздем пользуется.

Сказав это, Ласточкин принялся ковырять гвоздем в замочной скважине. Аглая спросила, понизив голос:

— Сеня, а нам не попадет?

— От дяди Терентия, — уточнил Васька.

Ласточкин оглянулся через плечо на окна второго этажа деревянного дома.

— Сейчас он на работе, а завтра суббота, он до вечера в новой квартире устраиваться будет. Так что успокойтесь.

Замок открылся, и мы вошли в сарайчик. Здесь плохо пахло, хотя козла дядя Терентий давно куда-то сбыв. Пол тут был земляной, но почти сухой. Возле одной из стен стоял ящик с остатками

сена и заплесневелой коркой хлеба на дне, рядом с ним стояло ведро. К другой стене была прибита полка, на ней я увидел жестяные банки всяких размеров и какие-то коробки.

Ласточкин оглядел нас по очереди.

— У кого-нибудь кусок фанеры найдется? Чтобы мне на голой земле не сидеть.

— У нас есть за шкафом, — сказала Зина. — Мы зимой на ней с горки катаемся. Сеня, а что ты задумал?

— Пошли на воздух. Я обрисую, что мной спланировано.

И по дороге во двор Сеня изложил свой план. Как видите, он был уже детально продуман и состоял из следующих пунктов.

1. Завтра утром Сеня, как всегда, берет портфель с книгами и тетрадями, но вместо школы идет в кино на самый первый сеанс, после чего перебазировается в другой кинотеатр, затем просто гуляет по городу, питаясь в пельменной или в ином заведении общепита. На проведение этих мероприятий он ассигнует два рубля из денег, которые копит на магнитофон.

2. В наши задачи входит:

а) достать веревки, чтобы, когда потребуется, связать Ласточкину руки и ноги;

б) по возвращении из школы, когда родители Ласточкина встречаются его долгим отсутствием, сообщить им, что Сеня в школе не появлялся;

в) периодически встречаться с Сенией в условном месте для информации о моральном состоянии его родителей.

3. Дальнейшие и самые главные действия:

а) после шести вечера, когда моральное состояние родителей Ласточкина дойдет до нужной кондиции, мы все встречаемся у сарайчика, заходим туда, связываем Сеню, затыкаем ему рот кляпом и, посадив на фанерку, запираем на замок;

б) после этого Леша (то есть я) берет свой мешочек с приманкой для Шумки и проводит им след от квартиры Ласточкиных к сарайчику;

в) затем кто-то из нас предлагает родителям Сени с помощью Шумки хотя бы приблизительно узнать, в каком направлении их сын удалился;

г) одновременно Олю Двинскую приглашают выйти во двор, чтобы лично наблюдать, как Шумка ищет пропавшего.

Словом, когда Оля увидит, как Шумка находит «похищенного» Ласточкина, увидит, как рады Ласточкины-старшие спасению своего сына, которому они жизни не давали из-за плохих отметок, ей будет о чем писать свой рассказ, и в рассказе она прославит наши имена.

Что касается Сени, то он признался нам, что еще не придумал, как описать родителям завтрашнее нападение на него, но был уверен, что до утра придумает.

Возвращаясь домой, я стал опасаться, что одного мешочка с кулешом, пожалуй, не хватит: ведь пока мы будем идти по двору, мешочек, несомненно, оставит нужный для Шумки след, но потом я буду тащить его метров пятьдесят по заброшенной дороге, и он может так забиться всякой грязью, что никакого следа не останется и благодаря мне сорвется так блестяще задуманная операция. Поэтому я решил приготовить не один мешочек, а два.

Дома я бросился к холодильнику и достал оттуда кастрюлю

с кулешом. Слава Богу, там его осталось много. Мои родители кулеша не любили, за ужином довольствовались лишь чаем с утербродами, так что в этом отношении моя совесть была чиста. Раздобыв пустую стеклянную банку и пластиковую крышку, чтоб эту банку закупорить, я принялся выгребать туда кулеш из кастрюли. Я отчаянно спешил: мама вот-вот могла вернуться с работы, а тут еще Шумка учуяла запах и, прыгая возле меня, так визжала и лаяла, что я мог не услышать, как мама открывает дверь своим ключом. Пришлось запереть Шумку в ванной.

Мне повезло. До прихода мамы я успел простирнуть носовой платок и раздобыть кусок марли, которым мама пользовалась как пыльной тряпкой. Закупоренную банку, мокрый платок и марлю я засовывал себе под кушетку в ту минуту, когда мама вошла в квартиру. Она удивилась, почему Шумка воеет в ванной, я пробормотал, что и сам не понимаю, как она туда попала. Еще больше мама удивилась, обнаружив, что кастрюля пуста.

— Неужели ты весь кулеш съел?! — воскликнула она.

— Ага, — ответил я.

— И все за один раз?!

У меня хватило ума сказать, что не за один, что примерно через час после обеда я вдруг почувствовал волчий голод, кроме того, я ел с Шумкой.

— Да хотя бы и с Шумкой, — сказала мама. — Это какой-то ненормальный аппетит.

Вскоре пришел и папа. Мой аппетит его тоже удивил.

— Может, у Лешки глисты? — предположил он. — Не мешает обследовать его и Шумку.

Вечером меня долго мучила бессонница. Мне все мерещилось, что Шумка натягивает поводок, идя по следу, тут же, не спуская глаз с собаки, идут все наши заговорщики, да еще родители Сени Ласточкина, да еще Оля Двинская со своей бабушкой, и вдруг Шумка или просто теряет след, или, завидев кошку, вырывает у меня поводок и бросается за ней, и вся затея проваливается по моей вине.

Если бы завтра был обычный рабочий день, я бы просто оставил Шумку без еды, и можно было бы надеяться, что она с голодухи не отвлечется от следа. Но ведь завтра суббота, родители будут дома и обязательно спросят, почему я не кормлю собаку (эта обязанность лежала на мне). Словом, я вертелся в постели, вертелся, как вдруг в голове моей созрел такой сатанинский замысел, что я тут же спокойно заснул.

* * *

Накануне мама объявила, что сварит густую лапшу на курином бульоне. Этой лапшой я должен был накормить Шумку. На завтрак

мне назначались яйца всмятку, всем на обед бульон и курица с той же лапшой. По выходным мои родители любили поспать часов до десяти, так что я завтракал в одиночестве. Но до завтрака я вывел погулять Шумку, которая, сделав свои дела, заспешила домой: ведь ее тоже ожидал завтрак. Дома я приступил к осуществлению своего адского плана.

Поставив на газ чайник, я достал из кухонного шкафа не солонку, а целую банку с солью и, зачерпнув полную столовую ложку соли, перемешал ее в миске с лапшой, которую мама с вечера поставила на подоконник. После этого я позвал:

— Шумка! Кушать!

Шумка подбежала к поставленной на пол миске и, словно предчувствуя, что ей уготовлена какая-то пакость, не набросилась на еду, а осторожно взяла зубами всего одну лапшинку, тут же выронила ее и уставилась на меня: что, мол, за отраву ты мне даешь?! После этого она еще несколько раз возвращалась к миске, пыталась пробовать лапшу и, подойдя ко мне, тихонько скулила. А я завтракал и ликовал в душе.

Как всегда, мы встретились под аркой ворот нашего дома, но по дороге в школу о нашей затее поговорить не смогли, потому что к нам присоединилась сама Оля, но в школе я рассказал своим о проделке с лапшой, и все очень хвалили меня.

Зато по возвращении домой мне пришлось попотеть.

— Ты знаешь, — сказала мама, как только я вошел в переднюю, — боюсь, что Шумка заболела.

— Да? — машинально отозвался я.

— Подходит к миске, а лапшу не ест. И все время скулит. Может, ты перекормил ее вчера кулешом?

— Может быть, — охотно согласился я.

Пока мы обедали, Шумка вертелась перед столом и продолжала скулить.

— Как видно, живот болит, — заметил папа. — Касторки не мешало бы.

Когда я вышел после обеда во двор, там уже топтались все наши заговорщики, ожидая, когда появятся встревоженные родители Ласточкина и можно будет им сообщить, что Сеня в школе не появлялся. Но Ласточкины все не выходили, и мы отправились на место встречи с Сеней. Оно было назначено в самом конце той улочки, где стоял сарай дяди Терентия.

Ласточкин был уже на месте. Он сказал, что успел посмотреть кинокартину и перекусить в пельменной, а сейчас пойдет в другой кинотеатр. Внезапно он обратился к Зине:

— А где фанерка? Фанерку принесли?

— Не принесли, но мы проверили, — ответил за сестру Васька. — Она у нас за шкафом...

Ласточкин набросился на Брыкиных:

— Вот кретины! Не понимают, что все надо заранее подготовить. Вы когда собираетесь свою фанерку тащить? Когда собака у всех на глазах меня искать будет, а я, связанный по рукам и ногам, уже полчаса на голой земле просижу, да?!

Получив заверение от Брыкиных, что они фанерку немедленно принесут и засунут ее между сараем и каким-то сооружением из железа, Сеня обратился ко мне:

— Ну, а как у тебя с приманкой для собаки?

Я пролепетал, что я еще вчера почти все сделал и что я решил для верности приготовить не один, а два мешочка.

— Решил приготовить! — передразнил Ласточкин. — А приготовишь когда? Сегодня ночью или завтра утром?

По дороге к дому меня мучил такой вопрос: как я буду в присутствии родителей заниматься мешочками с приманкой для своей ищейки? Ведь стоит раскрыть банку с кулешом, как Шумка, учуяв запах, начнет рваться в мою комнату, и родители, конечно, заинтересуются, чем я там занимаюсь. На мое счастье, только мы вошли во двор, как я увидел папу с мамой, которые сказали, что едут навестить друзей.

Дома я закрылся в своей комнате и, не обращая внимания на завывания Шумки, приготовил эти мешочки с привязанными к ним бечевками. Я решил тут же забрать их с собой, чтобы не выносить, когда родители вернутся. Отбиваясь ногами от своей ищейки, я выскользнул из квартиры.

Перед своим подъездом я увидел Аглаю, Дудкина и полную женщину с очень высоким пучком желтых волос на голове. Это была Сенина мама Электра Мироновна. Держа мешочки за спиной, я проскользнул мимо нее и стал слушать, о чем говорят.

Сенина мама просила Аглаю с Антоном как следует припомнить: точно ли они сегодня не видели ее сына, а те делали озабоченные лица, разводили руками и говорили, что сегодня Сеня им совсем не встречался, ни в школьном дворе перед началом уроков, ни в коридорах на переменах.

Когда Ласточкина ушла, я узнал, что события развиваются строго по намеченному Сеней плану. Электра Мироновна сказала, что ее сын приходит из школы голодный, как волк, и даже грубит, если она не успела приготовить обед, а теперь прошло больше трех часов, как он должен был вернуться домой, и вот вам, пожалуйста!

К нам подошли Брыкины, и в руках у Зины мы увидели «фанерку». Это было круглое сиденье от старинного стула, на котором сохранился потертый коричневый лак и какой-то узор из мелких круглых дырочек.

Мы стали прохаживаться по двору, то и дело спрашивая у встречных, который час. С каждой минутой в моей душе нараста-

ла тревога, да и Аглая и Зина все озабоченней поглядывали по сторонам.

Читатель может подумать, что мы и вчера, и сегодня находились в совершенно пустом дворе. Это совсем не так. Здесь вокруг песочницы и под редкими деревьями стояли скамейки, на них можно было видеть старушек, возле которых малыши таскали на веревочках уродливые пластмассовые тракторы, подъемные краны и грузовики. Никто из них не обратил внимания на наши опыты с Шумкой. Не заметили нас и болтавшие старшеклассники, и ребята из самых первых классов. Но так бывало только в будни. По выходным дням работающие жильцы нашего дома лишь часть дня проводили в квартирах, а часам к пяти, если погода хорошая, выбирались во двор и начинали прогулку по асфальтированным дорожкам вокруг продолговатого скверика посреди двора.

Теперь мы увидели, что уже вышел прогуляться «квадратный профессор» — так Аглая прозвала профессора Грабова: это был низкорослый, но очень широкий в плечах пожилой человек с трубкой в зубах и берете набекрень. Он хорошо относился к нам и, проходя мимо, бросил свое обычное приветствие: «Ну, как дела, пираты южных морей?»

Вышли прогуляться и супруги Брыкины: Захар Филиппович — долговязый, жилистый, с длинным подбородком — и его жена Вера Андреевна, такая же рыжая с круглым лицом в веснушках, как Зина и Васька. Вышли еще несколько взрослых, с которыми мы не были знакомы.

— Эй! — сказал Антон, поглядывая на взрослых. — Так не пойдет! Как мы будем прокладывать след, когда тут народу будет, как на демонстрации?!

Все согласились, что след надо проложить немедленно, хотя и опасались, что он выдохнется к тому времени, когда потребуется Шумка.

Оставив Дудкину один из мешочков, я поднялся на площадку второго этажа, пошлепал влажным мешочком по кафельному полу перед дверью Ласточкиных, волоча его по ступенькам лестницы, вышел во двор и потащил к воротам, временами останавливаясь, чтобы встряхнуть его и потеревить. Дудкин вместе с девочками и Васькой в молчании шагали рядом, прикрывая меня от взглядов посторонних.

Я мудро поступил, что приготовил два мешочка: пока я волок по асфальту первый, он оставлял даже в конце двора хоть бледный, но все же заметный след, а на улочке заброшенного поселка он так облепился грязью, что пришлось воспользоваться запасным. Когда мы прибыли на место, я, нажимая на мешочек, поводил им по порожку сарайчика, и тот стал влажным от пахучего сока. После этого мы пошли на очередную встречу с Сеней.

Как и в прошлый раз, он был уже в условном месте и, как мне показалось, выглядел слегка утомленным. Мы доложили ему о проделанной работе. Теперь он уже не рычал на нас, а наоборот, похвалил за проявленную предусмотрительность. Похоже, ему осточертело таскаться по городу в одиночестве. Помолчав немного, он очень небрежно спросил:

— Ну, а эта... как ее? Ольга Двинская... Вы ей сообщили, что я загадочно исчез?

Аглая ответила, что Оля раньше пяти часов не выйдет, что у нее по субботам особый режим: сначала она отдыхает после школы, а потом два часа занимается с бабушкой игрой на пианино.

— Ладно! — сказал Сеня. — Вы, значит, как только увидите, что отец во дворе и справляется насчет меня, — сразу начинайте действовать: бегите сюда, а я буду поблизости. Кто умеет свистеть в два пальца?

Мы четверо лишь переглянулись, но Аглая сказала:

— Я умею.

— Значит, свистнешь мне. Идите!

Прибыв в двор, мы сразу поняли, что «действовать» уже пора. Перед нашим подъездом стояли супруги Ласточкины. Он — в полосатой пижаме, она — в прежнем халате. Они беседовали с толстой пожилой женщиной, с которой мы до сих пор не были знакомы.

— Пшли, пслушаем, что говорят, — тихо прохрипела Аглая.

Мы не спеша, с равнодушными лицами приблизились к взрослым и, не оглядываясь на них, стали прислушиваться к разговору. Я узнал голос Электры Мироновны:

— И ведь понимаете, Прасковья Михайловна... Я говорю Спартаку Ивановичу: «Надо в милицию заявлять, ведь ребенок с утра ушел и даже в школе не появлялся!» А он — все одно: «Надо погодить да надо погодить». Авторитет свой не хочет терять.

— Во-во! — сочувственно отзывалась Прасковья Михайловна. — И мой также само! Понимаете, был у нас такой случай: поехали мы в деревню к золовке. Она, понимаете, гусей держала, потому как тут речка и рядом луг, чтобы пасти...

Спартак Иванович перебил соседку.

— А вон ребята, — услышал я его голос. — Давай-ка мы им еще разок зададим вопросы.

Мы, конечно, сразу обернулись, и Ласточкин обратился к нам:

— Ребята! Это вы точно помните, что наш сын в школе не присутствовал?

Мы на разные голоса ответили, что никто из нас ни разочка не видел Сеню.

— Мнда! Дела! — пробасил Спартак Иванович.

— Пшли! — снова прошипела Аглая. И, заложив руки за спину, разглядывая небо, она поплелась таким ленивым шагом, словно изнемогла от безделья и скуки.

Мы последовали за ней сначала в том же темпе, а выйдя из ворот, дунули со всех ног к знакомому месту. Аглая свистнула, как соловей-разбойник, Ласточкин вырос перед нами, словно из под земли, и через минуту мы все были возле сарайчика.

Сеня сказал:

— Дудкин! Ты будешь ответственный за всю операцию. Так вот, обрати внимание. — Сеня потрогал тяжелый с пятнами ржавчины замок. — Видишь? Дужка тут опущена, но не до конца. Вроде бы замок заперт, а на самом деле не заперт. Видишь? — Ласточкин легко поднял дужку замка, вынул его из петель и продолжал: — Так что ты, когда будешь закрывать, лишь подай ее легонько вниз. А если нажмешь на дужку — она защелкнется, и тебе придется полчаса гвоздем ковырять, пока откроешь. Так что ты этого не допускай. Пошли! Где веревки? Где фанерка?

И веревки, и фанерка уже были у Брыкиных. Усадив Ласточкина на продавленное сиденье от стула, Зинаида с Дудкиным быстро и ловко связали Сене ноги, после чего Антошка деловито спросил:

— Руки спереди будем связывать или за спиной?

Сеня ответил, что только дураки связывают своей жертве руки спереди: ведь в таком случае пленник легко поднесет руки ко рту и зубами перегрызет путы.

— За спиной так за спиной, — согласился Дудкин. — А ну-ка, повернись.

Ласточкин сидел, прислонившись к стене. Он поерзал на своем сиденье, но связанные ноги мешали ему, и он обозлился:

— Ну, вы!.. Да помогите кто-нибудь!

Выполнить это требование оказалось нетрудно: фанерка, многие годы служившая сиденьем стула, была слегка продавлена и по форме своей напоминала выпукло-вогнутую линзу. Ласточкин сидел на вогнутой ее стороне. Зинаида ухватила за его вытянутые ноги и, пользуясь ими как рычагом, без труда развернула Сенью боком к стене. Тут мы предложили ему заложить руки за спину, но Сеня воспротивился этому.

— Стоп! А кляп? Надо сначала кляп запихнуть. — С этими словами он вынул из кармана брюк чистенький, сложенный квадратиком носовой платок, скомкал его и затолкал себе в рот. Помедлив с минуту, он вытянул мокрый платок изо рта и сказал: — Халтура! Сразу понятно, что я могу его вытолкнуть языком. Я это предвидел. — Он вынул из другого кармана чистое не очень длинное полотенце. — Когда я запихну кляп — обвяжите. Чтобы я не мог его вытолкнуть. Понятно?

Все сказали, что понятно. Сеня снова закинул себе в рот платок, и Аглая туго обмотала полотенцем его рот и затылок.

— Не жмет? — спросила она.

Сеня отрицательно повертел головой.

— Ы!.. Ы!.. — услышали мы и поняли, что не жмет.

— Ему неудобно так будет, — сказала Зинаида. — Руки за спиной и опереться не на что. Сеня, правильно я говорю?

— У!.. У!.. — ответил Сеня, кивая головой.

Зина взялась за ноги Ласточкина и прежним способом повернула его спиной к стене, но Сеня снова завертел головой, и мы услышали:

— Ы!.. Ы!.. У!.. У!..

Нам стало ясно, что он хочет сидеть, опираясь затылком о стену.

Вертеть Ласточкина вокруг собственной оси было нетрудно, но придвинуть его сантиметров на десять к стене оказалось гораздо трудней. Тут мне пришлось взять Сеню за одну подмышку, Антону — за другую, Аглая и Зина ухватились за ноги... Словом, общими усилиями мы приподняли его и слегка придвинули к стене, а Васяка догадался в это время подсунуть фанерку под Сенькин зад. Ласточкин откинул голову, и я увидел, что его затылок очень удобно лег на округлую поверхность одного из бревен.

— Ну как, Сеня, порядок? — спросил Дудкин.

— У!.. У!.. — ответил Ласточкин, кивая головой.

— Пошли, ребята, — сказала Аглая, направляясь к выходу. — Сеня, мы, значит, через часок...

— Ы!.. Ы!.. Ы!.. — Сеня энергично замотал головой.

— Ну, через полчаса? — Аглая обернулась к нему через плечо.

— У!.. У!..

Мы вышли из сарайчика, и Дудкин очень осторожно опустил дужку замка, чтобы она не защелкнулась.

* * *

Вернувшись во двор, мы увидели супругов Ласточкиных, одетых уже совсем не по-домашнему: на Электре Мироновне было строгое шерстяное платье вишневого цвета, бусы из янтаря, а в ушах очень большие серьги; Спартак Иванович был в костюме, в рубашке с белым воротничком и при галстукке. Теперь возле них стояла не только Прасковья Михайловна. К ней присоединились супруги Брыкины и мать Аглаи Лидия Петровна — красивая черноглазая женщина с усталым лицом. Она воспитывала дочку одна, без мужа и любила повторять, что Аглая ее скоро в могилу сведет. Тут же стоял профессор Грабов и, попыхивая трубкой, прислушивался к разговору.

— Я уже звонил дежурному по городу, — басил Спартак Ивано-

вич. — Никаких сведений такого порядка нет, чтобы подросток под машину попал или еще какая травма. Теперь, значит, таким образом: предложили подать официальное заявление с описанием примет и приложением фотокарточки.

— Во-во! — вмешалась Прасковья Михайловна. — И у меня так было. Потеряла я паспорт... Может, даже не потеряла его, а украл кто... только мне в милиции, значит, такое указание...

Неожиданно Электра Мироновна обратилась к мужу.

— Спарт!.. А вдруг он Куцеевку решил навестить! Ты ему устроил вчера насчет дневника... а у него самолюбие, вот он и решил в порядке протеста.

Мы знали, что Куцеевка — микрорайон, расположенный на другом конце города, откуда Ласточкины переехали в наш дом и где осталась Сенина бабушка, а также все его прежние друзья.

Старший Ласточкин погладил подбородок.

— Это у тебя оригинальная мысль. Вот как бы только спросить у кого... Если кто видел, что он от ворот пошел прямо, а в школу не попал, то это, значит, плохо. А если он пошел направо от ворот — тогда точно: направился к шестому автобусу и — на Куцеевку. — Тут он заметил нас и заговорил очень ласково: — Ребята! Вы в школе моего сына не видели... А до школы? Может, кто заметил, в каком направлении он, так сказать, двигался?

Наступил решающий момент. Кто-то из нас должен был заговорить, но мы лишь топтались на месте и переглядывались друг с другом. Наконец Аглая решилась. Глядя на носок своей туфли, которой она водила по асфальту, она заговорила:

— Мы, конечно, Сеню не видели, куда он пошел, но только вот у Леши есть собака... Если дать ей понюхать какую-нибудь Сенину вещь, она может напасть на след.

— Да ну тебя со своими собаками! — рассердилась Электра Мироновна. — Тут у людей серьезный вопрос, а она — «след, след!»

В это время к взрослым подошли мальчишка и девчонка лет по семь и стали было слушать, что говорят взрослые, но суровый отец Брыкиных рыкнул на них:

— Ну, а вам чего надо?! Идите, гуляйте себе!

Захара Филипповича боялись все ребята во дворе. Мальши тут же испарились. Я опасался, что Ласточкин нас тоже шуганет, но этого не случилось.

— Нет, Эля, ты не говори, — сказал Спартак Иванович. — Я лично присутствовал и наблюдал. Так сказать, своими глазами. — Он обратился к окружающим, указывая на меня: — Вот, значит, таким образом: этот скомандовал «след, след», собака, значит — носом в землю и точненько привела его в подъезд, где вот эта пряталась.

— А у меня, — заговорила Прасковья Михайловна, — не собака,

а кошка. Сижу я однажды, чай пью с вареньем из черноплодной рябины и думаю: чего это она все чешется да чешется? Неужели блохи завелись?..

Никто не слушал ее.

— Во как! — сказала Брыкина и обратилась к дочке: — Зина, правда?

— А то нет?! — ответила Зина. — Я дала собаке понюхать кеду, а потом убежала, когда собака не видела, и она даже очень приятно нашла.

— Лешка! — обратился ко мне профессор Грабов. — Ведь у тебя обыкновенная такса. Неужели она такими способностями обладает?

— Спросите кого хотите, — ответил я и пожал плечами с равнодушным видом.

Сенина мама смягчилась. Она посмотрела на Зинаиду.

— Ты что давала собаке понюхать?

— Да я сказала уже. — Зина приподняла правую ногу. — Вот... Кеду!

Электра Мироновна зачем-то очень внимательно осмотрела представленную ей подметку и обратилась к мужу:

— Давай, Спартик, попробуем. Если собака нас хоть до остановки шестого доведет, тогда уж точно: будем знать, что он в Куцеевке и пропадает там со старыми друзьями.

— Ага! Нарочно! — подхватил Спартак Иванович. — Чтобы нервы нам потрепать.

— А что ты хочешь? Это у всякого ребенка терпенье лопнет, если ему из-за каждой двойки...

— Хватит, все ясно! — прервал жену Ласточкин и обратился ко мне: — Ты как, сейчас сможешь это... свою собаку организовать?

— Могу. — От волнения я ответил каким-то писклявым голосом.

— Тогда давай таким образом... Ты вроде над нами живешь? — Я кивнул. — Так подходи со своей собакой к нашей квартире, а моя жена тебе вынесет что-нибудь из обуви Семена. Которое ношеное, с запахом. — Ласточкин обернулся к жене: — Ты, Эля, подбери что-нибудь подходящее, а как дашь собаке понюхать — сразу сюда. — И снова обернувшись ко мне, Спартак Иванович закончил: — Ну, значит, ты иди и действуй, а мы посмотрим, как твоя собака...

Я не сразу пошел за Шумкой. Я вертел головой, стараясь увидеть Ольгу Двинскую, ради которой была затеяна вся эта кутерьма, но ее почему-то не было.

Это встревожило и Аглаю.

— А где же... — начало была она и тут же воскликнула: — Вон! Катерина Вторая идет!

И правда: из своего подъезда вышла Екатерина Федоровна. Все

наши обернулись, Аглая бросилась к ней, и мы услышали их голоса — Аглаин, потому что она кричала от возбуждения, и Двинской, потому что старая актриса привыкла говорить громко и отчетливо.

— Катерина Федоровна, здравствуйте! А где Оля? Тут для нее... этот... как его?... сюжет! Такой сюжет!

— Оля больна. Посидела, дуреха, на сквозняке и теперь лежит с температурой. А что здесь происходит? Какой сюжет?

Вы можете себе представить, как у нас вытянулись лица. Ведь получалось, что все наши труды пропали зря! Аглая сразу умолкла, словно ее выключили, и подошла к нам, а мы тоже молчали, поглядывая друг на друга. Первым очнулся Дудкин и прервал эту немую сцену. Он шагнул ко мне и почти вплотную приблизил свой нос к моему.

— Ну, чего стал как пень? — прошептал он. — Ведь там же Сенька! С кляпом во рту!

Тут и я пришел в себя. Поднявшись в лифте к себе на третий этаж, я быстро надел на Шумку ошейник с поводком и в лифте же спустился с ней на площадку второго этажа. Шумка сразу учуяла запах тушенки и принялась осторожно лизать кафельный пол. Я позвонил и натянул поводок таким образом, чтобы Шумка оторвалась от своего занятия.

Электра Мироновна сразу открыла дверь. В руке у нее была тапочка, которую она, нагнувшись, протянула Шумке, и та инстинктивно понюхала ее. Тут я отпустил поводок и громко скомандовал:

— Шумка, след!.. След!

И, как видно, моя голодная ищейка запомнила слово «след», запомнила, что в конце следа ее ждал любимый кулеш. Повизгивая, она пустилась вниз по лестнице, временами чуть приостанавливаясь, чтобы лизнуть ступеньку.

— Ох ты! Учужа! — воскликнула Электра Мироновна. Она бросила тапочку в переднюю, захлопнула дверь и поспешила за мной. Выйдя из подъезда, она проговорила: — Спартак! А ведь и правда, учужа: я ей Сенину тапку понюхать дала, а этот вот сосед наш сказал: «След, след!» и... вон, смотрите, смотрите, как тянет!

Это я услышал уже за своей спиной, потому что Шумка действительно сильно тянула поводок. Почти касаясь носом асфальта, она семенила точно по проложенному следу, хотя он местами уже совсем высох. Я почти бежал за ней с бьющимся от волнения сердцем, рядом со мной спешили Дудкин, Аглая и Зина с Васькой. Я не оглядывался, но знал, что и взрослые следуют за нами. До меня донесся голос профессора Грабова:

— Никогда не думал, что у таксы такой удивительный нюх.

— Боже, как это интересно и какая жалость, что Ольга именно сегодня больна! — Это, как вы сами понимаете, говорила Екатерина Вторая.

— А ну, марш отседова! Чего вы тут не видели?! — Это снова рывкнул папаша Брыкин, и, оглянувшись наконец, я увидел, что кучка малышни, увязавшаяся за нами, остановилась.

— Вот и у меня тако же... — начала было Прасковья Михайловна, но почему-то умолкла, хотя никто ее не прерывал.

Слава Богу, другие взрослые, вышедшие погулять, не обратили внимания на нашу маленькую процессию.

Когда мы вышли с асфальта на улочку проселка, я почувствовал, что у меня слабеют ноги от волнения: Шумка продолжала идти по следу, но все чаще чихала, временами даже останавливалась. Похоже было, что ей мешает дорожная пыль.

И все-таки она привела нас к сарайчику! Привела и тут же принялась лизать его порог. При этом она тихонько скулила и временами поглядывала на меня, что было очень кстати: производило впечатление, будто собака нюхает щель под дверью и старается дать мне понять, что владелец тапочки находится именно здесь.

Все взрослые — супруги Ласточкины, супруги Брыкины, профессор Грабов, Екатерина Вторая, Аглаина мама — напряженно молчали. Даже Прасковья Михайловна не проронила ни слова. Молчали и все наши, кроме Дудкина. А он заговорил. Заговорил громко, словно со сцены, и очень значительным тоном:

— Значит... значит, его тут заперли! Интересно только: совсем заперли или просто так... — С этими словами он потянул замок. Потянул раз, потянул два раза, но дужка не поддавалась: она была углублена до защелки. Загорелое лицо Антошки стало каким-то серым. Он обвел нас мутным взглядом. Аглая закусил кончик темной косы; у Зины сжатые губы поползли куда-то в сторону; Васька засунул полпальца в нос и в таком виде застыл.

— Что, заперто? — пробасил Спартак Иванович.

— Ага, — чуть слышно ответил Дудкин и опустил голову, ища глазами под порогом гвоздь, которым открывали замок.

Я стал смотреть туда же, но гвоздя не увидел. Все взрослые продолжали молча поглядывать то на дверь, то на Шумку, то на Антошку. Оглянувшись, я заметил, что в шагах двадцати, не решаясь приблизиться, стоят и смотрят на нас уже с десяток первоклашек и дошколят.

— Да здесь же он, тут! — вдруг истерично выкрикнула Электра Мироновна. — Спартак, ты что, не видишь — собака нюхает и скулит, собака нюхает и скулит!..

Собака, впрочем, не нюхала, а лизала порожек.

— Семен, ты здесь? — басом позвал Спартак Иванович, но ожидаемого «у!.. у!..» мы не услышали.

Все заговорщики переглянулись. Как видно, страшная мысль мелькнула не только в моей голове: вдруг Сеня задохнулся?! Вдруг у него начался насморк, заложило нос, а кляп-то во рту!..

— Господи, Спартак! — простонала Сенина мама. — Ведь собака-то... Она туда рвется! Что они с ним сделали?! Что сделали?!

— Ужас какой! — пробормотала Двинская.

— Черт знает что! — тихо заметил профессор.

— Надо это... надо чем-нибудь замок сорвать, — сказал Спартак Иванович.

— У меня дома монтировка есть. Может, сходить? — предложил отец Брыкиных.

— Где бы гвоздик такой найти, — бормотал Антошка, согнувшись и шаркая в пыли перед сарайчиком в поисках знакомого гвоздя.

— Зачем тебе гвоздь? — спросил Ласточкин.

— Чтобы... чтобы замок открыть...

— А ты откуда знаешь, что этот замок гвоздем отпирается?

— А?.. — растерялся Дудкин, но Аглая тут же нашла:

— Так мы же... Как, вы не помните?! Мы же козла отсюда к Леше тащили... Когда козел еще был... И Сеня сам гвоздем открывал.

— Как не помнить! — усмехнулся Брыкин-старший. Он вдруг шагнул к сарайчику, заметив торчащий в стене гвоздь, пошатал его, извлек и показал Дудкину.

— Такой годится?

— Ага! Как раз! И даже согнутый такой... — Антон схватил гвоздь, сунул его в замок и начал торопливо ковырять им. Ковыряться он долго, и я заметил, что у него все лицо взмокло от пота. А все молчали. Как-то жутко молчали. Наконец Прасковья Михайловна не выдержала и завела свое в мертвой тишине:

— Вот и у моей прабабки тако же было...

Послышался легкий щелчок, Прасковья Михайловна смолкла. Я увидел, как дужка замка слегка подалась вверх. Через секунду Антон открыл его и вынул из петель, но распахивать дверь не спешил. Он обвел нас все тем же мутноватым взглядом, и моей спине стало холодно: вот сейчас мы войдем и увидим бездыханного Сенью Ласточкина.

— Да открывай же, чего стоишь?! — рявкнул Спартак Иванович, оттолкнув Дудкина, рванул на себя дверь. Шумка громко взвизгнула при этом.

— Ой! Спартак! Я боюсь смотреть, — тоненьким голосом сказала Электра Мироновна.

Как видно, ее муж тоже боялся смотреть: он сначала лишь приоткрыл дверь, заглянул внутрь сарайчика, потом распахнул ее.

— Пусто! — глухо сказал он и отступил назад.

Мы сразу сунулись к двери. Сарайчик был пуст. Лишь белые веревки валялись на земляном полу.

— И фанерка наша куда-то делась, — вдруг пробормотал Васька. Пробормотал негромко, была надежда, что его не услышали. Я тихонько шикнул и указал ему на фанерку, лежавшую в стороне, но было уже поздно.

— Какая еще фанерка? — спросил Спартак Иванович.

— Которая от стула, — машинально ответил Васька и тут же влетел в сарайчик. Это нервы у Аглаи не выдержали, и она дала ему такого пинка под зад, что он чуть не стукнулся о противоположную стену.

— Это что еще за наша фанерка? — спросила мама Брыкиных.

Растолкав нас, она вошла в сарайчик, быстро вышла оттуда и подняла круглую фанерку над головой.

— Точно! — сказала она. — Это наша фанерка. Они на ней всю зиму с горки катались.

Тут послышался тонкий протяжный ноющий звук, похожий на писк комара. Это заплакал Васька. Протиснувшись на дорогу, он поплелся к дому, размазывая слезы кулаками. Родители не стали удерживать его, но долговязый Захар Филиппович обратился к дочке:

— Зинаида! А ну, скажи по правде: это ваших рук дело?

Рыжая Зинаида плотно сжала губы и молча последовала за братом, рыдавшим уже во весь голос. Захар Филиппович и его жена не отстали от нее. До нас донеслось:

— Зинаида! Я дал зарок, чтобы к вам ремень не применять... Только если ты будешь играть в молчанку, я свой зарок нарушу, ты это должна понимать.

Рыжая Зинаида не промолвила ни слова. Она подала нам пример стойкости. Антошка щелкнул замком, запирая его, и мы с ним и Аглаей последовали за Брыкиными, плотно сомкнув уста.

— Лешка! — упрасивал меня профессор Грабов, — ну по старой дружбе Расскажи, что вы тут затеяли!

Я молчал.

— Антон! — приставала к Дудкину заслуженная артистка Двинская. — Ну хотя бы ради твоей приятельницы Оли ты объяснишь, что тут происходит?

Антон молчал.

Рядом с Аглаей шагала ее худенькая мама с усталым лицом. Она тоже расспрашивала Аглаю, только по-другому:

— Аглая! Ну когда же все это кончится? Аглая, когда же я от тебя в могилу сойду?!

Аглая молча шагала, заложив руки за спину.

Малышня, стоявшая все время поодаль, теперь двигалась впе-

реди. Так как они пятились, не спуская с нас глаз, многие из них то и дело оступались и шлепались на зады.

— Вон он! Сенечка! — громко закричала Электра Мироновна и побежала вперед.

Навстречу нам к арке ворот подходили Сеня Ласточкин и дядя Терентий. Он был такой же, каким я его видел еще прошлым летом: такой же небритый, в таком же измятом пиджаке и в такой же засаленной кепке. Он крепко держал за локоть Сеню, с которым был почти одного роста. Лицо у Сени было красное и злое.

Электра Мироновна принялась расспрашивать сына, куда он делся да что с ним произошло, а дядя Терентий отпустил нашего вожака, подошел к отцу и заговорил, тряся головой:

— Ну, Spartak Иванович!.. И наградил тебя Господь сыночком! Хоть мы с тобой ничего, так сказать, общего не имеем, потому как ты человек большой, ответственный, а только я очень рад, что мне квартиру на том конце города дали: подале от таких родственничков.

— Хорошо! — пробасил Ласточкин. — Ты все-таки покороче, Терентий Лукич.

— Очень даже прекрасно, Spartak Иванович! Можно, стал-быть, покороче. Значит, работаю я в новой квартире, все в порядок

привожу... Гляжу — вроде бы надо рамы и подоконники заново побелить, а белила у меня тут остались, в сараюшке. Ну, что делать? Думаю: ах, так твою!.. Придется ехать, потому как еще день на дворе, а работы невпроворот. Приехал, значит, подхожу, гляжу на замок, и что-то меня сомнение взяло: я ведь отлично помню, что третьего дня его как следует запер, а тут дужка замка только чуток опущена, а не защелкнута. Ну, думаю, кто-то у меня пошалил, плакали мои белила. Открываю дверь и... понимаешь ли... сердце у меня сразу: прыг, прыг!.. Потому как этот, значит, сынок твой тут сидит. Правда, я не сразу распознал, что он твой, потому — морда у него до половины обмотана. Ладно! Оклемался я и спрашиваю: «Кто таков?» А он глаза таращит и гукает... страшно так: «У!.. У!..» Ну... собрался я с духом, размотал его, гляжу — это, значит, твой. Вытянул у него платок из рта и спрашиваю: «В чем дело? Ты как сюда?» — «Меня, говорит, похитили». — «Как такое похитили?» — «Ничего,— говорит,— не помню. Меня, говорит, ударили, и я ничего не помню».

Сенина мама всполошилась, стала спрашивать сына, куда его ударили да чем, но дядя Терентий перебил ее:

— погоди, Электра Мироновна. Я, значит, распутал ему руки-ноги... «Идем,— говорю,— в милицию». Идем, значит... Он ничего, идет, а как подошли к отделению, остановился и говорит: «Дядя Терентий, извиняй, это мы пошутили». Забоялся, видать.

— Ничего я не забоялся,— буркнул Сенья.

Спартак Иванович грозно потребовал от сына сейчас же объяснить, что это за шуточки такие, но тот не ответил. Он взглянул на Екатерину Федоровну и стал оглядываться вокруг, явно ища глазами Олю. Аглая поняла это.

— Сень!.. — сказала она. — А Оля-то заболела, дома лежит.

И впервые я увидел нашего руководителя не сердитым, не строгим, не важным, а огорченным. Впервые заметил в его светлоглубких глазах нечто вроде тоски.

— Ладно! Пока! — сказал он и пошел от нас под арку ворот.

— Семен! Ты нам дашь объяснения или нет?! — проговорил Спартак Иванович, идя с женой следом за сыном.

* * *

Вот, пожалуй, и все. Пока мы объясняли взрослым, что вся эта кутерьма была затеяна с целью помочь двенадцатилетней писательнице, подошли мои родители и узнали, как я морил голодом Шумку. Сначала они рассердились, а потом стали смеяться вместе с другими взрослыми. Екатерина Вторая все время вздыхала, что Оли здесь нет. Профессор Грабов посоветовал ей:

— Когда ваша внучка будет писать рассказ, пусть назовет его «Операция «Сюжет».

Но Оля, как мы и опасались, отказалась писать рассказ: ведь она не наблюдала всего своими глазами. Рассказ написал я, когда подросток.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Читатели о журнале

Когда приходит свежий номер «Мы», я всегда сначала «проглатываю» литературную часть, а потом начинаю читать то, что меня всегда больше всего волнует, — рубрику «Говоря откровенно». Не всегда материалы, помещенные в рубрике, дают практический совет — как поступить в разных ситуациях, но читать их интересно и поучительно.

Обрадовала статья Н. Щербаненко «Мода: художник и улица». Здесь начат разговор о том, как привить подросткам художественный вкус. Именно в этой области мы чего-то важного и нужного не знаем. Помогите нам!

Гуля, Саша, Маша, г. Томск

Я прочитала «Дневник Наташи» — и у меня заболела душа. Я начала понимать, как бывает жестока судьба ко многим девочкам. А парни — неужели они не понимают,

что творят? Ведь они убивают личность! Мне очень больно за Наташу — что ждет ее впереди? Спасибо тебе, «Мы», — я теперь наверняка не повторю ее ошибок, хотя, как только я начала читать «Дневник...», мне показалось, что Наташа похожа на меня.

Лена, Краснодарский край

Мне кажется, кого-то из своих читателей ты, журнал «Мы», обидел. Мы хотим читать прозу и поэзию талантливых современников и классических авторов... Журнал называется «Мы», но ведь мы — это не только те, кто без ума от «Ласкового мая» и остальных дешевых групп, мы — еще и почитатели классической музыки, литературы, живописи. И все-таки благодарю вас за новые переводы песен «Битлз», за «Вечную книгу», за повесть Лидии Чарской «Ради семьи» и неизвестные стихи В. Высоцкого. И, пожалуйста, все.

Ася, г. Одесса

Шлю критику на первый номер 1991 года.

1. Бумага и печать отличные.

2. Прозу, поэзию читать времени нет.

3. Отличные рубрики — «Проба пера», «Наше вечное», «Говоря откровенно». Я читал «Дневник Наташи», пла-

кал и кричал: «Что же это, Господи! Как Ты мог допустить такое?» Горько. Стыдно и за себя обидно. «Письма в «Мы» — прекрасно.

Сереза, г. Кривой Рог

Журнал «Мы», я прочитал письмо одного юноши «А я люблю карты!» И вот такая у меня к тебе просьба: вышли наложенным платежом колод десять игральных карт. Постоянно играю с мамой, отцом и братом картами, которые пора выискивать, но других нет. Если не сможешь десять, хотя бы пять колод, пожалуйста, вышли.

В. М., г. Тобольск

Я всегда очень жду журнал. Читаю все рубрики, от корки до корки, кроме «Наше вечное». Извините, это просто не лезет мне в голову. Или я просто не вчиталась в эти строки?..

Таня, Московская обл.

И вновь я перечитала «Две тетради» Петра Кожевникова на твоих страницах, «Мы». Как больно. Неужели в нашей жизни все вот так, запросто, достаточно одного желания — хочу?! У вас спрашивают, а сама и так знаю, что все, о чем написал Кожевни-

ков, так и есть на самом деле. Но почему? Смотреть на жизнь со стороны — провожать глазами уходящий поезд. Но стоит занять место в этом поезде — и сразу открывается столько жестокого, грубого, что при первой возможности выскакиваешь из вагона, закрыв глаза и уши. Иногда жизнь теряет смысл, чувствуешь себя ненужным...

Понимаете ли меня?

О. К., 16 лет, Краснодарский край

Прочитав «Дневник Наташи» В. Чередниченко, я, впервые, поняла, что он — Педагог с большой буквы, а вторых, что Наташа — это я. Есть, конечно, различия, но главное различие в том, что у меня не было такого учителя этики. Наша «этичка» была преподавательницей литературы. Она была похожа на старую сову, и дальше примеров из классики и бесед о семейном бюджете у нас дело не пошло.

Сейчас мне 17 лет. Возраст любви. Как у Наташи...

Раньше я думала о любви. О том, что нет на свете плохих людей, что беды и несчастья могут случиться с кем угодно, обойдя стороной меня. Оказалось — не так.

Я никого не виню.

А любви нет. Казалось, я много раз встречалась с ней, но это была не она.

А что впереди? Не знаю.

Лиля, г. Инта Коми ССР

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Вера СОТНИКОВА:

«ХОЧУ АПЛОДИСМЕНТОВ...»

Считается, что в нашем кинематографе
«звезд» сегодня нет и быть не может.

Ерунда! «Звезды» есть,
их надо только уметь видеть,
надо пытаться разгадывать их тайны,
следить за их полетом.

А мы и в обычное-то ночное небо
перестали смотреть.

Вера Сотникова — «звезда». Ездит на «мерседесе», летит на премьеру своей ленты в Испанию, размышляет над предложенными ей ангажементами в Лос-Анджелесе и Австралии. Любит сына, чистую квартиру, взять сковородку семечек — и читать, любит оставаться одна, а еще — Ренессанс, «золотой» XIX век России, Набокова, небо Австралии, свой театр и режиссера Анатолия Васильева, которого считает постоянным учителем. Подучить английский — и можно выходить на мировой уровень.

Мне в редакционной почте попало несколько писем от молодых людей, считающих эту молодую актрису секс-символом нашего перестроечного кино. Одних проняла она до глубины души в военной ленте «Гу-га!» о штрафниках, где играла библиотекаршу, в которую влюбился юный курсант-авиатор Боря Тираспольский. Не роковую соблазнительницу играла здесь Сотникова — а истомившуюся, полную нерастратченных чувств женщину, солдатку, может, уже и вдову. Ей и любовь-то дарить хочется тому, кто не ведал еще этого счастья (знает, как короток век «летунов» на фронте), и самой сил от жара мальчишеского сердца набраться — чтобы вытерпеть навалившиеся невзгоды, чтобы не разувериться, не озлобиться. Искренний, целомудренный образ создала здесь актриса. И даже любовная сцена в саду, на которую (скорее по инерции) поворачало старшее поколение, вряд ли кого-нибудь оскорбила, ведь сыграна она поэтично, нежно, тактично — и при этом чувственно.

Для других зрителей Вера Сотникова весьма соблазнительной и эротичной показалась в фильме «Десять лет без права переписки» по

ироничной прозе Александра Кабакова. В картине, построенной на анекдотах, байках, небылицах, ходивших в послевоенной Москве, у актрисы — колоритный образ Файки, подружки дворника Коли из печально знаменитого «Дома на набережной». Эта веселая, заводная девушка приглянулась однажды сластолюбивому Лаврентию Берия. И вот уже его подручные приволокли, забрав ее прямо с катка, Фаину в резиденцию «человека в пенсне». Девушка понимала, что ничего хорошего здесь ждать не придется, и — видя шикарно накрытый стол — начинает принимать рюмку за рюмкой. Исключительно для самозащиты. А потому, осмелев и несколько потеряв контроль над собой, выпаливает в лицо тому, чьи портреты она носила на демонстрации, кто он есть... Отчаянная в интимных делах с Колькой, она умела себя блюсти и не собиралась становиться любовницей похотливого убийцы.

Сотникова очень гордится сценой опьянения, считает, что редко какой эпизод дает так стремительно актеру переходить из одного состояния в другое. Роль сыграна, как говорится, на грани фола. Однако поклонников героини моего очерка она прибавила множество. Что ни говори, действительно соблазнительна ее Фаина.

Наверное, это обстоятельство и было решающим в выборе ее на роль героини в экранизации повести Валерия Брюсова «Последние страницы из дневника женщины». Фильм называется «Захочу — полюблю», он с успехом сейчас идет по стране: убежден, что красота Сотниковой, любовные страсти, обуревающие ее

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

**Вера
СОТНИКОВА**

Наталью Глебовну, амурные приключения этой томной дамы начала века заставляют многих мужчин в кинозале учащенно дышать. Очарование актрисы будит фантазию (в том числе и эротическую — чего уж скрывать), так что вот-вот начнется новый поток писем с просьбами напечатать фото пленительной артистки, написать о ней, плюс неизменные пылкие признания, требования дать ее адрес, телефон.

Я считаю — нормальная «звездная» лихорадка. Потому актеры и становятся кумирами публики, что олицетворяют лучшие качества, воплощают представление об идеале. Существует легенда, что в Америке поклонники знаменитой актрисы Греты Гарбо бросались во время сеанса к экрану и... целовали изображение своей любимицы. Не исключая, что у кого-то подобные желания вызывают настенные и карманные календари с изображением Сотниковой, ведь недаром в «Захочу — полюблю» столь многие представители «сильного» пола сходят с ума по ее Наталье Глебовне.

...Помню, полгода назад я попал в аппаратную зала тонзаписи «Мосфильма». Шло как раз озвучивание мелодрамы «Захочу — полюблю». На экране Сотникова в старинном платье доверительно беседовала с Ольгой Машинной, изображавшей другую светскую даму: «Счастье не в деньгах... Меня до отчаяния любит один человек — моложе меня на десять лет. Без недостатка. Не могу избавиться от проклятия последней встречи с ним. Последние слова его как клятва: если ты уйдешь, я убью себя... Нет, пожалуй, я решусь и — уеду с ним за границу!»

Я видел через большое стекло, как в темноте павильона, плавно по-

качиваясь, будто плывя в вальсе, стоит у пульта с микрофонами и свещающимися лампочками актриса. Режиссер не очень ровно смонтировал эпизод, и исполнительница никак не могла попасть в артикуляцию своей героини: не хватало момента, чтобы набрать дыхание. Звукооператор злился: «Переозвучивать ее надо, опять не уложила текст». «Да нет, Вера справится, — убеждала его ассистентка. — Просто она нервничает, ей ведь вечером уже на другие съемки лететь».

В перерыве из павильона ко мне вышла девушка, разительно непохожая на ту романтическую пышноволовую даму на экране. Коротко стриженная, в коротких брючках, цветной майке, с темными очками, зацепленными за вырез на груди. Улыбка на усталом лице. И неуловимый шарм даже «в рабочее время». Уже после первых ее фильмов — «Признать виновным», «Внимание! Всем постам...», «Курьер», «Конец вечности» и телесериала «Государственная граница» пресса писала, что в этой начинающей актрисе кроются какая-то тайна, внутренняя гармония, не столь часто встречающиеся в нашей суетной жизни. Мол, именно эта тайна и подкрепляет атмосферу «фантастического реализма» в космическом детективе «Конец вечности» по Айзеку Азимову. Чистый притягательный женский облик на экране становится чуть ли не символом земной красоты.

Нет, в реальной жизни Вера Сотникова отнюдь не героиня жестокой мелодрамы. Хотя приходилось ей испытывать на себе и приступы ревности, и терпеть назойливые ухаживания — это не из самых приятных ощущений. Но знает, что бывает хуже: вот героиню криминально-

правоучительной драмы «Признать виновным» ее кавалер от злости, что она охладела к нему, даже пырнул ножом.

...Мы присели в коридоре киностудии. Вера выглядела расстроенной и сквозь зубы досадовала на режиссера:

— Такие возможности упущены! Ведь это Брюсов! Модерн, символика, поток сознания! А снимали второпях, не успев ни костюмы подобрать как следует, ни атмосферу найти. Предлагаю постановщику: «Давайте эту сцену на теньх решим, давайте какую-нибудь деталь-аллегорию из брюсовских стихов на экран перенесем: например, летучую мышь, вцепившуюся в занавеску, или страницы книги, летаемые ветром». Нет. Говорит, что зритель не на это придет смотреть, а на эротические сцены (их у меня тут пять, в финале даже с девушкой, поскольку моя героиня кокетка, страстная натура, такая «доппа жуанита»). Есть моменты рискованные, достаточно откровенные — и важно было все сыграть без пошлости, лирично, красиво. Эротика — тонкая материя...

Пожалуй, пережимать здесь действительно нельзя. Момент интимности в искусстве ведь волнует постоянного тогда, когда не все показано и разжевано, когда не все подано «грубо и зримо», а что-то лишь угадывается, обозначается намеком, штрихом, давая простор зрителям мысленно «доиграть» ситуацию. В противном случае получится так грубо и плоско, что и близких-то пригласить на премьеру постесняешься.

Если честно, все эти «экранно-эротические этюды» для Сотниковой — лишь эксперимент в новом, запретном некогда жанре. Ей они

интересны как момент обогащения своей исполнительской палитры. Ведь, по сути, она серьезная драматическая актриса, закончила школу-студию Московского Художественного театра, училась у такого известного мастера, как Олег Ефремов, в театре работала с постоянными «звездами» режиссуры — Анатолием Эфросом и Анатолием Васильевым, чьи спектакли имеют колоссальный успех за рубежом. Некоторое неудобство лишь в том, что «Школа драматического искусства», возглавляемая Васильевым, спектакли для публики почти не играет, режиссеру интереснее искать новые формы, кропотливо работать лабораторно...

— А я актриса, — вздыхает Вера. — Я хочу выходить на сцену. Может, это очень по-женски, но хочу цветов, аплодисментов, поклонников! «Вот ты вся в этом, Сотникова», — говорит мне Васильев, стараясь пристыдить. А я отвечаю: «Да». И не поехала с театром недавно в Югославию, где в спектакле для меня была заготовлена главная роль. Выбрала съемки в фильме по Брюсову, но вот на то ли я сделала ставку — покажет время и мнение зрителей.

...Актерское дело влекло эту красивую девушку давно. Еще девятиклассницей пошла на прослушивание, когда московские педагоги из театрального училища приехали к ним в Волгоград искать талантливую молодежь. Вера им понравилась. Но в институт принимают лишь после десятого класса, пришлось год ждать. А планы на жизнь за этот год изменились. В столицу Вера Сотникова приехала — но с твердым намерением поступать... в университет на факультет преподавания русского языка для ино-

странцев. Впрочем, для сдачи документов у нее не оказалось какой-то справки, и поги сами привели абитуриентку в проезд Художественного театра. Заглянув под старинные своды школы-студии МХАТ, вдруг поняла: хочу учиться здесь.

Сплав внутренней хрупкости и духовной твердости — характерная черта многих сценических и экранных героинь Сотниковой. А число их растет. Скоро на экраны выйдут советско-марокканская историческая лента «Огненные барабаны» и боевик «Охота на сутенера». На телеэкране прошла с ее участием советско-чехословацкая лента «Право на прошлое». Снимается в советско-американском сериале «История Аляски» по Джеку Лондону, ждет ее съемочная площадка и Одесской студии... Но какие-то роли, которые хотелось бы сделать «своими», проходят мимо. Так, Вера очень жалеет о роли медсестры в советско-английской драме «Затерянный в Сибири», для которой, по словам постановщика, она оказалась слишком красива. Всего лишь раз сыграла в инсценировке «Доктора Живаго» Бориса Пастернака и страдает, что подобная роль, богатая чувствами и мыслями, может больше не встретиться, но...

— По гороскопу я Крыса, и в этом году мне предначертано добиться удачи в делах, — улыбается Вера. — Правда, хотелось бы и в любви. По натуре я человек мечтательный. О чем мечтаю? Чтобы все было нормально, чтобы мой семилетний Ян был здоров, чтобы воду горячую не отключили, когда хочется принять душ, чтобы лев не съел, на спине которого мне предстоит прокатиться скоро на съемках... Но вот читаю сейчас сценарии — и в ужасе! Опять чернуха,

ширпотреб, дешевка. Сколько можно! Даже невероятно, что из такого количества предложений, какое мне сейчас идет, нечего выбрать.

На ее счету сегодня почти двадцать фильмов. Но упорно продолжает считать себя театральной актрисой. Ведь играла и Елену Андреевну в «Дяде Ване» Чехова, и Полину в «Игроке» Достоевского, и Маргариту в «Нельской башне» Дюма. В кино же то и дело разные подружки при главном герое да любовницы влиятельных богачей.

После презентации Ассоциации независимого кино СССР (есть такая организация, включающая в себя восемьдесят киностудий, вышедших из-под опеки Госкино), которую Вера изыщно и остроумно вела, я поинтересовался, как она сама относится к «независимым» (ведь их продукция составляет чуть ли не половину того, что выходит у нас).

— Мне все это не очень нравится, — не стала кривить душой актриса. — Большинство «независимых» фильмов считаю просто посредственными. Обидно то, что в руках кинокооператоров большие деньги, а обернуться они могут глыбой пошлости, потоком безвкусицы.

И вдруг Вера чисто по-женски переключилась и вспомнила о чем-то забавном:

— Знаете, а меня недавно обезьяна поцеловала! Правда. Это должна была быть моя партнерша на съемках в Коста-Рике. Когда дрессировщица ввела за лапку эту смешную застенчивую шимпанзе, я так растрогалась, сразу протянула к ней руки — «Девочка моя!» — и она бросилась ко мне, выпрыгнула на колени, обняла. И прямо в губы чмокнула, как человек!

Петр ЧЕРНЯЕВ

Если я скажу: «Буду рада, коль ты
Без скандала уйдешь»,
Ты поверишь?

Ты подумаешь: «Просто
Расшатаны нервы. Ай-ай!»

Пожалеешь.

Безуспешно пытаюсь скрыть рану,
Накинув печаль, как вуаль.

Не посмеешь,

Как ребенка, избить

Плечью криков, нагайкою слов —

Это глупо.

Мне так дурно и больно,

Что я осознала: любовь — это мука.

Ты не верь мне. Я просто устала.

Бывает. Но быстро пройдет.

Неизбежно.

Повзрослеем и бросимся вместе

В бурлящий поток — в нежность.

***

Да, все-таки полезно иногда

Задуматься о жизни нашей серой,

В пережитках чьей-то нудной веры...

А ночь без сна — так это не беда.

А голова болит — пускай болит.

Извилины в ней прибавятся,

быть может,

Бессонница ей в этом лишь поможет.

Не бойся за усталый внешний вид.

Никто не запретит мне говорить

О том, что с виду только шито-крыто.

Мне лестно, что не раз бывала бита,

Ведь дурочку никто не станет бить.

Я поняла — не вредно никогда

Подумать на досуге над вопросом:

Зачем мы все ломаем, долбим, сносим

И на руинах строим города?

Я поняла, что слишком много слов

Под видом старых правил и традиций

Внушали нам, безропотным, безлицым,

Пытаясь нас оставить без мозгов.

Я очень много ночью поняла,

Своим умом дошла, как говорится,

Чуть не попала, правда,

в психбольницу —

Но это уже личные дела.

Юлия ПУЧКОВА, 15 лет

***

Полночь. Я жду Новый год.

Прислушиваюсь к часам.

Секунда — и он придет,

А ты останешься там.

Там — значит, в прошедшем

И от меня ушедшем.

Значит, мною забытом,

Словно книга, закрытом.

Значит, совсем ненужном.

Значит, так нужно,

Так нужно.

Светлана ИВЛИЧЕВА,

15 лет

***

Укатил пешеходной дорожкой

Переполненный детством фургон,

А в стихах моих чаще немножко

Вам встречается некто Он.

Не теряю фургона из виду,

Он совсем еще недалеко.

Я пока на него не в обиде,

Мне без детства пока легко.

Анастасия

ЦАРЕГОРОДЦЕВА, 14 лет

***

Не очень я верю в Бога,

Но если он все же есть,

Попрошу у него немного —

Мне ни власть не нужна, ни лесть.

Попрошу у него: «О Боже!

Дай чистой воли речной

И синего неба тоже.

И радуги над головой».

Попрошу у него: «О Боже!

Дай мне здоровья, ума.

А все остальное, быть может,

Я сотворю сама».

Рекс СТАУТ

КЛИЕНТЫ НИРО ВУЛЬФА

РОМАН

Перевод с английского Андрея ШАРОВА

1

Когда он обосновался в красном кожаном кресле, я подошел к своему столу, развернул стул, чтобы оказаться прямо напротив посетителя, сел и вежливо, но без особого воодушевления воззрился на него. Отсутствие воодушевления объяснялось отчасти тем, что костюм пришельца, стоимостью в 39 долларов и 95 центов, сидел плохо и нуждался в утюжке, а трехдолларовую рубашу он таскал уже второй или третий день подряд. Но в основном — обликом самого гостя. С длинным костлявым лицом и широким лбом его все было в порядке, но он никак не производил впечатления человека, способного существенно увеличить банковский счет Ниро Вульфа, счет, который на сегодняшний день (начало мая, понедельник) составлял всего 14 тысяч 194 доллара и 62 цента. Такая сумма могла бы показаться достойной уважения, если б не еженедельная плата Теодору Хорстману, человеку, который присматривает у нас за орхидеями, Фрицу Бреннеру, повару и эконому, и мне, мальчику на побегушках. Да еще счета от бакалейщика (свежая черная икра, которую Вульф любит добавлять в вареные яйца за завтраком), всякие там штуки, необходимые орхидеям, что растут в оранжерее на крыше нашего старого многоэтажного дома, не говоря уж о новых цветочных приобретениях, то да се... Словом, за месяц на все это вылетит еще минимум тысяч пять. А пятнадцатого июля, через каких-то пять недель, — очередной налоговый взнос. Так что, если на горизонте не замаячит какой-нибудь солидный гонорар, придется, глядишь, отправиться в банк и потрошить свой сейф в самом скором времени.

Когда звякнул звонок у двери, я пошел в холл взглянуть сквозь стекло с односторонней светопроводимостью и, увидев взрослое двуногое мужского пола, подумал, что по вышеперечисленным причинам уместнее всего сейчас распахнуть дверь пошире и одарить пришельца исполненным сердечности взглядом.

— Это квартира Ниро Вульфа, не так ли? — спросил он, и я ответил, что да, но только самого мистера Вульфа не будет до шести

часов. На что он сказал: — Я знаю, что с четырех до шести он в оранжерее. Мне бы хотелось встретиться с Арчи Гудвином. Это ведь вы мистер Гудвин?

Признав это, я осведомился у посетителя, в чем состоит его дело, и он ответил, что хочет получить консультацию, связанную с родом моих занятий. Я уже успел прикинуть его на счетах (или думал, что успел) и понял, что надеяться тут особенно не на что. Однако если уж убивать время, то не все ли равно, одному или в компании? А посему я провел гостя в кабинет. Еще одно очко не в его пользу — отсутствие шляпы. Как известно, в шляпах ходит 96 процентов людей, способных платить хорошие гонорары.

Он откинулся в кресле, опустил подбородок, нацелил на меня умные серые глаза и произнес:

— Конечно, мне придется представиться?

Я покачал головой.

— Если дело нестоящее, то необязательно.

— Стоящее, — он закинул ногу за ногу. Верх его серых, в красную крапинку носков обвис, и они чуть ли не лежали на ботинках. — Стоящее, иначе зачем бы мне приходить сюда? Я хочу посоветоваться с вами совершенно доверительно.

Я кивнул.

— Разумеется. Но это контора Ниро Вульфа, и я работаю у него. И счет, если вы его получите, тоже будет от Вульфа.

— Знаю, — видимо, для посетителя это не имело никакого значения. А глаза у него действительно были умные. — Я рассчитываю получить счет и оплатить его. Вы можете гарантировать полную тайну?

— Разумеется. Если, конечно, вы пришли не со слишком тяжелой для меня ношей, убийством, например, или государственной изменой.

Он улыбнулся.

— Другие грехи говорят тихо; убийство кричит во весь голос. Измена же обречена на позор. Ни то, ни другое. Преступления мои законом не предусмотрены. Ну, а теперь, мистер Гудвин, скажу по секрету. Имя мое Эджер. Томас Г. Эджер. Возможно, вы слышали либо где-то прочли его, хотя я не знаменитость. Мой адрес — Восточная Шестьдесят восьмая улица, дом 340. Фирма, вице-президентом которой я работаю, называется «Континентал Плэстик Продакс» и находится в Эмпайр Стейтс Билдинге.

Я и глазом не моргнул. «Континентал Плэстик Продакс» могла оказаться гигантом, занимающим три или четыре этажа, но могла и ютиться в двух маленьких кабинетиках с одним-единственным телефоном у вице-президента на столе.

Однако я знал названный им район Восточной Шестьдесят восьмой улицы. Там были далеко не трущобы, совсем даже не трущобы. Этот тип мог носить костюм за 39 долларов и 95 центов просто

потому, что плевать хотел на свой вид и был в состоянии позволить себе это.

Я знал председателя совета директоров одной корпорации, которая ворочает миллиардами. Этот председатель вечно ходил в грязных ботинках и брился через день.

Я вытащил блокнот, чтобы записать данные. Еджер продолжал:

— Моего домашнего телефона нет в справочнике. Чизхолм 5-32-32. Я пришел, когда Вульф занят, чтобы повидать вас. Излагать дело ему нет смысла, поскольку он просто поручит его вам. Мне кажется, что за мной следят, и я хочу в этом удостовериться. равно как и установить личность соглядатая.

— Ну, это задачка для детей дошкольного возраста, — я швырнул блокнот на стол. — Любое приличное агентство возьмется выполнить ваше задание за десять долларов в час. А у мистера Вульфа к вопросам гонорара другой подход.

— Знаю. Это не имеет значения, — он отмахнулся. — Выяснить, следят за мной или нет, — вот что важно. И быстро. А самое главное — узнать, кто именно следит. Ни в одном агентстве, что берут по десять долларов в час, не найдется такого специалиста, как вы.

— Не в том суть. Даже если я стою лишь половину того, во что себя ставлю, все равно жалко было бы транжирить мои способности ради обнаружения «хвоста». А что, если никакого «хвоста» и в помине нет? Сколько понадобится времени, чтобы убедить вас в этом? Скажем, десять дней, по двенадцать часов в сутки, за сто долларов в час. Двенадцать тысяч плюс расходы. Даже если вы...

— Десять дней не понадобится, — он поднял подбородок. — Уверен. И не двенадцать часов в сутки. Позвольте мне объяснить, мистер Гудвин. Мне кажется, что за мной следят или будут следить только в определенные часы. Точнее говоря, я подозреваю, что попаду под наблюдение сегодня в семь часов вечера, когда выйду из дома, чтобы отправиться через Центральный парк в другой конец города. В дом номер 156 по Западной Восемьдесят второй улице. Возможно, будет лучше всего, если вы окажетесь возле моего дома в тот момент, когда я выйду, но выбор тактики, конечно же, остается за вами. Я не хочу, чтобы по этому адресу за мной кто-то тасился. Мне надо сохранить его в тайне. Если слежки не будет, на сегодня ваша работа кончится, и я обращусь к вам опять только тогда, когда снова поеду по этому адресу.

— Как скоро это произойдет?

— Точно не скажу. Может, на этой неделе, а может, как-нибудь на следующей. Я могу предупредить вас заранее.

— Вы поедете на такси или на собственной машине?

— На такси.

— Что для вас важнее — избежать слежки, узнать, следят ли за вами вообще, или же установить, кто это делает?

— Все одинаково важно.

— Так, — я поджал губы. — Признаюсь, случай несколько особый. Я говорил о сотне долларов в час, но это — такса. А с мистером Вульфом...

— Тут сложностей не возникнет, — он улыбнулся. — Значит, жду вас около семи. Может быть, немного раньше?

— Вероятно, — я взял записную книжку. — Следящий будет вам знаком?

— Не знаю. Может, и да.

— Мужчина или женщина?

— Не могу сказать. Не знаю.

— Профессионал или нет?

— Не знаю.

— Обнаружить его будет нетрудно, но что потом? Если это профессионал, я, возможно, опознаю его, но это нам почти ничего не даст. Конечно, я смогу сбить его со следа независимо от того, узнаю или нет, но имя его клиента мне выудить не удастся.

— Но вы в состоянии сделать так, чтобы он потерял след?

— Конечно. Во сколько вы оцениваете сведения о клиенте?

— Я не знаю... — он заколебался. — Не думаю, чтобы это меня заинтересовало.

— Если кто-то следит за вами на свой страх и риск, я, конечно, его собою, но дальше что? Вы хотите дать ему понять, что его засекли?

Еджер размышлял три секунды.

— Нет, лучше, наверное, не надо.

— Тогда я не смогу его сфотографировать, только описать.

— Это меня вполне устроит.

— Хорошо, — я бросил блокнот на стол. — Вы живете в многоквартирном доме? На Шестьдесят восьмой улице.

— Нет, это особняк. Мой собственный.

— Значит, мне нельзя входить внутрь и приближаться. Если за вами следит профессионал, он, скорее всего, узнает меня. Сделаем так: ровно в семь вечера вы выйдете из дома, пройдете по Второй авеню — на другую сторону не перебирайтесь — и свернете налево. Шагах в тридцати от угла есть забегаловка, а перед...

— Откуда вы все это знаете?

— В Манхэттене не так уж много незнакомых мне кварталов. Перед забегаловкой, либо у тротуара, либо во втором ряду, будет стоять желто-голубое такси с шофером и опущенным флажком. У шофера большие уши и широкая квадратная физиономия. Вы скажете ему: «Вам бы не мешало побриться», и он ответит: «У меня нежная кожа». Для пущей верности посмотрите на табличку с именем водителя. Альберт Голлер, — я произнес имя по буквам. — Хотите записать?

— Нет.

— Тогда не забудьте. Дайте ему адрес на Западной Восемьдесят

Рисунки Леола ХАЧАТРИАН

второй улице и успокойтесь. Это все, что требуется от вас. Что бы ни вытворял водитель, это его дело. Не смотрите все время назад, иначе задача может несколько осложниться.

Он заулыбался.

— Немного же вам понадобилось времени, чтобы расставить декорации, а?

— У меня его вообще немного, — я взглянул на стенные часы. — Скоро пять.

— Замечательно, — сказал он, выбираясь из кресла, — я знал, что не ошибусь в вас.

Он протянул руку.

— Можете меня не провожать, я знаю дорогу.

Я пошел с ним, как неизменно делал последние несколько лет, с того дня, когда один посетитель не захлопнул за собой дверь, а потом проскользнул назад в дом, спрятался под кушеткой в передней и облазил ночью все ящики в кабинете, которые смог открыть. У порога я спросил Еджера, как зовут таксиста, и он ответил верно. По дороге назад я прошел мимо двери кабинета на кухню, взял с полки стакан и вытащил из холодильника картонку с молоком. Фриц, который резал лук на большом столе, метнул в мою сторону взгляд и сказал:

— Это оскорбление. Я дерну тебя за нос. Моя селедочная молока с зеленью — царское блюдо.

— Угу, только я не царь, — я налил себе молока. — И к тому же скоро отправляюсь по делам, а когда вернусь — не знаю.

— А, личные дела...

— Нет, — я отхлебнул. — Я не только отвечаю на вопрос, но и задам его за тебя. Зная, что у нас вот уже полтора месяца не было ни одного стоящего клиента, ты хочешь разнюхать, не появился ли таковой теперь, и я тебя за это не виню. Возможно, но вряд ли. Похоже, опять какая-то мелюзга, — я взял молоко с собой в кабинет, сел за телефон, набрал номер «Гэзетт» и связался с Лоном Козном. Лон заявил, что слишком занят и сможет выслушать лишь краткое содержание статьи, достойной первой полосы, или приглашение на партию в покер. Я ответил, что пока ни того, ни другого предложить не могу и не стану класть трубку, а он пусть сходит в архив и посмотрит, нет ли там чего-нибудь о Томасе Г. Еджере, вице-президенте компании «Континентал Плэстик Продакс», живущем в доме 340 по Восточной Шестьдесят восьмой улице. Лон сказал, что слышал о таком и, возможно, в справочном отделе есть папка Еджера. Он обещал послать за этой папкой и перезвонить. Так он и сделал десять минут спустя. «Континентал Плэстик Продакс» оказалась крупной фирмой. Головное предприятие компании находилось в Кливленде, а административное управление и торговые агентства размещались в Эмпайр Стейтс Билдинге. Томас Г. Еджер занимал пост вице-президента уже

пять лет и верховодил в компании. Он был женат, имел незамужнюю дочь по имени Энн и женатого сына, Томаса Г. Еджера-младшего. Он был членом...

Я сказал Лону, что больше никаких сведений мне не надо, поблагодарил его, повесил трубку и позвонил по внутреннему телефону в оранжерею. Спустя некоторое время послышался голос Вульфа, Сердитый, разумеется:

— Да?

— Прошу прощения за беспокойство. Приходил некто Еджер. Он хочет знать, следят ли за ним, и если да, то кто. Понимает, что мы его обдерем, и ничего против не имеет, потому что его не устраивают никто, кроме меня. Я навел о нем справки. Он в состоянии понести такие расходы, а я, может быть, заработаю двухнедельное жалованье. Когда вы спуститесь, я уже уйду. Его имя и адрес в моей записной книжке. Вернусь до отхода ко сну.

— А завтра? Как долго все это продлится?

— Недолго. Если же затянется, позовем Сола или Фрэда. Позже все объясню. Это всего лишь случайный заработок.

— Прекрасно, — он положил трубку, а я набрал номер Эла Голлера.

2

Через два часа, в 20 минут восьмого, я сидел в такси, припаркованном на Шестьдесят седьмой улице между Второй и Третьей авеню, и, изогнувшись, смотрел сквозь заднее стекло. Если Еджер вышел из дому ровно в семь, то в семь ноль четыре он должен был сидеть в такси Эла Голлера, а в семь ноль шесть Элу надлежало свернуть на Шестьдесят седьмую улицу. Но сейчас уже 20 минут восьмого, а такси и в помине нет.

Гадать, в чем причина задержки, как это делал я, было бесполезно. В семь сорок я сказал Майку Коллинзу, шоферу моего такси и своему парню:

— Ладно, пойду взгляну.

Я вылез из машины и зашагал к углу. Эл все сидел в своем такси перед закусочной. Как только зажегся зеленый свет, я пересек проспект, подошел к машине и спросил:

— Где он?

Эл зевнул.

— Я знаю только, где его нет.

— Я ему позвоню. Если он выйдет, пока меня не будет, делай вид, что не можешь запустить мотор, до тех пор, покуда я не появлюсь, и дай мне время вернуться к Майку.

Он кивнул и снова принялся зевать, а я вошел в закусочную, отыскал телефонную будку и набрал 4-5-32-32. После четвертого звонка послышался мужской голос:

- Резиденция миссис Еджер.
- Могу я поговорить с мистером Еджером?
- Сейчас его нет. Назовите ваше имя, пожалуйста.

Узнав голос сержанта Пэрли Стеббинса из западного отдела по расследованию убийств, я повесил трубку, вышел и, сделав Элу знак оставаться на месте, прошагал до угла Шестьдесят восьмой улицы. Здесь я свернул вправо и продвинулся дальше. Увидев за рулем полицейского автомобиля, стоявшего против дома 340, того парня, который обычно возил Стеббинса, я сделал резкий разворот и заспешил обратно в закусочную. Здесь я снова вошел в телефонную будку и позвонил в «Гзетт» Лону Козну. Я хотел спросить, не слышал ли он о каких-нибудь интересных случаях убийств, совершенных за последнее время, но спрашивать ничего не пришлось.

- Арчи? — раздался его голос.
- Точно. Ты слыш...
- Откуда, черт возьми, ты узнал, что Томаса Еджера кокнут, когда позвонил мне три часа назад?
- Я не знал. Я просто...
- Чушь! Но все равно спасибо за материал на первую полосу. «НИРО ВУЛЬФ ОПЯТЬ ОПЕРЕЖАЕТ ПОЛИЦИЮ». Я как раз сейчас пишу его. Ниро Вульф, выдающийся частный сыщик, подключился к расследованию убийства Томаса Г. Еджера за два с лишним часа до того, как труп последнего был найден в котловане на Западной Восемьдесят второй улице. В пять минут шестого вечера его подручный Арчи Гудвин позвонил в «Гзетт», чтобы получить...

— Можешь слопать свой материал. Всему свету известно, что я не подручный Вульфа, а его обожатель. Кроме того, сейчас я звоню тебе впервые за этот месяц. Если звонил кто-то еще и подделывался под мой голос, это, возможно, был убийца, и у тебя не хватило ума поддержать его на проводе и узнать, откуда звонят, ты мог бы...

- Ладно. Когда ты сообщишь мне хоть что-нибудь?
- Когда будет что сообщать. Я всегда это делаю, не так ли? Считаю, что я не знал об убийстве Еджера, пока ты мне не сказал. Где там этот котлован на Западной Восемьдесят второй?

- Между проспектами Колумба и Амстердамским.
- Когда нашли тело?
- В десять минут восьмого. Пятьдесят минут назад. Под брезентом, в яме, которую выкопали ребята из фирмы «Кон Эдисон». Мальчишки полезли в котлован выручать закатившийся туда мяч. Я подумал секунду.

— Тело, должно быть, свалилось в яму после пяти часов, в это время парни из «Кон Эдисон» кончают работу, если у них нет аврала. Кто-нибудь видел, как труп упал, и натянул на его брезент?

- Я почему знаю? Нам только полчаса назад сообщили.
- Это точно Еджер?

— Сто процентов. Один наш репортер узнал его в лицо.

— Откуда известно, что Еджера убили?

— Официального сообщения еще не было, но у него в голове сбоку дыра, и пробита она явно не пальцем. Слушай, Арчи, эта папка из архива была у меня на столе, когда пришли вести о Еджере. Через час все здесь будут знать, что еще за два часа до всего этого я за ней посылал. Если дело раздуется, у меня могут быть неприятности. Значит, я скажу, что запросил папку из архива из-за твоего звонка, а какой-нибудь доброхот шепнет об этом в отдел по расследованию убийств, и что тогда будет?

— Тогда я, как обычно, стану работать вместе с полицией. Я приеду к тебе через двадцать минут.

— Отлично. Рад буду тебя видеть.

Я сел в машину Эла и велел подкатить к Майку, который ждал за углом.

— Кончен бал, — сказал я обоим водителям. — Обстоятельства вышли из-под моего контроля. По двадцать долларов на брата хватит, как вы думаете?

— Ага, — сказал Майк.

— Конечно, — подтвердил Эл. — Что стряслось?

Я вытащил бумажник и достал шесть двадцаток.

— Поскольку вы не глухонемые, даю вам в три раза больше. Вы не знаете имени клиента, не знаете адрес и куда он отправлялся. Так что вот вам по шестьдесят долларов.

Эл взял двадцатку кончиками пальцев.

— Этого достаточно, — сказал он. — А молчать буду и так.

Майк сгреб все шестьдесят.

— Со мной другое дело, — проговорил он. — Я бы всем разболтал, но теперь не смогу, потому что тогда придется отдавать сорок долларов назад.

Мы обменялись рукопожатием, и я снова влез в машину Эла, чтобы добраться до редакции «Гэзетт».

На двери маленького кабинчика Лона Козна на двадцатом этаже было написано только его имя. Я даже не знал, есть ли у него какая-нибудь должность, но Лон Козн всегда был в курсе не только уже происшедших событий, но и, казалось, тех, что еще должны произойти.

Когда я вошел, он говорил по телефону, и я стал слушать, опустившись в кресло. Беседа продолжалась несколько минут, и за это время Лон девять раз сказал «нет».

— Я должен срочно позвонить, — заявил он, повесив трубку, потом взял картонную папку, вручил ее мне и опять принялся за телефон.

В папке были материалы о Томасе Г. Еджере. Десяток газетных вырезок, четыре машинописные заметки, вырванная из журнала «Пластмассы сегодня» статья и три фотографии. Две из них были

сделаны в студии, а на третьей была запечатлена вечеринка в «Черчиле» и красовалась надпись: «Томас Г. Еджер выступает с речью на банкете Национальной ассоциации производителей пластмасс в нью-йоркском отеле «Черчил» 10 октября 1958 года». Я прочел заметки, просмотрел вырезки и читал статью, когда Лон закончил разговор по телефону и повернулся ко мне.

— Ладно, выкладывай, — потребовал он.

— Я пришел, чтобы предложить сделку, — сказал я. — Но сначала ты должен кое-что усвоить. Я ни разу не видел Томаса Еджера, не разговаривал с ним и ничего о нем не слыхал, как и мистер Вульф. Мне ничего о нем не известно, кроме того, что ты мне сам рассказал и что я прочел в этой папке.

Лон улыбнулся.

— Хорошо. Теперь давай между нами.

— То же самое и между нами, хочешь — верь, хочешь — нет. Но прежде чем позвонить тебе сегодня в пять часов, я услышал о нем кое-что любопытное. Пока я предпочел бы держать это при себе, по крайней мере, в течение суток, а может, и дольше. У меня, наверное, будут дела, и я не хочу провести завтрашний день у окружного прокурора. Поэтому совсем необязательно говорить кому-либо, что я звонил тебе днем и справлялся о Еджере.

— Может статья, я буду вынужден это сказать. Я посылал за папкой. Если я заявлю, что видел вещий сон, могут пойти сплетни.

Я усмехнулся.

— Соври что-нибудь. Я пришел заключить сделку. Если ты забудешь о моем любопытстве в отношении Еджера, я приглашу тебя к себе на Рождество.

Он оглядел меня.

— Но ты мог бы дать мне кое-что и не для огласки.

— Нет, не сейчас. Когда смогу, позвоню.

— Ну, как обычно, — он поднял руки ладонями вверх. — У меня дела. Забегай при случае.

На его столе зазвонил телефон, и я ушел. В лифте я все взвесил. Вульффу я сказал, что вернусь поздно, но сейчас было только девять часов. Я проголодался. Можно было бы перекусить где-нибудь и прикинуть, что делать дальше, но беда была в том, что я прекрасно знал, чего мне хочется, и на это могла уйти вся ночь. Кроме того, находясь где-то на задании, я хоть и должен был руководствоваться своим разумом и опытом, но все же, если дело осложнялось, мне надлежало позвонить Вульффу. Однако для того, что я собирался сообщить, телефон не годился, да и дело надо было представить как положено, иначе Вульф мог отказаться от него. Поэтому я остановил такси и дал шоферу адрес на Западной Тридцать пятой улице.

Вульф сидел за столом с книгой, в единственном на свете кресле, в котором он мог уместиться без мученической гримасы на лице.

Кресло было изготовлено по чертежу самого Вульфа и под его личным надзором. Когда я вошел и включил верхний свет, Вульф прокряхтел что-то неразборчивое и спросил:

— Ты ел?

— Нет, — я присел. — Фриц принесет что-нибудь.

— Принесет?

Удивление с оттенком раздражения. Обычно если я на задании и пропускаю обед, то ем потом на кухне, за исключением тех случаев, когда имею сообщить что-то срочное. Ну а если Вульф уже расположился в кресле с книжкой в руках, то он и вовсе не в настроении выслушивать доклады, неважно какие.

Я кивнул.

— У меня кое-что есть.

Он прикрыл книгу, заложив пальцем страницу, тяжело вздохнул и спросил:

— Что же?

Я решил, что ходить вокруг да около бесполезно. Когда имеешь дело с Вульфом, надо выбирать тактику соответственно его настроению.

— Тот листок, что я положил вам на стол. Это сведения о банковском счете после того, как я выписал чеки. Через 37 дней — июньский взнос по уплате налогов.

— Стоит ли тратить время на то, что и так всем известно?

— Я не трачу время, а прошу разрешения раздобыть клиента вместо того, чтобы сидеть и ждать у моря погоды. Кое-что у меня уже есть. Это касается человека, который приходил нанимать меня, чтобы засечь «хвост». Томас Г. Еджер. Я вызвал два такси. Одно — для него, а второе — для себя. В семь часов Еджер не явился. Мне надоело ждать, я позвонил ему домой и наварлся на Пэрли Стеббинса. За углом, перед домом Еджера, стояла машина с шофером, который возит Стеббинса. Я связался с Лоном Козном, и он спросил, почему я звонил ему и справлялся о Еджере еще за два часа до того, как труп этого Еджера был обнаружен в котловане на Западной Восемьдесят второй улице. Труп с простреленной головой. Таким образом, мы потеряли клиента, но я подумал, что эта потеря поможет нам заполучить другого. Этот парень был крупной шишкой в своей области, занимал высокий пост и имел шикарный дом в хорошем районе. Возможно, я был единственным, кто знал о его подозрениях, а подозревал он, что за ним либо следят, либо будут следить. Адрес, до которого его должны были сопровождать соглядатаи, тоже имеет отношение к Западной Восемьдесят второй улице. Дом 156. Как раз в том квартале и нашли тело. Поэтому я потратил немного ваших денег.

— Это была твоя инициатива, — проворчал Вульф. — Может, убийцу уже поймали.

— В таком случае вы потеряли 40 долларов, не считая тех пятидесяти трех долларов и шестидесяти центов, которые мы потратили дополнительно ради клиента. Он не в силах возместить нам расходы, поскольку умер. Однако дело не столь просто. В действительности наш клиент жив-здоров. Иными словами, у нас и вовсе не было клиента. По дороге домой я заглянул к Лону Козну и попросил его забыть о том, что я звонил по поводу Еджера. А у него там нашлись материалы на этого самого Еджера и в том числе три фотографии, на которые я взглянул. Человек, приходивший сегодня меня нанимать, был вовсе не Еджер. Никакого сходства. Так что точнее будет сказать, что у нас не было клиента.

3

Вульф выпрямился и потянулся к столу за тонкой золотой пластинкой, служившей ему закладкой для книг, которые он считал достойными полка в своем кабинете. Тут появился Фриц и поставил на мой стол поднос. Увидев, что Вульф закладывает книгу, Фриц одобрительно мне подмигнул, и я принялся за еду. Суп с каштанами, бутерброды с креветками, огурцами и мясом, яблоко, запеченное в белом вине, и стакан молока.

Во время еды всякое упоминание о делах — табу. Закрыв книгу, Вульф откинулся в кресле и смежил веки. Я проглотил несколько ложек супа и сказал:

— Все равно я слишком голоден, чтобы чувствовать вкус. Валяйте, спрашивайте.

Его глаза приоткрылись.

— Ни малейшего сомнения?

— Да, сэр, — я проглотил еще ложку. — На фотографиях было напечатано его имя. Кроме того — фото в журнале. Лицо похоже на беличью мордочку, с острым носиком и почти без подбородка. А у того, что приходил сегодня утром, физиономия была вытянутая и костлявая и широкий лоб.

— И, назвавшись Еджером, он заявил, что боится, как бы его не выследили по адресу на Западной Восемьдесят второй улице. А тело Еджера нашли возле того самого дома. Как много времени прошло с момента смерти?

— Не знаю. Дайте им выяснить. Кроме того, что я вам сказал, Лон Козн знал лишь, что тело лежало в яме и было накрыто брезентом, а нашли его мальчишки, которые закатили в яму мяч.

— Если я одобрю твое предложение поискать клиента и заработать гонорар, как ты собираешься действовать?

— Прежде всего я покончу с этими бутербродами, яблоком и молоком. Потом отправлюсь на Восемьдесят вторую улицу. Если тело было найдено именно там, вполне возможно, что между ним и тем

районом нет видимой связи. Еджера могли убить где угодно, а потом перевезти туда. Кварталы восьмидесятых улиц между проспектами Колумба и Амстердамским — не такое место, где могут убить крупную шишку. Кубинцы и пуэрториканцы ютятся там по четыре человека на комнату. Хочу выяснить, чем Еджер мог там заниматься.

— Ты поедешь сегодня?

— Конечно. Как только опустошу этот поднос.

— Фу. Сколько раз я тебе говорил, что нетерпение — добродетель только тогда, когда промедление опасно?

— О! Шесть тысяч раз.

— И все равно тебе не сидится на месте. Утром мы получим подробности, которых не хватает сейчас. Может, никаких загадок и не останется, за исключением установления личности посетителя, что устроил тут маскарад. А это уже может быть и не важно, хотя сейчас, конечно, интересно. Как долго он пробыл с тобой?

— Двадцать пять минут.

— Нам может понадобиться изложение того, что он сказал. Вместо Восемьдесят второй улицы ты проведешь вечер за пишущей машинкой. Дословное содержание разговора и полное описание внешности.

Он взял свою книгу и вновь углубился в чтение.

На перепечатку разговора с лже-Еджером ушел весь остаток вечера. Закончил я вскоре после полуночи. Скрепив листки — оригиналы и копии, — я запер их в ящик, вытащил из вазочки на столе у Вульфа орхидеи и отнес их в мусорное ведро, потом запер сейф, проверил входную дверь и, выключив везде свет, поднялся в свою комнату. Вульф был уже в своей спальне на втором этаже.

Во вторник утром я спустился на кухню в начале девятого, приветствовал Фрица, налил стакан апельсинового сока и взял с подставки номер «Таймс». Заголовок гласил: «Убийство вице-президента». Я сел и отхлебнул сока.

Статьи я прочел и в «Таймс», и в «Гэзетт». В Еджера выстрелили один раз, в упор. Пуля прошла над ухом, смерть наступила мгновенно. К тому моменту, когда в семь тридцать вечера тело осмотрели, Еджер был мертв от шестнадцати до двадцати четырех часов, следовательно, его убили в промежутке между семью тридцатью вечера и половиной четвертого утра в понедельник. Точнее покажет вскрытие. В понедельник в котловане никакие работы не велись, поэтому тело могли положить туда и в воскресенье ночью. Брезент в котловане оставили рабочие. Не нашлось ни одного человека, который видел бы Еджера живым или слышал бы в окрестностях выстрел, следовательно, его, вероятно, убили где-то еще, а потом перевезли туда.

Полиция никого не задержала, а окружной прокурор сказал лишь, что ведется расследование. Я вырезал из «Таймс» и «Гэзетт» фотографии Еджера и сунул их в свой карманный блокнот.

В 8.51 я поблагодарил Фрица за завтрак и вошел в комнату Вульфа. На его подносе были только грязные тарелки, рядом с ним валялась «Таймс». Вульф стоял перед зеркалом, повязывая галстук. Поскольку после завтрака он на два часа отправляется в оранжерею, не знаю, зачем ему галстук. Разве что из почтения к орхидеям. Он пробурчал утреннее приветствие и обернулся.

— Я ухожу, — сказал я. — Инструкции?

— Инициатива твоя, — отвечал он.

— Нет, сэр, это было вчера. Вы отправляете меня или нет? Видимо, в деле еще никаких просветов, если, конечно, они ничего не утаивают. Когда приходил этот самозванец, Еджер был мертв уже четырнадцать часов. Сказанное посетителем лежит в ящике моего стола. Сколько я могу взять на расходы?

— Достаточно.

— Ограничения?

— Ну, разумеется. Ограничения, продиктованные твоим благоразумием и смекалкой.

Спустившись в кабинет, я открыл сейф, вытащил 500 долларов потрепанными пятерками, десятками и двадцатками, запер сейф, взял из нижнего ящика стола кобуру и приладил ее под мышкой. Потом зарядил «морли» тридцать второго калибра и сунул в кобуру. С тех пор как несколько лет назад со мной приключилась одна неприятность, я беру на задания, связанные с убийством, кое-что посерьезнее перочинного ножа.

Выйдя из дома, я прошелся до Девятой авеню, остановил такси и велел шоферу отвезти меня на угол Восемьдесят второй и Бродвея. Никакого плана у меня, конечно же, не было. Действовать я намеревался по обстановке, за исключением естественного первого шага — выяснить, закончили ли свою работу городские специалисты. Многие из них знали меня в лицо и были уверены, что я буду шастать по месту убийства, чтобы как-то скоротать время. Поэтому, выйдя из машины, я двинулся к востоку от Бродвея, пересек Амстердамский проспект и остановился на углу, чтобы взглянуть издали. Я одинаково хорошо вижу на любом расстоянии и смог разглядеть цифру 156 на доме, стоявшем шагах в тридцати от угла. По обе стороны вдоль тротуара стояли машины, но полицейской среди них не было.

Да простят меня обитатели этого района, но тут были самые что ни на есть трущобы. Казалось, что здешние дома кишат крысами, да так оно и было. К тому же я был готов биться об заклад, что они могли бы рухнуть в любую минуту, если б не были слеплены друг с другом раствором. Народу на тротуаре почти не было, но вот вокруг барьеров, ограждавших котлован, собралась толпа, и там стоял патрульный полицейский. Однако никаких признаков присутствия здесь людей из отдела по расследованию убийств или из окружной прокуратуры я не заметил.

Я пересек улицу и подошел к барьеру. В котловане возились двое рабочих, значит, эксперты уже ушли. Пока я глядел на них, моя смекалка предложила мне пять версий.

1. У Еджера была связь с кем-то или с чем-то в доме 156. Кто бы ни был наш посетитель, он явно не из пальца высосал этот адрес.

2. Если Еджера убили где-то еще и принесли сюда специально для того, чтобы припугнуть кого-то в доме 156, то почему бы тогда не бросить труп на тротуар перед домом? Зачем сталкивать его в яму, а потом слезать туда и накрывать брезентом? Нет.

3. Еджера убили в другом месте, а сюда принесли случайно, потому что тут был котлован. Нет, такое совпадение невозможно.

4. Еджера убили не тогда, когда он входил в дом или выходил из него. В ночное время десятки и сотни людей стали бы пялиться из окон, услышав звук выстрела, и убийце пришлось бы убежать либо давить на педаль газа. Он не смог бы подтащить тело к котловану столкнуть и накрыть брезентом.

5. Следовательно, Еджер был убит внутри дома 156 после половины восьмого вечера в воскресенье, а позже, ночью, его тело отнесли к котловану (всего 15 ярдов) и столкнули вниз.

Я отступил от барьера и подошел к дому 156. На некоторых из домов виднелись таблички, гласящие, что тут сдаются комнаты, но на этом таковой не оказалось. Зато здесь была другая. На картонке, прикрепленной к столбу возле крыльца, красовались надпись «управляющий» и стрелка, которая указывала направо. Вот я и пошел вправо, спустился на три ступеньки вниз, потом свернул налево и вступил через открытую дверь в небольшое парадное. Тут я увидел, что в доме было-таки нечто необычное. На двери стоял замок Рэбсона. Такой замок ставят только в том случае, если хотят обеспечить полную безопасность и могут позволить себе выложить за него 61 доллар и 50 центов.

Я нажал на кнопку звонка, секунду спустя дверь открылась, и я увидел одну из трех самых прекрасных женщин, каких встречал в жизни. По тому, как она улыбнулась, я понял, что, наверное, у меня отвисла челюсть. А улыбнулась она мне, как королева простолюдину.

— Вам что-нибудь нужно? — спросила она. Голос у нее был тихий и низкий, без придыхания.

Ей было лет восемнадцать. Высокая, стройная, с кожей цвета дикого меда, какой присылают Вульфу из Греции.

Я сказал:

— Мне хотелось бы видеть управляющего.

— Вы из полиции?

Если ей нравились полицейские, я должен был бы ответить «да», ну а вдруг они ей не нравились?

— Я журналист, — сказал я.

— Прекрасно, — она обернулась и крикнула: — Папа, журналист!

Раздался звук шагов, и она отодвинулась в сторону. Подошел широкоплечий мужчина, ростом на два фута ниже своей дочери, с носом, как у молса, и густыми бровями. Я вошел и поздоровался.

— Моя фамилия Гудвин. Я из «Гэзетт», хочу снять комнату с видом на улицу.

— Иди, Мария, — сказал он дочери, и она, повернувшись, удалилась в глубину темного парадного. — Комнат нет.

— Сто долларов в неделю, — сказал я. — Я собираюсь писать статью о месте убийства и хочу фотографировать людей, которые будут приходить сюда и глазеть. Окно на втором этаже — как раз то, что мне нужно.

— Я же сказал, что комнат нет, — голос у него был зычный и грубый.

— Можете переселить кого-нибудь. Двести долларов.

— Нет.

— Триста.

— Нет.

— Пятьсот.

— Вы с ума сошли. Нет.

— Это не я сошел с ума, а вы. Отказаться от пятисот долларов? Как вас зовут?

— Как зовут, так и зовут.

— Господи, да что мне стоит узнать ваше имя у соседей или вон у полицейского?

— Цезар Перес. Я гражданин Соединенных Штатов Америки.

— Я тоже. Вы сдадите мне комнату сроком на неделю? Пятьсот долларов наличными и деньги вперед?

— Но вы слышали, что я сказал. Комнат нет. Темное это дело с тем парнем, которого убили. Даже будь тут комната, я б не дал фотографировать из окна.

Я решил проявить нетерпение, ибо задержка могла оказаться опасной: полиция или прокуратура в любой момент могли обнаружить связь Еджера с этим домом. Я вытащил из бумажника картонку и показал ему.

— Вы видите при таком освещении?

Он даже не взглянул.

— Что это такое?

— Моя лицензия. Я не журналист, а частный детектив, расследующий убийство Томаса Г. Еджера.

Он прикрыл один глаз. Его грудь поднялась от глубокого вдоха.

— Так вы не из полиции?

— Нет.

— Тогда убирайтесь отсюда. Вон из этого дома. Я уже объяснял трем полицейским, что не знаю ничего о том человеке в котловане. Убирайтесь.

— Ладно, — сказал я, — дом ваш. Но знаете, что произойдет, если вы меня выставите? Не пройдет и получаса, как сюда ворвется дюжина полицейских с ордером на обыск. Они обшарят тут каждый дюйм, вывернут наизнанку всех и каждого, начиная с вас и вашей дочери, и станут задерживать всякого, кто сюда войдет. А сделают они это потому, что я смогу доказать, что в воскресенье вечером Томас Г. Еджер приходил в этот дом и был здесь убит.

— Это ложь! Вы как полицейский. Это оскорбление.

— Хорошо. Первым делом я позову патрульного с улицы, чтобы он был тут, рядом с вами, и не дал вам никого предупредить.

Я повернулся. И попал в цель. К полиции он был готов, но я явился неожиданно и сбил его с толку. Он схватил меня за рукав. Я посмотрел на него и увидел, как у него напряглись скулы.

— Это вы его убили? — спросил я.

— Вы из полиции, — сказал он.

— Нет. Меня зовут Арчи Гудвин, и я работаю на частного детектива по фамилии Ниро Вульф. Нам должны заплатить за расследование этого дела, так мы зарабатываем на жизнь. Буду откровенен: нам лучше самим выяснить, почему Еджер приходил сюда, чем подключать к этому полицию. Но если вы не захотите нам помочь, придется мне позвать сюда патрульного. Это вы убили Еджера?

Он повернулся, как на колесах, и устремился по парадному. Я ухватил его за плечо и опять развернул:

— Это вы его убили?

— У меня есть нож, — ответил он. — Я имею право держать его в собственном доме.

— Разумеется. А у меня вот что есть, — я вытащил из кобуры «морли». — И разрешение имеется. Это вы его убили?

— Нет. Мне надо посоветоваться с женой. Она соображает лучше меня. Моя жена и дочь... Я хочу...

Футах в десяти дальше по коридору распахнулась дверь и послышался женский голос:

— Мы здесь, Цезарь.

У подошедшей женщины было волевое лицо и командирские повадки. Мария осталась у двери. Перес начал было говорить жене что-то по-испански, но она оборвала его:

— Прекрати! А то он решит, что мы секретничаем. Говори с американцем по-американски.

Она сфокусировала на мне свои острые черные глаза.

— Мы слышали ваши слова. Я знала, что когда-то это произойдет, но думала, что припрутся полицейские. Мой муж честный человек, он не убивал мистера Еджера. Как вы узнали, что это его дом?

Я сунул «морли» обратно в кобуру.

— Раз уж я знаю, то неважно откуда, миссис Перес.

— Ладно, задавайте вопросы.

— Я бы предпочел, чтобы на них отвечал ваш муж. На это может уйти время. У вас есть комната со стульями?

— Я сама вам отвечу. А сесть мы предлагаем только друзьям. Вы же угрожали мужу револьвером.

— Я только пускал пыль в глаза. Ладно, если ваши ноги смогут это выдержать, мои и подавно. Во сколько мистер Еджер пришел сюда в воскресенье?

— Я думала, вы знаете.

— Знаю. Я выясняю, как вы отвечаете на вопросы. Если вы дадите слишком много лживых ответов, переключимся на вашего мужа. Либо я, либо полиция.

Она чуть поразмыслила.

— Он пришел около семи часов вечера.

— Он приходил к кому-то из вас?

— Нет!

— Тогда к кому?

— Не знаем.

— Повторяю вопрос. Я не собираюсь торчать тут целый день, выдаивая из вас по капельке.

Она оглядела меня.

— Вы когда-нибудь были там, наверху?

— Вопросы задаю я. К кому он приходил?

— Не знаем, — она повернулась к дочери. — Мария, иди.

— Но, мама...

— Отправляйся!

Мария ушла, закрыв за собой дверь. Ее мать повернулась ко мне.

— Он пришел около семи и постучал в дверь. Вот в эту, — она указала на дверь, за которой скрылась Мария. — Мистер Еджер переговорил о чем-то с мужем и дал ему немного денег. Потом пошел к лифту. Мы не знаем, был ли кто-нибудь наверху или, может, кто-то пришел позже. Мы смотрели телевизор и не слышали бы. Да нам и не полагалось знать.

— Где у вас лифт?

— В задней части коридора. Он тоже на замке.

— Вы спросили, был ли я там, наверху. А вы были?

— Конечно. Каждый день. Мы там убираем.

— Значит, у вас есть ключ. Пошли, — я двинулся вперед.

Она поколебалась, открыла дверь, за которой была Мария, сказала что-то по-испански и пошла по коридору. Перес поплелся за ней, а я замкнул шествие. В конце холла она вытащила из кармана ключи и открыла стальную дверцу.

Изнутри лифт был облицован нержавеющейкой и красными лакированными панелями по трем стенам. Размерами он уступал тому, что был в доме Вульфа, поднимался мягко и бесшумно. На самом верхнем этаже он остановился, дверь скользнула в сторону, и мы вышли.

Вторично за сегодняшний день я разинул рот, едва Перес включил свет. Первое, что меня поразило, — шелк и кожа. Шелк, по большей части красный, но кое-где и бледно-желтый, украшал стены, потолок и был натянут на кушетки. Кожей же были обтянуты девушки и женщины на фотографиях и картинах, занимавших треть поверхности стен. Куда ни глянь, везде обнаженная кожа. Бледно-желтый ковер, от стены до стены, тоже был шелковый. Комната поражала размерами. Двадцать пять футов в ширину, а в длину — весь дом. Окон не было. Изголовьем к правой стене, ближе к центру, стояла квадратная кровать со стороной в 8 футов, покрытая бледно-желтым материалом. Поскольку это был любимый цвет Вульфа, я пожалел, что он не пришел сюда со мной. Я принялся. Воздух был свежий и ароматный.

Поверхностей, на которых могли остаться отпечатки, было немного: два стола, телевизор на консоли, полочка с телефоном. Я повернулся к миссис Перес.

— Вы убирали тут после воскресного вечера?

— Да, вчера утром.

— Где дверь на лестницу?

— Здесь нет лестницы.

— Лифт — единственный способ подняться сюда?

— Да.

— Как долго здесь все это?

— Четыре года. С тех пор, как он купил дом. Мы здесь два года.

— Как часто он сюда приходил?

— Мы не знаем.

— Знаете, коль каждый день убираете тут. Как часто?

— Раз в неделю. Может, чаще.

Я повернулся к Пересу.

— Зачем вы его убили?

— Я? Нет... — он полуприкрыл один глаз.

— Кто это сделал?

— Не знаем, — сказала его жена. Я не обратил на нее внимания.

— Послушайте, — сказал я Пересу. — Я не хочу выдавать вас без крайней необходимости. Мы с мистером Вульфом предпочли бы оставить вас себе. Но если вы не станете нам помогать, у нас не будет другого выхода, а времени нет. Полиция может снять отпечатки с брезента, которым было прикрыто тело. Я знаю, что Еджер был убит в этом доме. Если хоть один из тех отпечатков совпадет с вашими, пиши пропало. А поскольку он был убит тут, кое-что вам известно. Что же именно?

— Фелита? — обратился он к жене. Она посмотрела на меня, ее колющие черные глаза пронизывали меня насквозь.

— Вы частный детектив, — сказала она. — Вы говорили мужу, что

зарабатываете этим на жизнь. Мы вам заплатим. У нас есть немного денег, сто долларов.

— За что вы мне заплатите?

— За то, что вы станете нашим детективом.

— И что я должен расследовать?

— Мы вам расскажем. Деньги у нас внизу.

— Дайте мне сперва заработать их. Хорошо, я ваш детектив, но могу уйти в любое время, если, например, решу, что это вы или ваш муж убили Еджера. Что же мне расследовать?

— Помогите нам. Вы говорили об отпечатках. Я ему сказала, чтобы надел перчатки, но он не послушался. Мы не знаем, откуда вам так много известно, но представляем, что случится, если вы расскажете об этом деле полиции. Мы не убивали Еджера, мы не знаем, кто это сделал. Мой муж положил его тело в котлован потому, что мы были вынуждены так поступить. Когда он пришел в воскресенье вечером, то велел мужу сходить в магазин Мондорса и купить кое-чего: икры, жареного фазана и другой еды, и когда муж вернулся, Еджер был уже мертв. Его тело лежало здесь, на полу. Что нам оставалось делать? То, что он посещал этот дом, было тайной. А если б мы позвали полицейского? Ясно, что случилось бы тогда. Поэтому мы хотим, чтобы вы нам помогли, и заплатим. Может, больше, чем сто долларов...

Она резко обернулась. От лифта донесся шум: лязг и легкое, едва слышное шуршание.

— Лифт опускается, — сказал Перес. — Кто-то там, внизу.

— Ага, — согласился я. — А кто?

— Не знаем, — проговорила миссис Перес.

— Тогда поглядим. Оставайтесь на месте, оба, — я вытащил «морли».

— Это полисмен, — сказал Перес.

— Нет, — ответила его жена. — У него не может быть ключа. Мы взяли ключи мистера Еджера себе.

— Замолчите, — велел я им. — Если уж я ваш детектив, делайте, что я говорю. Не двигаться и не болтать.

Мы стояли лицом к лифту. Я отодвинулся к стене и прижался к ней спиной на расстоянии вытянутой руки от железной дверцы. Поскольку посетителю пришлось вызывать лифт сверху, он должен был знать, что тут кто-то есть, и мог выйти из лифта с пальцем на спусковом крючке. Снова раздался мягкий шум, потом щелчок. Дверь открылась, и появилась женщина. Она стояла спиной ко мне, лицом к миссис Перес.

— Слава Богу, это вы, — сказала она. — Я так и думала.

— Мы вас не знаем, — ответила миссис Перес.

Но я-то ее знал. Я сделал шаг и увидел ее профиль. Это была Мэг Дункан, которую я видел на прошлой неделе со своего места в пятом ряду, когда она играла главную роль в пьесе «Черный ход в рай».

4

Мэг Дункан бросилась на меня, словно пещерная женщина на своего или чужого мужчину десять тысяч лет назад, растопылив когти и разинув рот, чтобы укусить. У меня было два варианта действий: либо отбежать подальше, либо сблизиться вплотную. Я выбрал второй, увернулся от когтей, прижал ее к себе, развернул и ухватил сзади за руки. Она тяжело дышала. Видимо, я причинил ей боль, потому что в правой руке у меня был пистолет и рукоятка сильно вдавилась в ее кисть. Когда я отпустил ее, чтобы сунуть «морли» в карман, женщина не двинулась, и я сделал шаг назад.

— Мне известно, кто вы, — сказал я. — На прошлой неделе я видел ваше шоу, и вы были великолепы. Я не полицейский, а частный детектив. Работаю на Ниро Вульфа. Когда переведете дух, расскажете, зачем пришли сюда.

Она медленно обернулась.

— Вы сделали мне больно.

— Не извиняюсь. Встряска и синяк на руке — пустяки по сравнению с тем, что было у вас на уме.

— Так вы и есть Вульфов Арчи Гудвин?

— Нет, я свой собственный Арчи Гудвин, доверенный помощник Ниро Вульфа.

— Я о вас слышала и знаю, что вы джентльмен, — она протянула руку, чтобы коснуться моего рукава. — Я пришла сюда забрать принадлежащую мне вещь. Я ее возьму и уйду, хорошо?

— Что это за вещь?

— Портсигар с моими инициалами.

— Как он сюда попал?

Она попробовала улыбнуться так, как леди улыбается джентльмену, но это была жалкая потуга. Актрисе полагается держаться лучше, даже в таких обстоятельствах.

— Разве это важно, мистер Гудвин? Портсигар мой, я могу даже описать его. Чистое золото с изумрудом в одном углу и моими инициалами в другом.

Я улыбнулся, как джентльмен леди.

— Когда вы его здесь оставили?

— Я не говорила, что оставила.

— В воскресенье вечером?

— Нет, я не была здесь в воскресенье вечером.

— Это вы убили Еджера?

Она попыталась вlepить мне пощечину, но я перехватил ее руку, чуть вывернул и отпустил. Ее глаза загорелись от гнева.

— Вы мужчина или нет?
— Могу быть и женщиной. Но сейчас я всего лишь детектив за работой. Это вы убили Еджера?

— Нет, конечно, нет. Позвольте мне забрать портсигар и уйти. Я покачал головой.

— Придется вам пока обойтись без него. Вы знаете, кто убийца Еджера?

— Разумеется, нет... Я не смогу подкупить вас, мистер Гудвин, но ведь сыщики оказывают людям услуги, верно? И я могу заплатить вам за них, так ведь? Если вы не разрешаете мне забрать портсигар, то, может быть, сохраните его для меня? Отдать можете потом. Когда — решите сами, — ее пальцы слегка сжали мою кисть. — Я заплачу, сколько скажете. Тысяча долларов устроит?

Дела, кажется, пошли на лад, только вот немного усложнились. Вчера в половине пятого у нас не было и не предвиделось ни одного клиента. Потом пришел один, да и тот оказался липовый. Затем миссис Перес посулила сотню долларов или больше, а теперь вот предлагают аж тысячу. Явно не без успеха я откапывал клиентов, но когда их слишком много, может оказаться даже хуже, чем если их и вовсе нет. Я взглянул на нее.

— Возможно, я соглашусь. Но дело вот в чем: я не могу брать заданий. Мой работодатель — Ниро Вульф. Я собираюсь осмотреть эту комнату и, если найду ваш портсигар, то захвачу его с собой. Отдайте мне свои ключи от входной двери и лифта.

— Отдать их вам?

— Так точно. Вам они больше не понадобятся. Сейчас тридцать пять одиннадцатого, и сегодня у вас нет дневного спектакля. Приходите в контору Ниро Вульфа в половине третьего. Западная Тридцать пятая, дом 618. Ваш портсигар будет там, и вы все решите с мистером Вульфом.

— Но почему вы не можете...

— Не могу, — я протянул руку. — Ключи.

— Но...

— Я сказал нет. Ключи.

Она порылась в сумочке, вытащила кожаный футляр для ключей и протянула мне. Я открыл его, достал два рэбсоновских ключа, показал Пересу и спросил, те ли. Он посмотрел и ответил, что да. Положив их в карман, я нажал кнопку, чтобы открыть дверь лифта, и сказал Мэг Дункан:

— Встретимся в половине третьего.

Она вошла в лифт, дверь закрылась и послышался мягкий шелест. Я повернулся к Пересу.

— Вы видели ее раньше?

— Нет, ни разу.

— Ну, а когда принесли продукты?

— Я видел только его. Она могла быть в ванной.

— Где тут ванная?

— В том конце, — он указал.

Я переключился на его жену.

— Когда она вошла сюда, то сказала: «Слава Богу, это вы».

Миссис Перес кивнула.

— Я слышала. Наверное, она когда-то видела меня — входя в дом, в холле или через открытую дверь. Мы ее не знаем и ни разу не встречали.

— Ладно. Следствие может затянуться надолго, и дел будет невпроворот, но один вопрос — прямо сейчас. Почему вы, положив тело в яму, слезли туда и накрыли его брезентом?

Перес удивился.

— Но он же был мертв! Если человек умирает, его укрывают! Я знал, что в яме есть этот брезент, я его видел.

Именно сейчас я решил, что Цезар Перес не убивал Томаса Г. Еджера. Возможно, это сделала его жена, но только не он сам. Если б вы видели его в этот момент, то пришли бы к тому же выводу. Сколько я ни размышлял о брезенте, простейшее объяснение так и не пришло мне в голову.

— Вы поступили благородно, — заявил я. — Жаль, что на вас не было перчаток. Ну, ладно, пока довольно. У меня тут дела. Вы слышали, я дал той женщине адрес Ниро Вульфа, Западная Тридцать пятая, 618. Приходите туда сегодня в шесть вечера, оба. Я ваш детектив, но босс — он. Вам, разумеется, нужна помощь, и после того, как вы ему все расскажете, мы пораскинем мозгами. Где ключи Еджера? Не говорите, будто не знаете. Вы уже сказали, что забрали их себе. Где они?

— В надежном месте.

— То есть?

— В пироге. Я испекла пирог и сунула их внутрь. Там уже двенадцать штук.

Я поразмыслил. Под ногами у меня и так уже был тонкий лед, а если я возьму что-либо, принадлежащее Еджеру, то и этого льда не останется.

— Не режьте ваш пирог, — сказал я, — и смотрите, чтобы этого не сделал кто-то еще. Вы собираетесь сегодня выходить из дома?

— Нам это ни к чему.

— Тогда оставайтесь тут. Приходите в шесть часов к Вульфу. Но мы еще увидимся, когда я спущусь. Где-то через час.

— Вы что-нибудь отсюда возьмете?

— Не знаю. Если и возьму, то покажу вам все, включая портсигар. Если я заберу что-нибудь такое, что, по вашему мнению, забирать не должен, можете позвать того полицейского с улицы.

— Не можем, — ответил Перес.

— Это он шутит, — сказала его жена и нажала кнопку, вызывая лифт. — Сегодня черный день, Цезар. И таких дней будет еще много, а он шутит себе.

Лифт лязгнул, дверь открылась, и они уехали.

Я огляделся. Слева, возле обтянутой красным шелком панели, была прямоугольная медная (если не золотая) плита. Подойдя, я нажал, и она подалась. Плита оказалась дверью. Я распахнул ее, прошел и оказался в кухне. Красный кафель, желтый пластик, нержавейка... Открыв холодильник, я увидел уйму разных яств. В буфете лежало на боку девять бутылок шампанского «Дом Периньон». Выйдя, я двинулся к противоположной стене, где была вторая точно такая же панель. За ней оказалась ванная. Здесь в шкафчиках лежало столько косметики, что хватило бы на целый гарем.

Я вернулся к шелку и коже. Ящичков нигде не было видно, никакой мебели, где могла бы лежать бумага, на которой что-то написано. На столике с телефоном — только справочник в кожаной обложке. Но на одной из стен, против кровати, шелк был собран в складки. Я потянул, и материя сдвинулась в сторону. За занавеской оказались ящички, сделанные из чего-то похожего на красное дерево. Я открыл один из них. Дамские тапочки, десять пар в два аккуратных ряда, все разных фасонов, цветов и размеров. Прежде чем подойти к телефону, я заглянул еще в пять ящичков. Стало совершенно ясно, что Мэг Дункан была не единственной обладательницей ключей от лифта и входной двери. Еще один ящик, набитый разнообразными тапками, и два ящичка с ночными сорочками. Разложив рубашки на кровати и убедившись, что они тоже разного размера, я подошел к телефону и набрал номер Фрэда Даркина, нашего внештатного оперативного сотрудника. Фред сказал, что на сегодняшний день никаких дел у него нет.

— Теперь есть, — сообщил я. — Собирай сумку с расчетом на неделю. Скорее всего, это займет меньше времени, но может статься, что и больше. Костюмов не надо, но захвати пистолет. Почти наверняка он тебе не потребуется, но все равно возьми. Приезжай к дому 156 по Западной Восемьдесят второй улице, вход в цокольный этаж, к управляющему. Позвони у дверей. Тебе откроет мужчина или женщина. Они либо кубинцы, либо пуэрториканцы, точно не знаю. Говорят по-нашему. Назовись и спроси меня, после чего тебя ждет честь и удовольствие личной встречи со мной. Особо не спеши. Даю тебе три минуты на сборы, если надо.

— Восемьдесят вторая улица, — сказал он. — Убийство. Как бишь его звали? Еджер.

— Ты слишком много читаешь и торопишься с выводами. Прикуси язык и собирайся.

Я повесил трубку. Складывать тонкие ночные сорочки — занятие не мужское и к тому же требующее времени, но я стиснул зубы

и приступил к нему, ибо сыщик обязан оставлять после себя все, как было. Запихнув сорочки в ящик, я вызвал лифт, спустился и подошел к открытой двери по левую сторону холла. Семейство Пересов заседало в кухне. Я посмотрел на Марию. Бежевая ночная сорочка с кружевами была бы ей как раз впору. Я заставил себя перевести взгляд на ее родителей и сказал:

— Скоро сюда придет один мужчина, высокий и пухленький, с какой стороны ни смотри. Он назовется Фрэд Даркином и спросит меня. Пошлите его наверх.

Потом я вернулся к ящикам. Не стану перечислять, что я в них нашел, но отмечу две детали: предметы мужского туалета хранились лишь в одном из них, и все шесть пижамных костюмов были одинакового размера. Это во-первых. А во-вторых, тот ящик, в котором я обнаружил портсигар Мэг Дункан, служил чем-то вроде коробки для всякой всячины. Тут валялись три дамских носовых платка не первой свежести, женский зонтик, чья-то пудреница и прочая мелочь. Едва я успел сложить все назад, как послышался лязг лифта. Открылась дверь, и появился Фрэд. Став как вкопанный, он принялся вертеть головой направо и налево, пока не увидел меня, потом опять отвернулся и произнес:

— Господи Иисусе!

— Вот твой новый дом, — сказал я ему. — Надеюсь, тут ты будешь счастлив. Я имею в виду дам на картинках. Настоятельно рекомендую вон ту, что сидит на розовом кусте. Если ей шипы нипочем, то уж тебя-то выдержит.

Он опустил на пол сумку.

— Эх, Арчи, а я-то все удивлялся, почему ты не женишься. Как давно у тебя все это?

— Лет десять, наверное. Кое-где в городе есть еще несколько таких местечек. Тоже мои. А это я временно предоставляю в твое распоряжение. Кухня, ванная, телевизор, служанка. Нравится?

— Господи. Я женатый человек.

— Жаль. Я бы не прочь остаться и рассказать тебе об этих картинках, но надо идти. Дело вот в чем. Если сюда пожалует гостя, ее надо принять. Может прийти мужчина, но скорее всего это будет дама. Явиться она может в любое время дня и ночи. Чем меньше ты знаешь, тем лучше, поэтому поверь мне на слово: как только она выйдет из лифта, ей снова захочется вскочить туда, и ты должен помешать ей в этом. Другого выхода отсюда нет. Можешь назвать ей свое имя, если захочешь, потом позвони мне, и я приду.

Фрэд нахмурился.

— Быть наедине с женщиной да еще держать ее насильно? Нехорошо.

— Тебе не придется ее трогать, если она первая не начнет.

— А вдруг она высунется из окна и станет звать полицию?
— Невозможно. Окно нет, да она и не захочет, чтобы кто-нибудь узнал о ее присутствии здесь. Особенно полиция. Единственное, чего она пожелает, так это поскорее выбраться отсюда.

Фрэд все еще продолжал хмурить брови.

— Котлован, где нашли труп Еджера, прямо перед домом. Может мне следовало бы узнать кое-что еще?

— Не от меня. Зачем впутывать сюда Еджера? Он мертв, я прочел об этом в газете. Если зазвонит телефон, возьми трубку и спроси, кто там, но себя не называй. Вот дверь в кухню, — я показал пальцем. — В холодильнике есть кое-что интересное на случай, если ты проголодаешься. Этих людей внизу зовут мистер и миссис Перес, их дочь — Марией. Ты ее видел?

— Нет.

— Я собираюсь на ней жениться, как только выкрою время. Попрошу миссис Перес принести тебе буханку хлеба, а если тебе понадобится что-то еще — скажи ей. Ну, все. Созерцай картинку. Лучшей возможности изучить анатомию и желать нельзя, — я открыл дверь лифта.

— А что, если придет мужчина?

— Не придет. В случае чего придерживайся программы. Поэтому то я и просил тебя захватить пушку.

— Полицейский?

— Один шанс из миллиона, даже меньше. Скажешь ему, что забыл, как тебя зовут, и пусть позвонит мне в контору Вульфа. Тогда я буду знать, что стряслось.

— А я окажусь в кутузке.

— Ненадолго. К Рождеству мы тебя запросто оттуда вытащим. В холодильнике полфунта свежей икры стоимостью в двадцать долларов. Угощайся.

Я вошел в лифт, спустился, объяснил миссис Перес ситуацию и попросил ее отнести наверх буханку хлеба. Потом ушел. Мои часы показывали полдень, когда я направился в сторону проспекта Колумба, чтобы поймать такси.

5

В пять минут второго сидевший за своим столом Вульф прорычал:

— Твоей задачей было найти подходящего клиента, а не этих двух негодяев, которые, возможно, убили Еджера, и не эту мерзавку, что предлагает тысячу за свой портсигар. Я признаю, что ты проявил ловкость, хитрость и смекалку, и даже поздравляю тебя с этим, но если ты поймал преступников, то кому мы будем посылать счет?

Я уже сделал подробный доклад, опустив лишь описание внешности Марии, рассказал о квартире и даже о том, как решил проблему

складывания ночных сорочек. Сказал также, что подключил Фрэда Даркина за семь с половиной долларов в час.

— Я их не приму, — заявил Вульф.

Я задумчиво кивнул.

— Конечно, они могли его убить, но ставлю пять к одному, что эти люди невиновны. Лицо и тон Переса, когда я заговорил о брезенте, тот факт, что его жена послала дочь открыть мне дверь. Будь она убийцей, непременно сделала бы это сама. Но самое главное заключается в том, что при живом Еджере они как сыр в масле катались, а после его смерти угодили в дьявольски трудное положение. Конечно, вам это не нравится, я понимаю. Будь это просто укромный уголок, где он от случая к случаю проводил время с любовницей, тогда другое дело. Но со всей очевидностью положение совсем иное. Возможно, ключи были у полдюжины разных женщин, а может, даже у двух десятков или больше. Я понимаю, что вам не хочется ввязываться в такое дело, но теперь, когда я...

— Чушь! — заявил он.

Я приподнял бровь.

— Чушь?

— Да. Нынешний сатир — это помесь мужчины, свиньи и осла, лишенная всякого очарования лукавства. Единственное свойство, унаследованное им от античных прашуров, — похоть, которую он тешит в темных углах, а отнюдь не в тени оливкового дерева на залитом солнцем холме. Нелепое гнездилище разврата, описанное тобой, — жалкая подмена декораций, но мистер Еджер, по крайней мере, пытался их заменить. Свинья и осел, он все же сохранил верность флейте древнего сатира. Не сомневаюсь, что смерть свою он честно заработал, но все-таки буду рад возможности разоблачить убийцу.

— Будете рады?

— Разумеется. Но кто даст такую возможность? Если допустить, что ты проявил похвальное рвение и сообразительность и прав в отношении мистера и миссис Перес, то где он, наш возможный клиент? Для чьей пользы мы будем раскрывать факт существования комнаты и связь Еджера с ней? Не ради членов семьи покойного и не ради его коллег. Уж они-то скорее предпочтут, чтобы дело замяли, а мы ведь не шантажисты. Я признаю, что одна возможность у нас все-таки есть. Кто этот человек, что приходил вчера под видом Еджера? И зачем он приходил?

Я покачал головой.

— Вы читали мой доклад?

— Да. Совершенно очевидно, что он любит слова и обращается с ними профессионально. Он сказал: «Вы можете гарантировать полную конфиденциальность?», сказал: «Это меня вполне удовлетворяет». Но кроме того, в обычном разговоре он процитировал «Маль-

фийскую графиню» Джона Вэбстера: «Другие грехи говорят тихо, убийство кричит в полный голос», и «Алцилию» Джона Харрингтона: «Измена же обречена на позор». Люди прибегают к цитатам, чтобы показать свою начитанность, но с какой стати демонстрировать ее перед тобой? Ты его видел и слышал. Пытался этот человек произвести на тебя впечатление?

— Нет, он просто говорил, вот и все.

— То-то и оно. И все же сыпал изречениями Вэбстера и Харрингтона. Один из десяти тысяч знаком с обоими этими писателями одновременно. Наш посетитель — педагог, учитель литературы.

— Но вы-то нет.

— Я узнал только Вэбстера. Таким образом, он — один из десяти тысяч, а в Нью-Йорке преподавателей литературы всего тысяча, не больше. Предлагаю испытать твою изобретательность: если он знал, что Эджер мертв (потому что сам убил его или еще откуда-то), зачем было являться сюда?

— Я — пас. Прошлой ночью я уже строил всякие догадки. Если этот человек убийца, то единственным объяснением его прихода я считаю сумасшествие, но это явно неверно. Если же он не убивал Эджера, но знал, что тот мертв, то, возможно, хотел привлечь внимание к тому дому на Восемьдесят второй улице. Однако, чтобы в это поверить, мне надо самому свихнуться. Анонимный звонок в полицию куда проще и эффективнее. Вы можете предложить лучшее объяснение?

— Нет. И никто не может. Он не знал, что Эджер мертв. Но чего он рассчитывал добиться своим маскарадом, если считал, что тот жив? Он знал, что довольно скоро ты свяжешься с Эджером, обнаружишь, что к тебе заходил самозванец, и расскажешь Эджеру об этом. Каков будет результат? Эджер просто-напросто услышит то, что тебе наговорил этот самозванец. Если же Эджер опознает его по твоему описанию, он поймет, что о его вояжах на Восемьдесят вторую улицу знает определенный человек, но я это отвергаю. Зачем тогда затевать весь сыр-бор? Почему не сказать об этом Эджеру прямо? Лично, по телефону, в письме? Нет, этот человек был уверен, что Эджер его не опознает. Он просто хотел, чтобы Эджер был в курсе того обстоятельства, что кому-то известно о его связи с этим домом, а возможно, желал дать ему понять, что мы с тобой тоже все знаем. Отсюда следует, что он вряд ли будет нам полезен, хотя я все-таки хотел бы с ним поговорить.

— Я тоже. Это одна из причин, почему я позвал Фрэда. Это почти невозможно, но вдруг у него есть ключи и он придет?

Вульф прокашлялся.

— Фу... Шанс, что туда вообще кто-то придет, практически равен нулю, и ты это знаешь. Фред сидит там потому, что я пока не могу объявить инцидент исчерпанным. Да, Фриц?

— Обед готов, сэр. Петрушка увяла, и я положил чеснок.
— Поглядим, поглядим.— Вульф отодвинул стул и встал.— Перец?

— Нет, сэр, я решил, что с чесноком не надо.

— Согласен, но все же поглядим.

Покончив с салатом, мы вернулись в кабинет. Когда Фриц принес кофе, звякнул звонок. Я пошел в холл взглянуть сквозь стеклянную дверь, вернулся и сказал Вульфу:

— Мэг Дункан. По крайней мере, можем получить за портсигар. Два доллара хватит?

— Иди к черту! А если это она его убила? Ладно, ты ей предлагаешь. Пять минут.

Ее улыбка была включена в полную мощность. Учитывая, что Мэг — профессиональная актриса, улыбку эту можно было считать удачной.

— Я знаю, как вы, мужчины, заняты важными делами, и не буду отнимать у вас время,— сказала она.— Вы нашли портсигар?

— Нашел,— ответил ей Вульф.— Садитесь, мисс Дункан. Возможно, понадобится кое-что обсудить. Если ваши ответы на два-три вопроса удовлетворяют нас, вы сможете получить портсигар, уплатив мне пятьдесят тысяч долларов.

Улыбка угасла.

— Пятьдесят тысяч? Фантастика!

— Пожалуйста, сядьте.

Она взглянула на меня и, увидев лишь сыщика за работой, села на краешек красного кожаного кресла.

— Вы ведь шутите?

Вульф оглядел ее.

— И да, и нет. Наше положение довольно своеобразно и деликатно. Тело человека, погибшего насильственной смертью, было найдено на той самой улице, возле того самого дома. Человек этот имел деньги и положение в обществе. Полиция не знает о его связи с тем домом и о квартире, но мы знаем и намерены воспользоваться этими сведениями с пользой для себя. Я не думаю, чтобы вы были знакомы с законом о сокрытии улик преступления...

— Мой портсигар — не улика!

— Я и не сказал, что улика. Речь может зайти даже о соучастии в убийстве. Укрывательство предмета, способного помочь в изобличении преступника,— это, конечно, сокрытие улик. Однако слова могут и не оказаться уликой, как обычно бывает. Если сейчас вы скажете мне, что в воскресенье вечером вошли в квартиру, увидели труп Эджера и с помощью мистера Переса вынесли его из дома в котлован, то это будут не свидетельские показания.

Мэг чуть подвинулась к спинке кресла.

— Я не была там в воскресенье вечером.

— Это тоже не свидетельское показание. Вы можете солгать. Я лишь объясняю, сколь щекотливо наше положение. Вы сказали мистеру Гудвину, что заплатите тысячу долларов, если он найдет портсигар и сохранит его для вас, чтобы вернуть позже. Мы этого предложения не принимаем. Оно обязывает нас не передавать портсигар полиции, даже если он поможет изобличить убийцу, а это слишком большой риск за тысячу долларов. Можете получить ваш портсигар, уплатив пятьдесят тысяч наличными или заверенным чеком. Хотите?

Я думаю, Вульф говорил на полном серьезе. Он бы отдал ей портсигар даже за двадцать тысяч, предоставив расследование убийства представителям закона. Что же до риска, то Вульф, случалось, рисковал и большим. А сейчас он сказал только, что отдаст ей портсигар, но не пообещал забыть о нем.

Она смотрела на него во все глаза.

— Но где же мне взять пятьдесят тысяч? С таким же успехом вы могли бы запросить миллион. Что вы намерены делать? Отдать портсигар полиции?

— По своей воле — нет. Только под давлением обстоятельств. Одним из факторов станут ваши ответы на мои вопросы.

— Вы мне еще ни одного не задали.

— Сейчас задам. Вы были в той комнате вечером или ночью в воскресенье?

— Нет, — она вскинула подбородок.

— Когда вы в последний раз заходили туда? Не считая сегодняшнего дня?

— Я не сказала, что вообще там была.

— Глупости. А то, как вы вели себя утром? А предложение, с которым вы обратились к мистеру Гудвину? А ключи? Когда же?

Она прикусила губу. Прошло пять секунд.

— Больше недели назад. В позапрошлую субботу. Тогда и оставила портсигар. Боже! — она выбросила вперед руку. Жест получился непрофессиональный. — Мистер Вульф, все это может стоить мне карьеры. Я не знаю, кто убил его и почему, ничего я не знаю. Зачем вам нужно непременно втягивать меня в это дело? Кому от этого будет польза?

— Сегодня утром я вас никуда не втягивал, мадам. Я не спрашиваю вас, как часто вы бывали в той комнате, ибо ваш ответ не потянет и на ломаный грош. Но скажите, был ли там кто-нибудь еще во время ваших визитов?

— Нет, никогда.

— Но ведь туда ходили и другие женщины. Это установленный факт. Вы, конечно, об этом знали; мистер Еджер ничего не скрывал. Кто они?

— Я не знаю.

— Но вы не отрицаете, что вам было известно о других.

— Нет, не отрицаю.

— Разумеется. Он хотел, чтобы вы знали. Тапки и остальные предметы одежды свидетельствуют о том, что Еджер получал удовольствие не только от женщины, которая составляла ему компанию, но также и от того, что она знала о существовании ее, гм... ее коллег. Или соперниц. Наверняка он не умалчивал о них, а говорил, сравнивал, хвастал? А утаивая имена, вызывал разного рода догадки. Мой самый главный вопрос, мисс Дункан: кто они?

Я слышал вопросы, от которых женщины дрожали, бледнели или кричали на Вульфа, когда он их задавал, но сегодня я впервые увидел, как дама краснеет, и не просто дама, а выдавшая виды бродвейская звезда. Она не только покраснела, она опустила голову и закрыла глаза.

— Разумеется, вам хочется, чтобы этот случай поскорее стал достоянием прошлого, — сказал Вульф. — Возможно, ваш рассказ об остальных дамах поможет этому.

— Я не могу, — она подняла голову. Румянец исчез. — Я ничего о них не знаю. Вы хотите оставить портсигар у себя?

— Пока что да.

— Я полностью завишу от вашего благородства, — она попыталась встать, почувствовала дрожь в коленях и ухватилась за спинку кресла. — Какая я была дура, что пошла туда. Могла бы ведь сказать, что потеряла портсигар. Какая же дура.

Мэг посмотрела на меня.

— Жаль, что я не выцарапала вам глаза.

Она повернулась и двинулась к двери, которую я для нее распахнул. Мэг нетвердо держалась на ногах, и поэтому я проследил, как она спускается на тротуар, после чего вернулся в кабинет. Вульф уже принял позу, в которой обычно читал, и раскрыл «Основы человеческих знаний о современном мире». Однажды днем я провел целый час, листая эту книгу, и не нашел в ней ни слова о нынешних сатирах.

6

Беседа Вульфа с мистером и миссис Перес велась по-испански. Возможно, ему просто захотелось поговорить на одном из шести языков, которыми он владел, а может быть, Вульф решил выключить из беседы меня. Не знаю. После ухода четы Пересов он пересказал мне самое важное.

Они не знали, кто приходил в воскресенье вечером, мужчина или женщина, не знали, сколько было гостей и когда они ушли. Иногда они слышали в холле чьи-то шаги, звучавшие неизменно как женские. Если туда и приходил мужчина, то они его не видели и не слышали. Когда они поднимались в комнату, чтобы убрать, там никого не было.

Выстрела они не слышали, но ведь в этой комнате даже пол звукоизолирован. Когда в полночь Перес поднялся наверх, он почувствовал запах горелого пороха. Еджер был одет, его шляпа и пальто валялись на стуле, и Перес бросил их в котлован вместе с трупом. Они не вытащили из карманов жертвы ничего, кроме ключей.

За свое жилище Пересы не платили. Еджер давал им 50 долларов в неделю и разрешал забирать себе квартплату, которую они вносили с обитателей четырех этажей дома. Общая сумма составляла 200 долларов в неделю (возможно, 300 или больше). У них не было никаких оснований полагать, что Еджер оставит им дом по завещанию. Они уверены, что ни один из жильцов не был связан с Еджером и ничего о нем не знал; все, что касалось найма жилья, было в их ведении. Они подумали, что сто долларов слишком малая сумма, чтобы заплатить Вульф и мне, и решили предложить нам пятьсот. Половину этих денег они принесли с собой. Вульф их, конечно же, не взял, что повлекло за собой препирательство, в ходе которого миссис Перес вскочила и стала колотить ладонью по столу. Потом она немного успокоилась.

После обеда Вульф сказал мне:

— Время, силы и деньги потрачены впустую. Еджера убила эта женщина. Отзови Фрэда.

Он взял свою книгу.

— Разумеется, — ответил я. — Она получала больше трех сотен долларов в неделю и, желая положить конец этому безобразию, избрала самый простой способ: застрелила Еджера и бросила в яму.

Вульф покачал головой.

— У нее страстная натура. Ты видел ее лицо, когда я спросил, ходила ли наверх Мария? Впрочем, ты не понял, что я спросил... Она обнаружила, что Еджер совратил ее дочь, и убила его. Отзывай Фрэда.

— Она это признала?

— Конечно, нет. Она заявила, что дочери было запрещено подниматься в эту комнату, и с яростью отвергла мое предположение. Нас это больше не интересует. Отзывай Фрэда.

— Я не верю. Когда утром я спросил вас, ограничена ли сумма денег, которую я могу взять с собой, вы ответили, что это зависит от моего благоразумия и смекалки. Я взял пятьсот долларов, а благоразумие продиктовало мне, что лучший способ их истратить — это нанять Фрэда и оставить его там в засаде. Шестьдесят часов по семь с полтиной в час плюс полсотни ему на харчи и непредвиденные расходы. Получается, что пятьсот долларов будут истрачены послезавтра в половине двенадцатого ночи. Так как вы вышли из игры...

Зазвонил телефон. Я повернулся вместе со стулом и взял трубку.

— Резиденция Ниро Ву...

— Арчи, поймал!

— Мужчина или женщина?

— Женщина. Ты придешь?

— Немедленно,— я бросил трубку на рычаг и встал.— Фрэд выловил рыбку женского пола. Могу привезти ее сюда к половине одиннадцатого. Инструкции?

Вульф взорвался.

— А какой толк от моих инструкций? — воскликнул он.

Ни полицейского, ни толпы криминалистов-любителей возле котлована не было, только в дальнем конце квартала маячила компания подростков. Войдя в дом при помощи ключа мисс Дункан и прошагав половину холла, я почувствовал на себе взгляд и тут же заметил, что одна из дверей чуть приоткрыта, на дюйм, не больше. Продолжая идти, я добрался до этой двери, выбросил в сторону руку и распахнул ее. В комнате было темно, но у меня хорошее зрение.

Она не шелохнулась.

— Зачем вы это сделали? Здесь моя комната.

— Прошу прощения. Как вам известно, я сыщик, а у людей этой профессии масса дурных привычек. Как часто бывали вы на верхнем этаже?

— Меня туда не пускают,— ответила она.— Сказать вам, так вы передадите все матери. Простите, я закрою дверь.

Я не стал препятствовать. Хорошо бы поговорить с ней серьезно и подольше, но с этим придется повременить. Я двинулся к лифту, отпер дверь вторым ключом и поднялся.

Я ожидал, что, скорее всего, увижу испуганную или возмущенную даму, сидящую на диване, и рядом с ней — бдительного Фрэда. Но все оказалось далеко не так. Фрэд стоял посреди комнаты, придерживая спадающие штаны, а на щеке его виднелись две красные полосы. На какую-то секунду я подумал, что дамы здесь нет, потом увидел ее в углу, сидящую на полу. Гостья была закутана в желтое покрывало с кровати и перехвачена ремнем Фрэда. Приблизившись, я оглядел ее, и она гневно зыркнула глазами в мою сторону.

— Я ее не ушиб,— объявил Фрэд.— А зря. Ты только посмотри на меня.

Он приложил платок к двум кровоточащим царапинам на щеке и пояснил:

— Пришлось ее спеленать.

— Ты ей представился?

— Больно много чести. Вон ее сумка, я туда не заглядывал.

— Кто вы такие? — донесся голос от кровати.

Я поднял сумку, открыл ее и обнаружил кредитные карточки трех магазинов и водительские права. Звали даму Джулия Макджи, адрес — Арбор стрит в Виллидж. Ей было 29 лет. Рост — пять футов и пять дюймов, белая, с каштановыми волосами и карими глазами. Я сложил имущество назад в сумку и подошел к женщине.

— Через минуту я вас развяжу, мисс Макджи. Этого человека зовут Фрэд Даркин, а меня — Арчи Гудвин. Возможно, вы слышали о частном детективе по имени Ниро Вульф. Мы работаем на него. Мистер Даркин сидит в этой комнате потому, что Ниро Вульф хочет поговорить с каждым, кто приходит сюда. Буду рад проводить вас к нему.

— Поднимите меня! — потребовала она.

— Минутку. Теперь, когда я знаю, кто вы и где вас найти, ситуация немного изменилась. Если вы схватите свою сумку и броситесь в лифт, я не стану вас задерживать, но настоятельно советую вам прежде сосчитать до десяти. Когда в эту комнату явятся полицейские, они заинтересуются каждым, у кого были ключи от входной двери и лифта и кто мог прийти сюда вечером в воскресенье. Поэтому, следуя мое предложение, вы можете совершить ошибку. Обдумайте это, пока я буду вас развязывать.

— Я должна позвонить, — сказала она, когда я ее освободил.

— Не отсюда. Если вы уходите в одиночестве, то на углу есть телефонная будка. Если со мной, то сможете позвонить из кабинета мистера Вульфа.

Она выглядела скорее взбешенной, чем испуганной.

— Вы знаете, чья эта квартира?

— Я знаю, чьей она была, — ответил я. — Томаса Г. Еджера.

— Что вы тут делаете?

— Прекратите. Я не собираюсь задавать вам вопросы и отвечать на ваши.

— Вы не имеете права... Я секретарь мистера Еджера. То есть была секретарем. Я пришла, чтобы забрать блокнот, который тут оставила.

— Тогда вам и вовсе нечего бояться. Как только к вам придут полицейские, скажите им то же самое, и они извинятся за беспокойство.

— Если я не пойду с вами, вы сообщите в полицию?

— Я этого не говорил. Решает мистер Вульф.

Она подошла ко мне вплотную и сказала:

— Ладно, я принимаю ваше приглашение.

7

Вульф сидел в своем любимом кресле с книгой в руках. Читает он всегда основательно, а в этой книжке было 677 страниц. Когда я подошел и сказал, что привел кое-кого, он прикрыл книгу, заложил страницу пальцем и нахмурился.

— Ее зовут Джулия Макджи, — продолжал я. — Утверждает, что работала секретаршей Еджера, и это может оказаться правдой, ибо легко поддается проверке. Говорит, что пришла сегодня за оставленным блокнотом. Это ложь: никакого блокнота там не было. Войдя и увидев Фрэда, она кинулась на него, расцарапала ему лицо до крови, и бедняге пришлось завернуть ее в покрывало. Узнав ее имя и адрес,

я сказал, что она может либо быть свободной и встретиться позже с полицией, либо прийти сюда вместе со мной. Она пошла со мной. В виде исключения я разрешил ей воспользоваться телефоном в нашем присутствии.

— Р-р-р,— ответил Вульф. Я ждал продолжения, но его не последовало. Она огляделась, увидела телефон, села в мое кресло и набрала номер.

— Мне нужен мистер Эйкен,— сказала она в трубку.— Это Джулия Макджи. Да, да, верно... Благодарю. Мистер Эйкен? Да, я знаю. Но там был мужчина, он напал на меня и.. Нет, позвольте мне объяснить. Потом пришел второй и сказал, что они работают на Ниро Вульфа, частного сыщика. Да, Ниро Вульф... Этот второй, Арчи Гудвин, заявил, что Вульф хочет говорить со всяким, кто приходит туда. Я сейчас в конторе Ниро Вульфа... Нет, не думаю, они оба здесь, и Вульф, и Гудвин. Не знаю. Подождите, я спрошу.

Она повернулась ко мне.

— Скажите ваш адрес.

Я назвал, и она повторила его в трубку.

— Мистер Эйкен будет здесь через двадцать минут,— произнесла она, снимая пальто.

— Кто такой мистер Эйкен? — спросил Вульф.

— Мистер Бенедикт Эйкен — президент «Континентал Плэстик Продакс».

Вульф оглядел ее.

— Вы сказали мистеру Гудвину, что пришли сегодня за блокнотом. Когда вы его оставили?

— Я подожду мистера Эйкена.

— Нет, так дело не пойдет. Кое-какие факты нужны мне еще до его появления. Когда вы забыли блокнот?

— Я его не забывала. Это была неправда. Я пошла туда потому, что меня попросил мистер Эйкен.

— В самом деле? Забрать что-то, оставленное им?

— Нет. Лучше бы, конечно, дожждаться его прихода, но это не имеет значения. Мистер Эйкен послал меня, чтобы выяснить, нет ли там чего-нибудь такого, что позволит установить связь мистера Еджера с этой комнатой.

— Ключи вам дал мистер Эйкен?

— Нет, у меня были. Я ходила туда несколько раз писать под диктовку мистера Еджера. Я работала его секретарем.

— Я не видел этой комнаты, но мистер Гудвин рассказывал мне о ней. Вы считаете, что это подходящее место для служебных дел?

— Квартира не моя, и судить, подходит она или нет, не в моей компетенции.

— Если б вы нашли что-то, связывающее Еджера с этой комнатой, как вам надлежало поступить с найденным?

— Забрать с собой.
— Так велел мистер Эйкен?
— Да.
— А почему?
— Он сможет рассказать об этом лучше, чем я. Наверное, хотел защитить репутацию компании. Когда убивают вице-президента, это уже серьезный удар. Мистер Эйкен не хотел, чтобы кто-то узнал о том, что у мистера Еджера была такая квартира.

— Откуда мистеру Эйкену стало известно о существовании комнаты?

— Это я ему сказала.
— Когда?
— Месяца два назад. Мистер Еджер трижды приглашал меня тут по вечерам, и я решила, что служу не ему, а компании. Фирма платила мне жалованье, вот я и рассказала мистеру Эйкену.

— И как он прореагировал?
— Поблагодарил меня.
— А что он предпринял?
— Не знаю, предпринял ли вообще что-нибудь.
— Он разговаривал об этом с мистером Еджером?
— Не знаю.
— Фу... Конечно, знаете. Вы заметили какое-либо изменение отношения к вам со стороны мистера Еджера?

— Нет.
— Он продолжал приглашать вас в ту комнату по делам службы?
— Да.
— Как часто в течение этих двух месяцев?
— Дважды.
— Когда мистер Эйкен просил вас зайти туда?
— Сегодня днем, в конторе. Он спросил, у меня ли все еще ключи, и я сказала, что да. Он заявил, что если я схожу туда и сделаю то, о чем вам говорила, то окажу корпорации огромную услугу.

— У вас есть основания предполагать, что мистер Эйкен когда-либо бывал в этой комнате?

— Конечно, нет,— ее глаза расширились.
Зазвонил дверной звонок. Я пошел в холл и увидел сквозь стекло президента.

— Мистер Эйкен? — спросил я, открывая дверь. — Входите.

Он не шелохнулся.
— Меня ждут?

— Да, сэр. Мисс Макджи у мистера Вульфа.
Он переступил порог, и я помог ему снять пальто. Когда он избавился от шляпы, я его узнал: он сидел рядом с Еджером на фотографии, которую я видел в кабинете Лона Козна. Костюм президента был по крайней мере в восемь раз дороже того, в котором

приходил самозванец. В кабинете он остановился в четырех шагах от порога и сказал:

— Добрый вечер, мисс Макджи. Добрый вечер, сэр. Я — Бенедикт Эйкен.

— Мистер Эйкен, все, что сказала вам мисс Макджи по телефону, — правда, за исключением того, что на нее было совершено нападение...

— Почему вас интересует эта комната?

— Потому что она принадлежала Томасу Эджеру. Мой человек не нападал на мисс Макджи, это она набросилась на него. Объясняя причины своего прихода туда, мисс Макджи упомянула ваше имя, и мне нужны ваши разъяснения, чтобы сравнить их с теми, которые дала она. Мисс Макджи может остаться, но если она попытается помешать, мистер Гудвин остановит ее.

Эйкен смерил меня взглядом, подошел к красному кожаному креслу и неторопливо сел, устраиваясь поудобнее.

— Почему вы думаете, что комната принадлежала Томасу Эджеру?

— Я не думаю, я знаю.

— А почему это вас интересует? На кого вы работаете?

— На себя. Задания мне не давали. Я знаю об убитом то, что больше почти никому не известно. По закону я не обязан передавать эти сведения полиции и намерен использовать их для собственной выгоды. Как врачи и адвокаты, я зарабатываю свой хлеб насущный на горестях ближних. Вы не обязаны рассказывать мне, почему все это интересует вас, но я бы хотел послушать: я вас сюда не приводил.

Эйкен невесело улыбнулся.

— Мне не на что жаловаться, — сказал он. — Я и не надеялся узнать, кто вас нанял, но мне трудно поверить, что никто. Как вы узнали об этой комнате?

Вульф покачал головой.

— Меня никто не нанимал, мистер Эйкен. Будь у меня клиент, я бы так и сказал, не называя его имени.

— Каким образом вы намерены использовать то, что знаете об этой комнате?

— Это зависит от обстоятельств. Мой сотрудник все еще там.

— Говоря о собственной выгоде, вы имеете в виду деньги?

— Разумеется.

— Хорошо, — Эйкен поерзал в кресле. — Вы хотите сравнить мой рассказ с показаниями мисс Макджи. Конечно, вам известно, что Эджер был вице-президентом корпорации, а мисс Макджи — его секретарем. Около двух месяцев назад она пришла ко мне и рассказала об этой комнате и о том, что Эджер несколько раз приглашал ее туда для работы. Она не жаловалась на поведение мистера Эджера, но полагала, что я должен все знать о комнате и о привычках вице-

президента. Мне показалось, что перед нами встала трудная проблема. Я просил мисс Макджи больше никому об этом не говорить и не отказываться от дальнейших визитов в ту квартиру. Мне нужно было время, чтобы решить, как быть.

— Вы обсуждали это с мистером Эджером?

— Нет. Я не знаю, много ли вам известно об административных сложностях крупной корпорации, но главный вопрос состоял в следующем: либо поговорить с мистером Эджером, либо вывести служившего на совет директоров. Вчера, когда я узнал, что Эджер мертв, у меня еще не было готового решения. Разумеется, известие о его гибели потрясло нас. Убийство это оказалось серьезной неприятностью, но могло стать большим, нежели неприятность, если бы кто-то узнал о комнате. Разразилась бы катастрофа. Я собрал экстренное заседание совета директоров, но потом решил поговорить с тремя его членами по отдельности. Вполне возможно, что связь Эджера с этим домом удастся скрыть. Я предложил послать туда мисс Макджи, чтобы забрать все предметы, способные указать на Эджера как на хозяина квартиры. Предложение было принято. Что там произошло, мисс Макджи? — спросил он ее.

— Я вышла из лифта, а там оказался мужчина. Я пыталась убежать, но он схватил меня и связал. Наверное, я потеряла голову. Я решила, что он из полиции. Потом пришел Арчи Гудвин и заявил, что им известно, кто был хозяином комнаты. Что же я могла поделать?

— Ничего. — Эйкен снова повернулся к Вульффу. — Итак, вот почему все это заинтересовало меня. Вы не станете отрицать, что мой интерес оправдан?

— Оправдан. Но он продиктован отчаянием. Вы не можете надеяться, что связь Эджера с той квартирой останется тайной навеки.

— Я не надеюсь. Я действую. Вы расскажете мне, откуда узнали обо всем этом?

— Нет.

— Я заплачу вам. Хорошо заплачу.

— Я не продаю информацию, мистер Эйкен, я продаю услуги.

— А я их покупаю. Вы сказали, что у вас нет клиента. Теперь он есть. Я нанимаю вас.

— Для чего?

— Чтобы защитить репутацию и интересы моей корпорации. Я действую от ее имени.

Вульфф покачал головой.

— Сомневаюсь, что так дело пойдет. Для вас важнее всего скрыть то, что известно мне об этой комнате, и вы готовы заплатить за это. Но даже если я окажусь настолько туп, что приму ваше предложение, полиция рано или поздно все обнаружит. Единственный способ спасти репутацию вашей фирмы — предотвращение расследования убийства

полицией. Необходимо найти приемлемое решение этой головоломки, причем такое, что не требует упоминания о комнате.

Эйкен нахмурился.

— А если окажется, что это невозможно?

— Тогда вы выбросите деньги на ветер. У меня принцип: невозможным не заниматься. Заметьте, что давление на вас оказываю не я, а обстоятельства. И угрожаю вам не я, а то, что я располагаю фактом. Итак, вы хотите нанять меня, а я хочу быть нанятым, но согласен оказывать только те услуги, которые сочту соответствующими своему назначению. Я не могу исключить даже возможности того, что вы сами убили Еджера.

Эйкен улыбнулся. И снова невесело.

— Зато я могу.

— Разумеется. Арчи, машинку. Два листа копирки.

Я подтянул к себе пишущую машинку и заложил бумагу.

— Да, сэр?

— Один интервал, широкие поля. Дата. «В интересах моей корпорации «Континентал Плэстик Продакс» настоящим заявляю, что Ниро Вульф уполномочен расследовать обстоятельства гибели Томаса Г. Еджера. Подразумевается, что Вульф предпримет все усилия для того, чтобы защитить интересы корпорации, и не станет раскрывать информацию, способную подорвать престиж фирмы, если гражданский долг не обяжет его к этому. В случае, если Вульфу не удастся выполнить условия данного соглашения, он не получает вознаграждения за услуги и возмещения расходов. Целью соглашения является предотвращение (насколько это возможно) ущерба, который может быть нанесен корпорации в связи с обстоятельствами гибели Томаса Г. Еджера». Под местом для подписи напечатай: «Президент «Континентал Плэстик Продакс».

Закончив и прочитав написанное, я вручил оригинал Эйкену, а копии Вульфу. Эйкен дважды перечитал текст и поднял глаза.

— Здесь не указан ваш гонорар.

— Он будет зависеть от того, что я смогу сделать.

— А как определить, что вы честно выполняете условия?

— Доверие и здравый смысл. Если это не поможет, решать будет суд, но такой вариант маловероятен.

Эйкен достал из кармана ручку и подписал бумагу. Я передал ее Вульфу, а Эйкену вручил одну из копий.

— Как и когда вы узнали о комнате? — спросил он.

Вульф покачал головой.

— Я не начинаю трудную работу с болтовни, — он посмотрел на стенные часы и поднялся. — Сейчас половина первого ночи. Разумеется, я буду докладывать вам, но что и когда — решать только мне.

— Это абсурд. Вы работаете на меня.

— Да, сэр, но единственный критерий моего труда — результат. Может случиться так, что чем меньше вы будете знать, тем лучше. Вульф взял оригинал соглашения.

— Хотите, я верну его вам?

— Нет, я хочу знать, как вы намерены действовать.

— Этого я и сам не знаю.

— Знаете. Вам рассказал один из моих директоров?

— Нет.

— Миссис Еджер?

— Нет.

— Тогда кто же?

Вульф гневно сверкнул глазами.

— Послушайте, сэр, вы хотите, чтобы я выполнил задание или нет?

— Не просто хочу. Мне это необходимо. Хорошо, вам карты в руки, — он встал. — Идемте, мисс Макджи.

8

В среду, в половине одиннадцатого утра, я стоял в кабинете возле большого глобуса и вертел его, пытаюсь отыскать хорошее местечко, где можно было бы провести осенний отпуск. Когда у Вульфа есть для меня какие-нибудь инструкции, он присылает Фрица, и я поднимаюсь в его комнату. Сегодня утром Фриц не пришел, и без четверти девять я позвонил Вульфу по внутреннему телефону. Услышав в трубке долгое рычание, я стал прикидывать, какую программу действий выдумает для меня Вульф, и установил, что первым и единственным пунктом в ней будет, по всей видимости, подметание улицы.

А поработал я отлично. В девять утра во вторник я отправился на поиски клиента, а к полуночи раздобыл президента крупной корпорации, и теперь, чтобы получить пятизначный гонорар, оставалось всего-навсего заработать его.

Итак, во-первых... А что во-первых? Большим нашим преимуществом было то, что мы знали, где убили Еджера. Возможно, об этом не знал больше никто, кроме четы Пересов и убийцы. Нам было известно также, что в воскресенье вечером Еджер ждал в гості даму, поскольку он заказал икру и фазана к полуночи. Но даже если дама и приходила, это вовсе не значит, что она и есть убийца: она могла найти Еджера уже мертвым. Рассматривая дело под таким углом зрения, мы могли бы составить полный список женщин, у которых были ключи. Работу эту можно проделать за год или около того.

Из характеристик убийства (орудие, возможность, мотив) выбирается обычно та, которая с наибольшей вероятностью позволит распутать клубок. Возможность я вычеркну: она была у каждого, кто имел ключи. Орудие я тоже исключил: понадобилось бы составлять список

всех обладателей ключей, у которых мог быть доступ к револьверу. Далее — мотив. Разумеется, можно предположить, что комната вызвала сильные переживания у каждой посетительницы и у всех вместе. Пусть в квартире за последние два года побывал десяток разных женщин. Допустим также, что у каждой из них есть отец, муж, брат или, как выразился Вульф, любовник. Вот и получается список из сорока человек, и у всех первосортный мотив. Так что и мотив я тоже вычеркнул.

А если ничего не остается, значит, единственный путь — это поймать кого-то на лжи, отыскать две половины картонки, которые должны вроде совпасть, да не совпадают, или же найти в районе места преступления человека, который что-то видел, слышал или заметил людей, входивших в цокольный этаж дома 156 либо выходивших оттуда. Такая программа могла бы принести результат при условии, что у вас есть пяток хороших сотрудников и что вам наплевать, сколько времени уйдет на ее выполнение.

Вернувшись в 11 утра из оранжереи, Вульф спросил:

— Что это за надпись на моем календаре? Четырнадцать миллионов шестьсот восемьдесят две тысячи двести тридцать пять долларов и пятьдесят семь центов?

— Это я получил из банка, сэр. Наличный резерв «Континентал Пластик Продакс» на 31 января. Думал, вам будет интересно, а делать было нечего. Хотелось бы чем-нибудь заняться.

— Фу...

— Да, сэр, я того же мнения.

— Ты обмозговал ситуацию?

— Да. Вчера в течение какого-то времени у нас было слишком много клиентов, целых два. Сегодня остался один, но и этого может оказаться чересчур много, потому что мы, вероятно, не в силах выполнить его задание. Если хотите спросить меня о предположениях, не утруждайте себя. Вклад, который я смогу внести, ценности не имеет.

— Что за вклад?

— Джулия Макджи — лгунья. Вы слышали описание комнаты, но не видели ее своими глазами. Там не занимаются служебными делами. И это — очко в ее пользу. Если она фискалила президенту на Еджера, то зачем ей его убивать? Хотите спросить ее об этом?

— Нет, — он вдохнул полной грудью и выпустил воздух. — Дурак я, что взялся за эту работу. Все, что мы можем, так это болтаться вслепую вокруг да около. Надо найти того парня, что втянул нас в это. Сколько тебе потребуется времени на поиски?

— От дня до года.

Прозвенел звонок. Выйдя в холл, я увидел на крыльце пожилую женщину, открыл дверь и пожелал гостье доброго утра.

— Ниро Вульф? — спросила она.

Я кивнул.

— Это его дом.

— Я Эллен Эджер, миссис Томас Г. Эджер.

Когда посетитель приходит без предупреждения, мне надлежит оставить его на крыльце и посоветоваться с Вульфом, но сейчас был особый случай. Поэтому я пригласил женщину войти, ввел ее в кабинет и сказал:

— Мистер Вульф, миссис Эджер.

Он гневно сверкнул глазами в мою сторону.

— Я не знал, что у меня назначена встреча.

— Не знали, сэр.

— Я не стала задерживаться и звонить, — сказала Эллен Эджер. — Дело срочное.

Она подошла к красному кожаному креслу, села в него как в свое собственное и вперила в Вульфа взгляд маленьких колющих глаз.

— Я хочу вас нанять, — она взяла сумку и вытащила чековую книжку. — Сколько вам нужно в качестве задатка?

Клиент номер четыре, не считая Эджера-самозванца. Если уж я хожу их разыскивать, то возвращаюсь с уловом.

— Мой муж был убит, вы это знаете, — продолжала она. — Я хочу выяснить, кто его убил и как это случилось. Он был нездоров, страдал излишней тягой к женщинам, все это мне известно. Я терпела много лет, но сейчас...

— Замолчите! — скомандовал Вульф. Она удивленно умолкла.

— Моя грубость вынужденна, — сказал он. — Я не могу позволить вам разглашать конфиденциальную информацию, если даже вам кажется, что вы меня нанимаете. А это не так. Я уже обязался расследовать убийство вашего супруга.

— Ничего подобного, — заявила она.

— Вот как?

— Да, так. Вы обязались предотвратить его расследование, замять дело и уберечь эту «Континентал Плэстик Продакс». Один из директоров мне все рассказал. Сегодня утром на совете Бенедикт Эйкен сообщил им о том, что он предпринял, и получил одобрение. Им наплевать, поймают убийцу мужа или нет, они не хотят, чтобы его схватили. Их волнует только корпорация. Теперь я получу пакет акций, но меня это не интересует, ничто не помешает мне рассказать о комнате окружному прокурору, если я захочу.

— О какой комнате?

— Вы прекрасно знаете, о какой. О той самой, на Восемьдесят второй улице, куда вчера ходила Джулия Макджи и где вы ее поймали, — она повернула голову в мою сторону. — Вы Арчи Гудвин? Я хочу видеть комнату. Когда вы меня туда отведете?

Задавать новые вопросы, не дождавшись ответов на предыду-

щие, неприлично, но иногда полезно для того, кого спрашивают. Она вновь повернулась к Вульфу.

— Сколько вы хотите в задаток?

Она была нетерпелива, но умна и не тратила слов напрасно. Не потрудились даже произнести вслух, что если Вульф попробует заняться тем, для чего его, по ее убеждению, наняли, то она быстро прикроет эту лавочку, позвонив в контору окружного прокурора. Поэтому ему пришлось подлаживаться под нее.

— Мадам, — сказал он, — вас ввели в заблуждение. Арчи, дай ей прочесть ту бумагу, которую подписал мистер Эйкен.

Чтобы прочесть, ей понадобилось достать из сумки очки.

— Но здесь все так, как я говорила, — произнесла она.

— Нет, прочтите еще раз. Арчи, машинку, два листа копирки.

Я сел, развернул машинку и вставил листы.

— Да, сэр?

— Один интервал, широкие поля, дата. «Я, миссис Томас Г. Эджер, настоящим прошу Ниро Вульфа расследовать обстоятельства смерти моего супруга. Задача — установить личность убийцы и идентифицировать его. Если во время выполнения задания Вульф будет вынужден поступить вопреки условиям соглашения, заключенного им с фирмой «Континентал Плэстик Продакс», то это соглашение теряет силу, и Вульфу надлежит далее руководствоваться договором со мной». Подразумевается, что я не приложу никаких усилий, направленных на расторжение договора Вульфа с «Континентал Плэстик Продакс», не уведомив его об этом заблаговременно».

Он повернулся к ней.

— Задатка не надо; с мистера Эйкена я ничего не брал. Пришли вам счет или нет, зависит от обстоятельств, равно как и сумма. Я не рассчитываю получить от двух разных клиентов гонорар за одни и те же услуги, а от вас и вовсе ничего не возьму, если, к примеру, установлю, что вы сами убили мужа.

— Те времена, когда я хотела его убить, давно прошли. Дети тогда еще были маленькими.

Она взяла у меня оригинал и прочла.

— Тут неверно написано. Когда вы узнаете, кто его убил, то скажете мне, и я сама решу, что делать.

— Вздор. Решать будут граждане штата Нью-Йорк. Арчи, дай ей ручку.

— Не буду подписывать. Я обещала мужу, что не подпишу ни одной бумаги, не показав сперва ему.

Уголок рта Вульфа чуть приподнялся, что означало улыбку.

— Тогда, может быть, переделаем документ так, чтобы его подписал я?

— Нет, — она вернула бумаги мне. — Что толку с этих подписей? Не они важны, а дела. Сколько вы хотите в задаток?

Совсем недавно Вульф напрочь отказался от аванса, но теперь передумал.

— Один доллар, — сказал он.

Видимо, это показалось ей в порядке вещей. Она открыла сумку, спрятала чековую книжку, вытаснула кошелек и, достав долларовую бумажку, протянула ее Вульфу. Потом повернулась ко мне.

— А теперь я хочу посмотреть комнату.

— Не сейчас, — с ударением проговорил Вульф. — У меня к вам несколько вопросов. Садитесь.

— Какого рода ваши вопросы?

— Всякого. Вы сказали, будто много лет знали о повышенном интересе вашего мужа к женщинам, ставшем его болезнью. Можно предположить, что вы пытались разузнать кое-что и о том, как он боролся со своим недугом. Мне нужны имена, даты, факты, адреса, подробности.

— От меня вы этого не услышите. Я давно уже ничем таким не интересуюсь. Однажды, когда дети были поменьше, я спросила своего доктора, что можно сделать, но из его объяснений поняла, что ничего.

Зазвенел дверной звонок. Выйдя в холл, я не увидел на крыльце еще одного возможного клиента. Инспектор Кремер из западного районного отдела по расследованию убийств выступал в разных ролях: был он и врагом, и сторонним наблюдателем, пару раз даже союзником, но клиентом — никогда. И судя по выражению его круглой красной физиономии, пришел он вовсе не для того, чтобы предложить задаток.

Я приблизился к двери и поставил ее на цепочку, потом приоткрыл на два дюйма и сказал в щелку:

— Приветствую. Я не открываю потому, что мистер Вульф не один. Я вас устрою?

— Нет. Знаю я, что он не один. Миссис Томас Г. Еджер торчит уже почти полчаса тут. Откройте дверь.

— Будьте как дома. Я выясню обстановку, — я прикрыл дверь, вернулся в кабинет и сказал Вульфу: — Портной. Он говорит, что костюмы принесли около получаса назад, и хочет посоветоваться.

Вульф поджал губы и хмуро взглянул на меня, потом на гостью. Когда на пороге топчется представитель властей, Вульфу больше всего хочется передать ему через меня, что он занят и просит не мешать. Тем более если приходит инспектор Кремер. Однако ситуация и без того была достаточно сложная. Если ищейки разноухали про дом и накрыли Фрэда Даркина, дело дрянь, и еще хуже будет, когда Кремер ворвется сюда с ордером. А тут еще миссис Еджер. Коль Кремер знает, что она уже полчаса сидит у нас, стало быть, они за ней следят, и нам не худо выяснить, почему.

Вульф повернулся к гостье.

— У дверей стоит инспектор полиции Кремер, и он знает, что вы здесь.

— Откуда?

— Спросите его сами. Но можно предположить, что за вами следили. Вы под наблюдением.

— Да как они посмели?! Следить за мной! Не верю! Если они снова прозвенел звонок, и Вульф посмотрел на меня.

— Давай, Арчи.

9

Полицейские — враги частных детективов. Так было и будет всегда. За спиной нью-йоркского полисмана — мощь общественного мнения восьми миллионов человек, у частного же сыщика нет ничего кроме права на жизнь, свободу и стремления к счастью. И хоть сами по себе вещи эти прекрасные, в спорах они не помогают.

Кто же сейчас нанесет первый удар? И что это будет: хук, свинг или прямой в челюсть?

Однако сегодня резкого первого удара вообще не последовало, ибо этому воспрепятствовала миссис Еджер. Как только Кремер показался в кабинете, она встретила его яростным вопросом:

— За мной следят?

Он взглянул на нее сверху вниз.

— Доброе утро, миссис Еджер. Надеюсь, вы не сердитесь. Когда убийца ходит на свободе, лучше не искушать судьбу. Ради вашей безопасности мы сочли целесообразным...

— Не хочу никакой защиты и не нуждаюсь в ней! Сюда вы за мной тоже шли?

— Не я. Мой человек. Мы...

— Где он? Я хочу его видеть. приведите. Защита! Вы не смогли уберечь моего мужа. Его застрелили посреди улицы и бросили в яму, а вы не в состоянии даже отыскать тело. Это сделал за вас мальчишка. Где ваш человек?

— Он просто выполнял приказ, — тон Кремера стал чуть резче. — И пришел сюда вслед за вами. Возможно, вам все-таки нужна защита, если не от насилия, то от ошибок. Может быть, одну вы уже совершили, явившись сюда. Если вы пришли, чтобы рассказать Ниро Вульфу то, что скрыли от нас, то это была ошибка. Итак, я хочу знать, что вы ему сказали и что услышали в ответ. Все до единого слова. Вы уже полчаса как здесь.

— Я могу вернуть ваш задаток, мадам, — прозвучал за ее спиной голос Вульфа.

— О! — воскликнула она, но не обернулась. — Я наняла его для одного дела.

— Какого дела? — спросил Кремер.

— Для установления личности убийцы моего мужа. Вы даже не нашли труп, а теперь только и делаете, что шпионите за мной и болтаете о защите, хотя меня не от чего защищать. Если б у меня было что сказать, я сказала бы об этом Вульффу, а не вам, — она сделала шаг вперед. — Прочь с дороги. Где ваш человек?

— Вы совершаете ошибку, миссис Еджер. Я хочу знать, о чем вы говорили с Вульффом.

— Спросите его сами.

Видя, что Кремер не двигается, она обошла его и направилась в холл. Я шагнул следом за ней к парадной двери, и, когда взялся за ручку, миссис Еджер приблизилась ко мне вплотную. Вытянув шею и прижавшись губами к моему уху, она прошептала:

— Когда вы покажете мне комнату?

— Как только появится возможность, — шепотом ответил я.

Мне хотелось постоять у двери и посмотреть, как она будет искать своего шпика, но что если Кремер сейчас возьмет да и гаркнет Вульффу: «Когда вы обнаружили квартиру на Восемьдесят второй улице?»

Мне надо было присутствовать в кабинете, и я, закрыв дверь, вернулся туда. Кремер не бушевал. Он сидел в красном кожаном кресле, крепко стиснув зубы. Говорил Вульф:

— ...а это вопрос спорный. Я не обязан спрашивать вас, брать ли задаток или не брать, если, конечно, вы не обвините меня в том, что я сознательно мешаю вам исполнять ваш долг, и не докажете свое обвинение.

— Я бы не пришел сюда, если б не мог его доказать, — сказал Кремер. — Меня привело к вам не сообщение о том, что здесь находится миссис Еджер. Я предлагаю вам возможность сотрудничать со мной и задаю вопрос напрямик: какой информацией, способной вывести нас на убийцу, вы располагаете?

Значит, он знал о комнате, и мы попались. Теперь Вульффу оставалось только вывернуть карманы и забыть о своих клиентах. Но с этого не сделал, а продолжал гнуть свою линию.

— Представьте себе, — сказал он, — что мне по секрету сообщили, будто некто был должен Еджеру крупную сумму денег и Еджер настаивал на выплате долга. Это могло бы помочь следствию, но я не обязан делиться с вами такой информацией до тех пор, пока не буду вынужден признать, что она действительно поможет. Ваш вопрос достаточно прямолинеен, но неуместен, и вы это знаете.

— Вы признаете, что располагаете информацией.

— Ничего я не признаю. Если даже и располагаю, то это мое дело — решать, оправданно ли скрыть ее или нет. И рискую тоже.

— С вашей проклятой везучестью нет смысла говорить о риске. Задам другой вопрос: почему Гудвин звонил Лону Коэну в пять часов вечера в понедельник и спрашивал о Еджере? За два часа до того, как обнаружили тело.

Я попытался сохранить равнодушную мину, и это мне, кажется, удалось, потому что Кремер с его чутьем непременно заметил бы выражение облегчения на моем лице. Я усмехнулся в глубине души. Комнату они не нашли: просто связались с каким-нибудь болтуном из «Гэзетт», разнюхали и затянули гайки.

Вульф откашлялся.

— Это действительно странно.

— Откуда вы узнали, что Еджер мертв?

— Я не знал этого, и мистер Гудвин тоже. Я не берусь за любое предложенное мне дело. Когда я соглашаюсь выполнить задание, то поступаю так в надежде заработать гонорар и порой вынужден идти на риск. Сейчас я рискую. Действительно, некто — назовем его Иксом — сказал в понедельник днем несколько слов, которые побудили мистера Гудвина позвонить мистеру Козну и справиться о Еджере. Но, во-первых, ничто из сказанного Иксом не свидетельствовало о том, что ему известно о смерти Еджера, и у нас сложилось мнение, что он не знал о ней. Во-вторых, ничто из сказанного Иксом не позволило предполагать, что Еджер в опасности и ему угрожает гибель. И в-третьих, все, что сообщил Икс, оказалось ложью от начала до конца. У меня нет для вас никакой информации.

— Кто этот Икс?

— Не знаю.

— Чепуха. Это миссис Еджер?

— Нет. Возможно, я не назвал бы вам имя, даже зная его. Но оно мне неизвестно.

Кремер подался вперед.

— Оправданный риск, да? Я помню слишком много...

Зазвенел телефон, и я поднял трубку.

— Резиденция Ниро Ву...

— Арчи, поймал.

Я прижал трубку покрепче.

— Арчи, это ты?

— Конечно. Я занят.

— Я говорю, что поймал еще одну.

— Вряд ли вы поступили разумно, мистер Герсон. Вы можете столкнуться с серьезными неприятностями.

— О, ты не один?

— Разумеется, — голова у Фрэда работала неплохо, только медленно. — Видимо, придется, но не знаю, как скоро. Подождите у телефона.

Я прикрыл трубку ладонью и повернулся к Вульфу.

— Этот кретин Герсон нашел свои облигации, а в комнате у него сидят взаперти двое слуг. Он требует, чтобы я приехал, но...

Вульф откашлялся.

— Придется ехать к этому простофиле. Мистеру Паркеру позвони оттуда, если сможешь.

Я снял ладонь с трубки.

— Хорошо, мистер Герсон, я уже выхожу. Не отпирайте комнату до моего появления.

Сев в такси на Девятой авеню, я заявил шоферу, что указания буду давать по ходу. Мы свернули вправо на Тридцать четвертую улицу, потом опять вправо, на Одиннадцатую авеню, еще раз вправо, на Пятьдесят шестую улицу и влево, на Десятую авеню. Я убедился, что слежки за мной нет, но всю дорогу поглядывал назад, пока мы не остановились на углу Восемьдесят второй и Бродвея. Отсюда я двинулся пешком.

Открыв дверь цокольного этажа ключом Мэг Дункан, я вошел в холл. На этот раз за мной никто не наблюдал, но как только я приблизился к лифту, в дверях кухни появился Цезар Перес.

— Ах, это вы,— сказал он и обернулся.— Это мистер Гудвин.

Подошла его жена.

— Там наверху женщина,— объявила она.

— К ней я и пришел. Вы видели ее раньше?

— Нет,— она взглянула на мужа.— Цезар, мы должны рассказать ему.

— Не знаю,— Перес развел руками.— Ты соображаешь лучше меня. Если ты говоришь, что надо, значит, надо.

— Войдите,— пригласила она.

Я не колебался. Когда Фрэд звонил, было не похоже, что его опять исцарапали, а у этих двоих есть что-то интересное. Перес подошел к кухонному столу, взял визитную карточку и протянул ее мне.

— Этот человек приходил сегодня утром.

На карточке было вытиснено: «Джон Мортон Сеймур, адвокат».

— Ну и что? — спросил я.

— Он принес бумаги. Взгляните.

Бумаги лежали в распечатанном конверте. Я вытащил листок, обратная сторона которого была голубого цвета, и развернул его. Листок оказался актом, подписанным Томасом Г. Эджером и засвидетельствованным по всей форме. Дата — 16 марта 1957 года. Акт гласил, что дом 156 по Восемьдесят второй улице передается Цезару и Фелите Перес вместе с земельным участком. Интересно, как давно они узнали о существовании документа?

— Он принес эту бумагу и отдал нам,— сказала миссис Перес.— Утверждал, что мистер Эджер наказал ему передать нам конверт в течение сорока восьми часов, если он вдруг умрет. Адвокат обещал взять на себя формальности, да еще бесплатно. А теперь мы скажем вам, что собираемся сделать. Вчера вечером мы хотели уехать куда-нибудь навсегда, но сейчас у нас возник спор. Муж и дочь считают, что лучше остаться, но я настаиваю на отъезде. Вот я вам и рассказала.

— Тот парень сегодня говорил, что мистер Еджер оформил наши бумаги так, чтобы никто не узнал, что это был его дом. А теперь он наш,— добавил Перес.— И мы можем остаться, а из комнаты все вытащить и жить там. Кухня и ванна наверху очень хорошие. Моя жена почти всегда соображает лучше меня, но сейчас я не понимаю, почему мы должны бежать из собственного дома.

— Так,— я бросил акт на стол.— Значит, вчера вы знали о том, что полиция не установит, чей это был дом. Почему не сказали?

— Вы нас не слушаете,— произнесла миссис Перес — Мистер Сеймур приходил не вчера, а сегодня.

— Но Еджер уже давно рассказал вам об этом документе.

— Стало быть, вы считаете нас лжецами?

— У вас есть Библия?

— Конечно.

— Принесите.

Она вышла и минуту спустя вернулась с маленькой толстой книгой в кожаной обложке. Я открыл ее, чтобы посмотреть, но книга была на испанском языке. Я попросил их положить на нее руки и сказал:

— Повторяйте за мной. Клянемся, что мы не знали о намерении мистера Еджера оставить нам этот дом и не имели никаких оснований полагать, что это произойдет.

Я положил книгу на стол.

— Ладно, если мистер Сеймур обещает сделать все так, что никто не узнает, возможно, это в его силах. Но не берите из комнаты ничего. Советую вам остаться тут. Если вы уедете, мистер Вульф может рассказать о вас полиции, вас в два счета разыщут, и тогда уж клятва на Библии не поможет.

— Нас не найдут.

— Не валяйте дурака. Мне надо подняться и встретиться с той женщиной. Примите мои поздравления, и пусть в ваш дом никогда не войдет полицейский.

Фрэд сидел в желтом кожаном кресле, держа в руках бокал с шампанским, а на кушетке против него восседала дама, чье обличье гораздо больше подходило к здешним декорациям, нежели облик Мэг Дункан или Джулии Макджи. Эта женщина была довольно миниатюрна, с изящными линиями и широким пухлым ртом. Когда я приблизился, она протянула мне руку.

— А я вас знаю. Видела во «Фламинго». Однажды я довела своего спутника до иступления, сказав ему, что хочу потанцевать с вами. Когда Фрэд сказал, что придет Арчи Гудвин, я была вынуждена сесть, чтобы не упасть. Вы так прекрасно танцуете.

Я пожал протянутую руку.

— Ловлю вас на слове. Как-нибудь встретимся, и я не обману ваших надежд. Я не помешал? Вы с Фрэдом старые друзья, да?

— Нет, раньше мы не встречались. Просто смешно называть муж-

чину мистером, когда пьешь с ним шампанское. Это я предложила выпить.

— Она сунула бутылку в морозильную камеру, а потом распечатала,— пояснил Фрэд.— Так чего ж добру зря пропадать? Я же его не очень люблю, ты знаешь.

— Не оправдывайся. Если она называет тебя Фрэдом, то как к ней обращаешься ты?

— Я не обращаюсь. Она просила звать ее Ди. Я просто ждал тебя, вот и все.

На кушетке стояла кожаная сумочка прямоугольной формы. Чтобы взять ее, мне надо было только протянуть руку, что я и сделал. Дама попыталась было перехватить сумку, но опоздала. Когда я отступил на шаг, она произнесла:

— Нехорошо, вы не находите?

— Я хорош только в танце.

Я вытащил из сумки пожитки. Водительское удостоверение было выдано на имя миссис Остия Хоу. Тридцать лет, рост пять футов два дюйма, белая, волосы каштановые, глаза карие. Адрес — Нью-Йорк — 14, Иден-стрит, 64. Сложив вещи обратно, я закрыл сумку и снова поставил на кушетку, на то место, откуда взял.

— Пистолет я оставила дома,— сказала она и отхлебнула шампанского.

— Разумно. Я только хотел узнать, как пишется имя Ди. Возможно, я сумею избавить вас от неприятностей, миссис Хоу. Ниро Вульф хочет встретиться с каждым, кто приходит в эту квартиру и имеет ключи. Кстати, я оставил их в вашей сумке. Если мы отправимся к мистеру Вульфу сейчас, то попадем к обеду и нам придется ждать. Мы можем обсудить дела здесь, пока вы приканчиваете шампанское.

— Хотите немного? Бутылка в холодильнике.

— Нет, спасибо. Не думаю, что вы пришли сюда из-за шампанского. Я прав?

— Да, я зашла за зонтиком.

— Желтый, с красной ручкой?

— Нет, серый.

— Он там, в ящике, но пока вам придется обойтись без него. Когда полицейские заинтересуются этой квартирой, им не понравится, что отсюда исчезают вещи. Как сюда попал ваш зонтик?

— Я забыла его две недели назад, в пятницу. Шел дождь, и Том Эджер дал мне ключи, сказав, что это местечко стоит посмотреть. Я пришла и увидела все это,— она обвела рукой комнату.— Вы должны признать, что здесь совсем не так, как в обычных... Но тут был Эджер, один, и мне не очень понравились мысли, которые он высказывал. Он меня, в общем-то, не оскорблял. О мертвых — только хорошее. Но мне пришлось туговато, и я была рада выбраться отсюда, хоть и без зонтика, зато при всем остальном. А когда я прочла

о его смерти и теле в яме, то забеспокоилась. Конечно, в убийстве меня заподозрить нельзя, но вдруг полиция найдет зонтик и в газеты попадет описание этой комнаты? Тогда моего мужа могли бы даже уволить с работы. Но ни вчера, ни сегодня в газетах ничего такого не напечатали, и я решила, что об этой квартире никто не знает. И вот я здесь, а вы заявляете, что зонтик брать нельзя, и предлагаете идти к Ниро Вульф. Конечно, это было бы забавно, и я не возражаю, но мне нужен мой зонтик. У меня есть идея. Вы говорите, он там, в ящике?

— Точно.

— Тогда заберите его. А вечером сводите меня во «Фламинго», и мы с вами потанцуем. Будем отплясывать до самого закрытия, а потом вам, может быть, и захочется отдать мне зонтик.

— Благодарю за предложение, миссис Хоу, но сегодня у меня много работы. Кстати, о работе. Почему ваш муж должен потерять место? Он служит в «Континентал Плэстик Продакс»?

— Нет, он профессор нью-йоркского университета. Жена члена факультетского совета — и вдруг замешана в таком деле! Даже если я и не замешана.

У меня в мозгу словно что-то щелкнуло.

— А что преподает ваш муж? — спросил я.

— Английскую литературу. Но вы уклоняетесь от темы беседы. Мы можем пойти во «Фламинго» завтра вечером, — она посмотрела на часы. — Сейчас почти половина второго. Вы пообедали?

— Нет.

— Сводите меня перекусить. Может, тогда хоть чуть-чуть оттааете.

Я слушал ее вполуха. Преподаватель английской литературы. Я был готов поставить десять против одного и держать пари, что сыщик имеет такое же право наслаждаться жизнью, как и любой другой человек. Я встал.

— Вы начинаете действовать мне на нервы, миссис Хоу. Мне было бы легко называть вас Ди, уже давно я не видел женщины, с которой мне так хотелось бы потанцевать, но я должен идти. Ниро Вульф все-таки встретится с вами, но это не срочно. Последний вопрос: где вы были в воскресенье после семи вечера?

— Нет, — ее глаза расширились. — Вы так не думаете!

— Очень жаль, но...

— В воскресенье вечером я была дома, с мужем. Он работал над бумагами, а я читала и смотрела телевизор. Легла в постель около полуночи и не вставала до утра. Я редко выхожу из дома среди ночи, чтобы застрелить человека и сбросить его труп в яму.

— Надеюсь, ваш номер есть в телефонном справочнике? — я повернулся к Фрзду. — Не давай ей уговорить тебя на зонтик. Как тебе тут нравится?

— Не жалуюсь. Начинаю чувствовать себя как дома. Сколько мне еще здесь торчать?

- День, неделю или год.
- Хм... Ты оставляешь ее со мной?
- Да, пусть приканчивает бутылку. У меня дело.

Когда я входил в лифт, Дина Хоу как раз встала и двинулась в сторону кухни. Внизу мистер и миссис Перес все еще сидели в своей комнате. Заглянув к ним и посоветовав сохранять спокойствие, я вышел из дома. На углу Восемьдесят второй и проспекта Колумба была аптека, где я мог бы подлечить желудок стаканом молока, но я не стал задерживаться, ибо спешил на свидание с профессором английской литературы. Хотя он и не знал об этом.

10

С Восемьдесят второй я ушел в час сорок, а четыре с половиной часа спустя сказал Остину Хоу: «Вы отлично знаете, что вам не отвертеться. Пошли».

За эти четыре с половиной часа я переделал массу дел. Я узнал, к примеру, что очень многие люди имеют представление о том, где должен или не должен находиться профессор университета, но никто не знает, в каком месте он пребывает в действительности. Я прочел в журнале статью об экспериментах в японском высшем образовании, четверть часа потел в телефонной будке, докладывая Вульффу последние новости, включая и переход дома в собственность четырех Пересов, был остановлен в коридоре тремя прекрасными девушками-студентками, которые просили у меня автограф. Видимо, они приняли меня за сэра Лоуренса Оливье или Нельсона Рокфеллера, не знаю, за которого. Но Остина Хоу я не нашел и решил, что это бесполезное дело. Поэтому я отправился пешком к дому 64 по Иден-стрит. Прибыв на место, я надавил на кнопку звонка и увидел хозяина квартиры.

Он уставился на меня как парализованный. Рот его то открывался, то опять закрывался. Чтобы как-то начать разговор, я сказал:

- Другие грехи говорят тихо, убийство же кричит в полный голос.
  - Ради Бога, как вам?..
  - Как — не имеет значения, — ответил я. — Вот мы и встретились снова. И это главное. Ваша жена дома?
  - Нет. В чем дело?
  - С удовольствием поболтал бы немножко с вами.
- Он о чем-то раздумывал и наконец принял решение.
- Не понимаю, о чем вы говорите. Я вас не знаю и никогда раньше не видел. Кто вы такой?
  - Я — Томас Г. Эджер, вернее, его дух. Отвертеться вам не удастся, и вы это прекрасно знаете. Пошли со мной?
  - Это мы еще посмотрим, удастся или нет. Уберите ногу из дверного проема. Я закрываю.

— Ладно,— сказал я.— Сегодня днем я разговаривал с вашей женой и узнал от нее ваше имя и адрес.

— Не верю. Это ложь.

— А кроме того, у нее в сумке были водительские права. Дина Хоу, родилась 3 апреля 1930 года, белая, волосы каштановые, глаза карие. Любит шампанское...

— Где вы ее видели?

— Это тоже не имеет значения. Я обещал мистеру Вульффу привезти вас в шесть часов, а сейчас уже четверть седьмого.

— Моя жена там?

— В данный момент нет. Повторяю, мистер Еджер.. простите, мистер Хоу, если вы не хотите накликать на свою голову неприятностей, то возьмитесь за мою руку и пошли.

— Где моя жена?

— Спросите мистера Вульфа.

Вульф сидел за столом и бился над кроссвордом из «Обсервера». Когда мы вошли, он не поднял головы. Усадив Хоу в красное кожаное кресло, я молча опустился на свой стул. Через двадцать секунд Вульф пробормотал: «А, черт с ним», швырнул на стол карандаш, посмотрел на гостя и прорычал:

— Значит, мистер Гудвин вышел на вас. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Где моя жена?

— Погодите,— подал голос я.— Я рассказал ему, что имел с ней беседу, больше ничего.

— Где она? — опять спросил Хоу.

Вульф оглядел его.

— Мистер Хоу,— сказал он,— когда в понедельник вечером я узнал, что Томас Г. Еджер убит, естественней всего было бы дать полиции описание человека, который приходил ко мне под видом покойного. По своим причинам я этого не сделал. Теперь же я могу дать им не описание, а ваше имя и адрес. Дам или нет — зависит от ваших объяснений. Каковы они?

— Я хочу знать, где Гудвин видел мою жену и где она теперь. До тех пор пока не узнаю, ничего вам не скажу.

— Вас можно понять,— ответил Вульф.— В понедельник вечером вы заявили, что боитесь, как бы вас не выследили в доме 156 по Восемьдесят второй улице. Когда ваша жена вошла в одну из квартир этого дома, там был мой человек. Ваша жена имела ключи. Вот все, что я намерен вам сообщить. Теперь объяснитесь вы. Ваше положение безнадежно, мистер Хоу. Вы знали этот адрес и телефон Еджера, которого не было в справочнике, знали, что он часто ходил в тот дом и ваша жена тоже была там завсегдатаем. Чего вы рассчитывали добиться приходом сюда?

Хоу чуть приподнял голову и взглянул на меня.

— Где она, Гудвин?

— Не знаю. Без двадцати два я оставил ее в той самой квартире, в обществе нашего сотрудника. Она могла свободно уйти оттуда. Ваша жена не знала, что я поехал к вам, и я не могу сказать, куда она отправилась.

— Вы говорили с ней?

— Да, около двадцати минут.

— Что она вам сказала?

— Она не очень удачно солгала, что была там всего однажды и зашла сегодня за забытым зонтиком. Она пригласила меня сегодня во «Фламинго», чтобы танцевать до самого закрытия.

— Ну, а теперь послушаем ваше объяснение,— сказал Вульф.

— А что, если я не захочу объяснять? Что, если встану и уйду?

— Тогда и нам, и вам будет горько. Теперь я знаю, кто вы, и должен сообщить полиции о представлении, устроенном вами в понедельник. Я бы предпочел этого не делать, и здесь ваши интересы совпадают с моими, равно как и интересы вашей жены. Ее зонтик все еще там, в квартире.

Хоу был загнан в угол и чувствовал это.

— Человек — игрушка обстоятельств,— сказал он.— Господи, когда я сидел в этом кресле и разговаривал с Гудвином, Еджер был уже мертв несколько часов. Прочтя об этом в газете, я понял, что будет, если вы меня найдете. Я решил все отрицать, но теперь не стану. Конечно, моей жене не надо было выходить за меня... Впрочем, попробую не уклоняться от темы. Она всегда требовала от меня невозможного...

— Так где же тема? — спросил Вульф.

— Ах, да. Сегодня я впервые говорю кому-либо о своих отношениях с женой. Примерно год назад она вдруг заимела часы стоимостью в тысячу долларов, а то и больше. Потом — другое барахло, драгоценности, тряпки, шубу. Она часто проводила вечера без меня и иногда приходила домой после восхода солнца. Я унизился до того, что стал следить за ней. Когда она уходила вечером из дома, я шел следом. Не всегда, только если была такая возможность. По большей части она посещала рестораны или подруг, но один-два раза отправлялась на Восемьдесят вторую улицу. Однажды я пошел туда, позвонил у двери, но ничего не узнал. Какой-то пуэрториканец сказал, что у них нет свободных комнат. Я следил за ней и дома. Раз мне попался телефонный номер, Чизхолм 5-32-32. Я позвонил туда и узнал, что попал в дом Томаса Г. Еджера. Наведя справки, я выяснил, кто он такой, и один раз видел его в театре. Это было две недели назад. А спустя три дня я выследил Еджера, когда он входил в тот дом через пять минут после того, как туда вошла моя жена. Я принялся шагать по тротуару взад-вперед, пока на меня не начали обращать

внимание, а потом пошел домой. Жена вернулась в шесть утра. Я не спросил, где она была, но решил, что должен что-то предпринять. И вот в один прекрасный день я явился к Арчи Гудвину. Я знал, что Гудвин позвонит Еджеру, увидится с ним и расскажет обо мне. Еджер не смог бы опознать меня по описанию Гудвина и понял бы лишь, что кому-то известно о его квартире. А потом он рассказал бы все моей жене, и она узнала бы меня по описанию. Это было важнее всего. Сказать ей напрямик я не мог, но хотел, чтобы она поняла, что мне все известно. Слава Богу, моя жена не была там в воскресенье вечером.

— Вы в этом уверены?

— Конечно. Мы спим в разных комнатах, но стоит ей повернуться на другой бок, и я все слышу. Как вы думаете, может ли сказанное мною остаться между нами?

Вульф посмотрел на часы.

— Мне пора обедать. Я не нахожу удовольствия в том, чтобы просто так причинять людям зло, мистер Хоу. И ваш маскарад не помешал нам. Наоборот, вы сообщили нам этот адрес, в результате чего теперь у нас есть клиент. То, что вы сказали, будет предано огласке только в случае крайней необходимости.

— Кто ваш клиент?

Когда Вульф сказал, что это не его дело, Хоу не стал настаивать. Я позволил себе даже пожалеть его: он ведь попал в дурацкое положение.

— Теперь уже нельзя исключить Пересов из списка подозреваемых, — сказал мне Вульф после ухода Хоу. — Они знали, что унаследуют дом. И этого сумасшедшего Хоу тоже исключать нельзя. Зная, что его жена ходит по такому-то адресу, он мог выкрасть ее ключи, пробраться туда, убить Еджера и спокойно уйти. В понедельник что-то встревожило его, и он предпринял определенные шаги, а в результате мы пришли к убеждению, что он не знал о смерти Еджера. Теперь от этого убеждения придется отказаться.

— Теория не беспочвенная. Я вижу в ней всего три дырки.

— А я — четыре, но каждую из них можно залатать. Я не говорю, что мы продвинулись вперед. Наоборот, сделан шаг назад. Мы пришли к выводу, что этого человека можно не подозревать, а оказалось, что нельзя. Ну, как теперь быть?

Когда Вульф отправлялся в свою спальню, он был так расстроен, что не пожелал мне спокойной ночи. Раздеваясь, я прикидывал шансы на то, что полиция не обнаружит следов нашего пребывания в комнате, если мы отзовем Фрэда. Это казалось столь нелепым, что я даже три раза перевернулся с боку на бок, прежде чем заснул.

Среди ночи зазвонил телефон. Поскольку спросонья я не смог бы говорить: «Резиденция Ниро Вульфа», то сказал просто:

— Алло?

— Мне нужен Арчи Гудвин,— услышался женский голос. Я все еще стряхивал с себя остатки сна.

— Я Гудвин. Кто это?

— Миссис Перес. Вы должны прийти. Сейчас же. Наша дочь Мария умерла. Ее застрелили. Вы приедете?

Я разом проснулся.

— Где вы сейчас?

Включив свет, я посмотрел на часы. Было без двадцати пяти три.

— Дома. Нас водили опознавать ее, и мы только что вернулись. Вы приедете?

— Там есть кто-нибудь? Полиция?

— Нет. Один полисмен проводил нас домой и ушел.

— Сейчас я буду.

Она повесила трубку.

Завязав галстук, набросив пиджак и рассовав по карманам всякие мелочи, я вырвал из блокнота листок и написал на нем: «Мария Перес убита. Миссис Перес звонила в 2.35. Еду на Восемьдесят вторую улицу. А. Г. ».

Спустившись на этаж, я просунул записку под дверь комнаты Вульфа и выбежал на улицу. В этот час лучше всего было ловить такси на Восьмой авеню, и я двинулся на восток.

11

Была одна минута четвертого, когда я воспользовался своим ключом, чтобы открыть дверь цокольного этажа дома 156, и вошел. Миссис Перес ждала меня. Не сказав ни слова, она повернулась и пошла через холл, а я двинулся следом. На полпути она свернула в комнату, в ту самую дверь, которую я распахнул во вторник вечером, когда почувствовал, что за мной следят. Комнатка оказалась маленькой, узкая кровать, комод, небольшое трюмо и пара стульев занимали почти все ее пространство. Перес сидел на стуле у трюмо, на котором стояли стакан и бутылка рома. Когда я вошел, он медленно поднял голову, чтобы взглянуть на меня.

— Моя жена говорила вам, что сесть мы предлагаем только друзьям,— произнес он.— Вы нам друг?

— Не обращайтесь на него внимания,— сказала она.— Он напился. Полбутылки рома. Это я ему велела. Спасибо, что пришли... Только теперь мы не знаем, зачем вас звали. Что вы можете сделать? Тут даже сам Господь Бог бессилен.

Я присел на стул.

— Беда в том, что необходимо действовать, и чем скорее, тем лучше. Вы знаете, кто ее убил?

— Вы с ума сошли,— сказал Перес.— Нет, конечно.

— Вам сказали, кто и где обнаружил труп?

— Да. Какой-то человек, в доке у реки.
— Во сколько она ушла из дома и куда?
— В восемь часов пошла в кино. За ней заходили две девушки, мы их знаем. Полицейский водил нас к одной из них, и она сказала, что Мария ушла из кино около девяти часов, а куда — неизвестно.

— У вас есть какие-нибудь предположения?

— Нет.

— Ладно. Вот, значит, как обстоят дела: либо между ее смертью и смертью мистера Еджера есть связь, либо нет. Если связи нет, то пусть убийцу ловит полиция. Возможно, это ей удастся. Если же связь есть, полицейских нельзя даже допускать к расследованию, потому что они не знают, чей это был дом. Или вы им сказали?

— Нет.

— Тогда решать вам. Если вы расскажете им о Еджере, они смогут найти убийцу скорее, чем мы с мистером Вульфом. Не расскажете — мы тоже его найдем, но не знаю, сколько на это понадобится времени. Вы хотите поручить дело нам?

— Мария не имела ничего общего с Еджером, никогда не разговаривала с ним, не заходила в ту комнату, не знала ничего о нем и о людях, которые приходили сюда.

— Не верю, — заявил я. — Где она была в воскресенье вечером, когда вы вытаскивали тело и прятали в яму?

— Спала. На этой вот кровати.

— Это вы так думали. У нее был хороший слух. Она слышала, как я входил в дом вечером во вторник. Дверь ее комнаты была приоткрыта, и Мария смотрела на меня через щелку.

— Вы с ума сошли, — сказал Перес.

— Мария не могла этого сделать, — согласилась его жена.

— И все же сделала. Мы с ней обменялись несколькими словами. Да почему, собственно, не могла? Красивая, умная девушка, и вдруг не интересуется тем, что происходит в ее собственном доме? Чепуха. Мне надо выяснять, что она знала или сказала такое, из-за чего ее могли убить. Если я этого не пойму, ничего сделать не удастся. Полиция производила тут обыск?

— Да, в этой комнате.

— Они что-нибудь забрали?

— Нет. Сказали, что нет.

— Значит, если вы оставляете дело нам, обыск должен стать первым шагом. Вам бы лучше лечь спать, только вы ведь не уснете. Идите на кухню и съешьте что-нибудь. Мне придется разобрать на части кровать и просмотреть все вещи.

Миссис Перес встала и сняла покрывало с кровати.

— Ничего вы не найдете, — сказала она.

Через полтора часа я был вынужден признать ее правоту. Я опустошил все ящики комода, поднял ковер и изучил каждый дюйм пола,

вытащил все из бельевого шкафа и осмотрел стены, подсвечивая фонариком, вынул ящики и проверил их днища. Ничего. Теперь я знал о Марии гораздо больше, чем когда она была жива, но даже малейшего намека на ее интерес к Еджеру мне найти не удалось.

— Я же вам говорила, — сказала миссис Перес.

— Да, я слышал, — я подошел к комоду и вытащил нижний ящик.

— Нет, больше не надо. Вы упрямы, как мой муж.

С ящиками я не очень упорствовал. Только осмотрел днище. Надо их перевернуть и простучать.

Я положил пустой ящик на пол и попробовал отковырнуть днище ножом. Однажды Сол Пензер отыскал под фальшивым дном ценную картину, приклеенную снаружи, а не изнутри. Но в этом ящике ничего не оказалось. Я взялся за следующий и чуть было не дал маху. Кладя ящик на кровать, я обратил внимание на внутреннюю сторону дна и разглядел маленькую дырочку в углу. Днище было застелено пластмассовым листом с рисунком в виде красных цветов на розовом фоне, и дырочка приходилась точно посреди одного из цветков. Я взял со стола заколку, вставил в дырочку и надавил. После того как край пластика приподнялся, я просунул под него палец и дернул. Под листом аккуратно лежали бумаги. Вот их перечень:

1. Пять проспектов фирмы «Континентал Плэстик Продакс», вырезанных из журналов.

2. Четыре этикетки от шампанского «Дом Периньон».

3. Три страницы биржевой рубрики «Таймс» с карандашными пометками напротив граф доходов «Континентал Плэстик Продакс».

4. Две газетные фотографии Томаса Г. Еджера.

5. Газетная фотография Томаса Г. Еджера-младшего и его невесты.

6. Газетная фотография миссис Томас Г. Еджер-старшей в обществе трех других дам.

7. Фотография банкета в гостинице «Черчил».

8. Три фото Мэг Дункан, два — из журналов и одно — сделанное в студии.

9. Тридцать один карандашный набросок женских лиц. В левом нижнем углу каждого листа стояла дата. Некоторых женщин Мария рисовала 4—5 раз. Начала она этим заниматься два года назад, а один из набросков был сделан в прошлое воскресенье. С листа бумаги на меня смотрела Джулия Макджи.

10. Девять пятидолларовых купюр.

Миссис Перес видела все, но молчала. Я взял бумаги, завернул их в страницы «Таймс» и поднялся. Теперь мои действия уже можно было квалифицировать как сокрытие улики, ибо если мой адвокат начнет утверждать, будто я не знал, что бумаги имеют отношение к смерти Марии Перес, ему придется упирать на то, что я идиот.

— Все эти вещи доказывают, — сказал я миссис Перес, — что

Мария обладала здоровым любопытством неглупой девушки и любила рисовать портреты. Я забираю это с собой, чтобы показать мистеру Вульффу. Деньги верну позже. Надеюсь, скоро. У вас была трудная ночь, а впереди такой же тяжелый день. Если вы сможете найти долларовую бумажку, то дайте мне. Вы нанимаете мистера Вульфа и меня, чтобы расследовать убийство вашей дочери, и поэтому разрешаете мне унести с собой все эти вещи.

— Вы были правы, — сказала она.

— Не хвалите меня раньше времени. Доллар, пожалуйста.

— Мы можем заплатить больше. Сто долларов...

— Одного пока достаточно.

Она вышла и вернулась с долларом в руке.

— Муж уснул, — сказала она.

— Хорошо. Ложитесь и вы. Теперь мы — ваши детективы. Сегодня придет один человек. Возможно, он отведет вас с мужем в контору окружного прокурора. О Еджере речи не пойдет, и вы его не вспоминайте. Что касается Марии, то расскажите им правду. Вы носите завтрак тому парню наверху?

— Да.

— Сегодня не беспокойтесь об этом. Он скоро уйдет и больше не вернется, — я протянул ей руку. — Скажите вашему мужу, что мы друзья.

Когда я включил свет в «гнездилище разврата», Фрэд Даркин заморгал и, сунув руку под подушку, молниеносно выхватил пистолет.

— Спокойно, — сказал я ему. — Я уже давно мог тебя придушить. Все, что было возможно, мы сделали. Пора уходить. Не торопись, пойдешь через полчаса. К Пересам не заглядывай, у них горе. Вчера вечером убита их дочь.

Фрэд вскочил.

— Черт возьми, Арчи, что же это все-таки свалилось на мою голову?

— Три сотни долларов. Советую не задавать мне никаких вопросов. Я, чего доброго, еще отвечу на них. Иди домой и скажи жене, что тебе нужен отдых.

— Я хочу знать одно: меня потащат куда-нибудь?

— Подбрось монетку. Но надеюсь, что нет. Может, повезет. Отправляйся домой и сиди там. Возможно, я тебе позвоню около полудня. Не вздумай захватить с собой какую-нибудь из этих картинок.

Когда Вульф в одиннадцать часов спустился из оранжереи, я сидел за своим столом с номером «Гэзетт» в руках. Там было напечатано фото мертвой Марии Перес. На первой странице. Ничем Примеча-

тельным, кроме юности и красоты, Мария не выделялась, она попала на первую полосу потому, что в тот день не убили, не ограбили и не арестовали ни одну важную шишку. Факты, которыми располагала полиция, сводились к следующему: а) тело было найдено в 12.35 после полуночи сторожем, совершавшим обход причала на Норт-ривер в районе сороковых улиц; б) Мария была мертва не больше трех часов; в) ее убили выстрелом в затылок из пистолета тридцать второго калибра; г) живой ее последними видели две подружки, которые заявили, что Мария покинула кинотеатр чуть раньше девяти и не вернулась; д) ее родители отказались встретиться с репортерами. Никаких намеков на связь смерти девушки со смертью Еджера не делалось.

Я вручил газету Вульффу. Он взглянул на фото, прочел статью и сказал:

— Докладывай.

Закончив рассказ, я передал ему вещи, которые нашел в ящике у Марии. Вульф не спеша изучил их одну за другой, потом начал рядами раскладывать на своем столе эскизы. Я встал и принялся наблюдать, как он распределяет их по группам, включая в каждую разные рисунки одной и той же женщины. В итоге получилось три группы по четыре портрета, пять групп по три, одна группа из двух рисунков и две — по одному. Одиннадцать посетительниц за два года. И не похоже было, что Мария зафиксировала всех, кто приходил. Гостеприимство Еджера не знало границ.

Я указал на одну из групп, в которой было четыре рисунка.

— Могу назвать имя этой дамы. Я с ней когда-то танцевал. Ее муж — владелец ресторанов. Его фамилия Диленси.

— Фу... А эта? — от ткнул пальцем в группу из двух портретов. — Тут стоят даты: пятнадцатое апреля и восьмое мая. Прошрое воскресенье.

— Ну, ее имя вы назовете сами.

— Она была у нас.

— Да, сэр.

— Джулия Макджи.

— Верно. Если это дата выполнения рисунка, то Джулия Макджи заходила к Еджеру в воскресенье вечером. Либо она его убила, либо нашла уже мертвым. Будь он жив, она не ушла бы от него до полуночи, ибо на это время был заказан ужин. И уж, конечно, не для того, чтобы писать под диктовку, явилась она туда. А если Еджер был жив и убийца застал их вместе, то он прикончил бы обоих. Значит, она обнаружила Еджера уже мертвым, если не убила его сама. Кстати, чтобы все стало ясно: доллар, полученный в задаток от миссис Перес, я внес в книгу наличных. Я взял его, так как считал, что она не проболтается, если будет убеждена в том, что мы — ее детективы. Теперь Пересов можно не подозревать. Мы разработали версию,

согласно которой Марию убил тот же человек, что и Еджера, а в этом случае девушка, должно быть, вступила с кем-то в контакт. Допустим, что убийца — Джулия Макджи. Она не могла знать, что за ней следят через приоткрытую дверь, а если и знала, то не догадывалась, кто следит. Ну а если она открыла дверь и поймала Марию, как это сделал я, то не поехала бы потом в лифте убивать Еджера. Следовательно, вчера Мария вступила с ней в контакт, и ясно, что она не стала бы делать этого просто так. Девушка хотела заключить сделку.

— Хм-м-м... — ответил Вульф.

Я указал на группу из трех рисунков.

— Это Дина. Миссис Остин Хоу.

— Здесь нет портрета Мэг Дункан.

— Нет. Если у нее были фотографии, то зачем рисунок?

Вульф сел.

— Зови Фрэда. Как скоро он сможет приехать?

— Через двадцать минут.

— Зови.

Я позвонил.

— Теперь набери мне номер мисс Макджи. Я хочу с ней поговорить.

Я набрал нужный номер и взял трубку параллельного телефона.

— Мисс Макджи? Я должен встретиться с вами у себя в конторе. Как можно скорее.

— Но.. Я заканчиваю в пять часов. В шесть вас устроит?

— Нет, это срочно.

— Хорошо, я выезжаю.

Мы положили трубки. Вульф откинулся в кресле и прикрыл глаза. Достав из шкафа папку, я написал на ней «Еджер» и запихнул туда всю коллекцию Марии. Когда Вульф открыл глаза, я дал ему подписать чек на 315 долларов для Фрэда. Дело Еджера уже высосало у нас около пяти сотен, у нас было 4 клиента и 2 доллара задатка и впридачу к ним — реальная возможность угодить в кутузку за препятствование властям. Как только я положил на стол чек Фрэда, позвонила миссис Еджер. Ей хотелось знать, когда же я поведу ее на Восемьдесят вторую улицу. Мне с трудом удалось поговорить с ней, не бросая трубку.

К этому времени появился Фрэд. Я отдал ему чек, а Вульф — распоряжения. Когда зазвонил звонок у двери, Фрэд пересел в кресло возле книжных полок, а я пошел в холл. Тут меня ждал сюрприз. На крыльце стояла Джулия Макджи, но она была не одна. Я вернулся в кабинет и доложил Вульфу, что с ней Эйкен. Вульф нахмурился, поджал губы и кивнул. Я открыл дверь, и они вошли. Эйкен был довольно вежлив для президента: он пропустил даму вперед, хотя она и была всего лишь секретаршей покойного вице-президента.

Вульф встал и подождал, пока они усядутся. Эйкен — в красное кожаное кресло, а Джулия — в то, что освободил Фрэд.

— Вы вызвали мисс Макджи, — сказал Эйкен, — а между тем должны были известить меня. Если вам есть что сказать, я хочу послушать.

Вульф оглядел его.

— Что ж, мистер Эйкен, хорошо, что вы пришли, — сказал он. — Фрэд?

Фрэд поднялся и приблизился к столу.

— Посмотри на мисс Макджи. Ты ее узнаешь?

— Разумеется. Она подарила мне вот это, — он коснулся своей щeki.

— Это было во вторник вечером. А раньше ты ее видел?

— Да, сэр, я видел эту женщину вечером в воскресенье, когда наблюдал за тем домом на Восемьдесят второй улице. Я видел, как она входила в дом, в цокольный этаж.

— Ты заметил, как она уходила?

— Нет, сэр. Наверное, она ушла, когда я был на углу и звонил вам. Или после того, как я отправился домой.

— Ты говорил Арчи, что видел ее раньше?

— Нет. Во вторник она сразу же набросилась на меня, и я подумал об этом только после того, как Арчи ее увел. Надо было вам сказать, но тогда я стал бы свидетелем по делу об убийстве, а вы знаете, что это такое.

— Ты уверен, что это была она?

— Совершенно.

— Хорошо. Отправляйся в другую комнату и жди там.

Когда за Фрэдом закрылась дверь, Вульф повернулся к женщине.

— Мисс Макджи, почему вы убили Еджера?

— Не отвечайте! — скомандовал Эйкен и повернулся к Вульфу. — Вы работаете на меня. Как зовут этого человека?

— Фрэд Даркин.

— Почему вы послали его следить за домом в воскресенье вечером?

— Чтобы помочь одному клиенту. Конфиденциально.

— У вас слишком много клиентов. Во вторник вы об этом и словом не обмолвились. Вы заявили, что свободны от заданий.

— Мы обсуждаем убийство Еджера, а тогда мне никто не поручал его расследовать. Зачем вы его убили, мисс Макджи?

— Вы берете ее на пушку. Пусть даже Даркин видел, как она входила в дом. Но видел ли он, чтобы туда входил мистер Еджер?

— Нет, но это видели другие. Мистер и миссис Перес. Не советую вам ходить к ним: у них вчера вечером умерла дочь.

— В какое время пришел мистер Еджер? До или после мисс Макджи?

- До. Около семи часов.
- Но Даркин не видел, как она ушла. Вы что, обвиняете ее в убийстве? В том, что она вытащила тело на улицу и бросила в яму?
- Нет, я ее не обвиняю, а ставлю перед фактом, — Вульф склонил голову. — Мистер Эйкен, это не я, а вы сеете рознь в нашем союзе. Я сказал вам, что единственный способ защитить репутацию фирмы — это предотвратить полицейское расследование, найдя какую-либо версию, которая не будет связана с этой злополучной квартирой. Такую версию я смогу предложить только если узнаю, что случилось в действительности. Установлено, что Еджер вошел в квартиру около семи часов вечера, и можно с уверенностью сказать, что он был еще там, когда появилась мисс Макджи. Разумеется, я брал ее на пушку. Задам другой вопрос: мисс Макджи, был ли в квартире Еджер, когда вы вошли туда в воскресенье вечером?
- Да, был. Его тело.
- Где лежало тело?
- На полу.
- Вы его трогали? Передвигали?
- Я ничего не делала. Посидела несколько минут на стуле и ушла.
- Во сколько?
- Точно не знаю. Около половины десятого. Через четверть часа после прихода.
- Еджер ждал вас в пятнадцать минут десятого?
- Нет, в девять. Но я опоздала.
- Вы отправились писать под диктовку?
- Да.
- В девять вечера? В воскресенье?
- Да.
- Позвольте мне пропустить этот ответ мимо ушей. Были в комнате следы борьбы?
- Нет.
- Вы видели пистолет?
- Нет.
- Уходя, вы взяли что-либо с собой?
- Нет.
- У вас когда-нибудь был револьвер?
- Нет.
- Может, вы брали у кого-то на время?
- Нет.
- Вам приходилось стрелять?
- Нет.
- Куда вы направились, выйдя из того дома?
- К себе, в свою квартиру.
- Вы кому-нибудь об этом рассказывали?

— Нет.

— И мистеру Эйкену?

— Нет.

— Значит, он не знал, что вы ходили туда в воскресенье?

— Нет. Никто не знал. Послушайте, мистер Вульф, вот вы меня спросили, почему я убила Еджера. А теперь я вас спрошу: зачем мне было его убивать?

— Если у вас были на то причины, вряд ли вы их мне выложите. Мисс Макджи, дайте мне ключи от двери и от лифта.

Эйкен ударил кулаком по подлокотнику.

— Вы все испортили, Вульф! Она не убивала Еджера, у нее не было мотивов. Но если даже и убила? И вы называете это защитой интересов моей компании!

Вульф не обратил на него внимания.

— Ключи, мисс Макджи. Вам они больше не понадобятся.

Она открыла сумку, достала ключи, и я осмотрел их, после чего вручил Вульфу. Тот взглянул на Эйкена.

— И как это вам, черт возьми, удалось возглавить такую крупную и процветающую фирму? Вы говорите, что это я все испортил. Да не прибегни я к обману, мы сейчас не знали бы, что Еджер убит в той квартире, и я мог бы совершить ужасную ошибку. У меня были основания подозревать, что мисс Макджи ходила туда в воскресенье вечером, но не было улик. И мне пришлось сфабриковать их. Мистер Даркин не следил за домом и не видел мисс Макджи. Но теперь я знаю, что она была там и что там же убили Еджера.

— Вы лживый негодяй! — Эйкен вскочил на ноги. — Где бумага, которую я подписал? Верните!

— Чепуха! Сядьте. Вы наняли меня, но отказаться от моих услуг не можете. Теперь, благодаря полученным мною сведениям, я серьезно скомпрометирован. А чем рискуете вы? Репутацией вашей дурацкой компании? Фи! Садитесь и рассказывайте, где вы были вчера до полуночи?

— Не ваше собачье дело, где я был вчера, — ответил Эйкен сквозь зубы. — Предупреждаю вас, Вульф, вы играете в опасную игру. Вы солгали мне, когда сказали, что Даркин не следил за домом. Как еще вы могли узнать, что мисс Макджи ходила туда? Вы не сообщили мне, откуда вам стало известно о квартире. У вас были ключи. Может, это Даркин поднялся туда вслед за мисс Макджи, нашел тело и отволлок его в яму? А почему бы и нет? И теперь вы шантажируете мою фирму, но больше ни меньше. Ладно, ведите следствие. Но я вас предупредил.

— Благодарю вас, — вежливо ответил Вульф и повернул голову. — Мисс Макджи, где вы были вчера от девяти вечера до полуночи?

— Не отвечайте, — приказал Эйкен. — Ничего не отвечайте. Мы уходим. Ответ дадите мне, но не здесь. Пошли.

Она посмотрела на него, потом на Вульфа.

— Но, мистер Эйкен, я должна ответить на этот вопрос! Я же вам говорила, что Вульф, должно быть, хочет встретиться со мной из-за Марии Перес и поэтому спрашивает, где я была. Я никогда не видела эту девушку, не слышала о ней и не убивала ее. Вчера вечером я обедала у друзей. Их фамилия Куинн, а живут они на Одиннадцатой Западной, дом девяносто восемь.

Эйкен уставился на Вульфа.

— Расскажите нам об этой девушке, — потребовал он.

— Коли я лжец, что толку задавать мне вопросы?

На этой ноте диспут и завершился. Проводив гостей, я вернулся в кабинет и сказал Вульфу:

— Хорошо, что в обязанности президента не входит выписывать чеки от имени корпорации. Если б ему пришлось поставить на чеке вашу фамилию, его бы паралич хватил.

Вульф откашлялся.

— Вот именно «если бы». Ты понимаешь, что мы никогда еще не висели на таком тонком волоске?

— Да, сэр.

— Необходимо найти убийцу прежде, чем мистер Кремер обнаружит квартиру.

— Да, сэр.

— Пересы выдержат?

— Да, сэр.

— Скажи Фрицу, чтоб покормил Фрэда, потом позови Сола и Орри. Пусть будут здесь в половине третьего.

— Хорошо, сэр.

— Видимо, Мэг Дункан вчера вечером была в театре?

— Наверное. Могу выяснить.

— До какого часа?

— Пьеса кончается без десяти одиннадцать. Потом ей еще надо переодеться. Если они с Марией назначили встречу на половину двенадцатого, она вполне успевала. Я что-то упустил?

— Нет. Инструкции получишь, когда придут Сол и Орри.

13

Позвольте представить вам мистера Сола Пензера и мистера Орри Кэтера. Мистер Пензер — тот, что сидит в красном кожаном кресле. Глядя на его большущий нос и глубоко посаженные глазки, не подумаешь, что он способен на многое. Сотни людей были о нем такого мнения, а потом раскаивались. Мистер Кэтер, сидящий в желтом кресле рядом с Солом, — красавчик, но соображает не так проворно, как мистер Пензер. Что касается Фрэда Даркина, то с ним вы уже знакомы.

Вульф и Фрэд только что перекусили и присоединились к двум джентльменам, ожидавшим в кабине, причем меня Вульф выставил за дверь, заявив, что свои инструкции я уже получил.

У меня была назначена встреча с актрисой, В пять минут четвертого я вошел в фойе театра Бэлфор на Мэдисон-авеню, поднялся в лифте на двенадцатый этаж и постучал в дверь комнаты, на которой была написана буква Д.

Возле кровати, на которой возлежала Мэг Дункан, стоял стул, и я взял его. Когда я сел, она спросила, принес ли я ее портсигар.

— Нет, — ответил я, — но он все еще в сейфе, а это уже что-то. Мистер Вульф прислал меня, чтобы задать вам один вопрос. Где вы были вчера от девяти вечера до полуночи? Если вы читали газеты, то знаете, что была убита некая девушка по имени Мария Перес.

— Да.

— И что она жила в доме сто пятьдесят шесть по Западной Восемьдесят второй улице.

— Да.

— Итак, где вы были?

— Вы знаете где. В театре.

— До без десяти одиннадцать. А потом?

— Пришла и легла в кровать. Вот в эту самую.

— Вы когда-нибудь видели Марию Перес?

— Нет.

Я кивнул.

— Хорошо. Объясню, как обстоят дела. Полиция еще не добралась до квартиры Еджера, и мы надеемся, что не доберется. Мистер Вульф, как и я, полагает, что Еджер и Мария были убиты одним и тем же лицом. Он хочет отыскать убийцу таким образом, чтобы не впутывать в дело эту квартиру. Если получится, вам не придется опознавать свой портсигар, стоя на свидетельском месте. Но мистер Вульф может рассчитывать на удачу, только если быстро получит в свое распоряжение факты. Вы говорите, что никогда не видели Марию Перес. Вчера ночью я был у нее дома и сделал обыск. Я нашел три ваших фото и кое-какие деньги, пятидолларовые купюры, которые она прятала от родителей. Что, если полиция узнает о квартире и найдет на этих деньгах отпечатки ваших пальцев?

Я сказал это наудачу и попал в цель.

— Господи, — воскликнула Мэг Дункан. — Разве на деньгах остаются отпечатки?

— Разумеется.

— Где купюры?

— В сейфе у мистера Вульфа, вместе с фотографиями.

— Я дала ей только одну, а вы говорите, что три...

— Остальные — из журналов. Когда вы дали ей фото?

— Я.. я не помню. У меня столько поклон...

— Когда вы дали ей фото?

— Давно. Почти год назад. Мария прислала мне в уборную записку, в которой говорилось, что она видела меня в своем доме и хотела бы получить три билета на спектакль. Я попросила, чтобы ее привели. Мне еще не приходилось встречать таких красивых девушек... Она сказала, что дважды видела меня в холле и узнала по журнальным фото. Обещала никому не рассказывать, и я дала ей три билета и фотографию с автографом. Это было в июне, а в августе она явилась снова. Ей были нужны еще три билета и немного денег. По пять долларов в месяц. Я должна была посылать их по почте первого числа каждого месяца. А вы видели Марию?

— Да.

— И вас не удивляет то, что я рассказала?

— Нет. Я уже давно перестал удивляться. Спустя два года после того, как сделался сыщиком. Вы больше никогда ее не видели?

— Нет. Но она видела меня. Когда кто-то входил в холл, она гасила у себя свет и приоткрывала дверь. Это она мне сама сказала.

Я встал.

— Сколько купюр вы ей послали?

— Я не считала. Началось с первого сентября, а потом — каждый месяц.

— И в мае тоже?

— Да.

— Получается девять штук. Все они в сейфе у Вульфа. Я обещал вернуть их миссис Перес, но поскольку это деньги, которые у вас вымогали, вы имеете на них больше прав.

На улицу я вышел без двадцати четыре. Вульф должен сейчас быть в кабинете, поэтому я отыскал телефонную будку и позвонил ему.

— Да? — услышался его голос.

— Это я. Из автомата на Мэдисон-авеню. Деньги принадлежат Мэг Дункан. Мария Перес выследила ее в холле и шантажировала девять месяцев. Брала по пять долларов. Крупнейшая операция в уголовной истории. Вчера Мэг Дункан работала и после спектакля пошла домой. Возможно, это правда.

— Тебе звонила миссис Еджер. Я сказал, что ты будешь между пятью и шестью. Она ждет, что ты отведешь ее в ту комнату. Вот твоя задача.

— Не знаю...

— Действуй.

У меня не было договоренности о встрече с мистером и миссис Остин Хоу, и я не знал, дома ли кто-то из них, когда звонил в дверь. Хозяин был на месте, но радости при виде меня не выказал.

— Я опять к вам,— вежливо проговорил я.— Вы вчера нашли свою жену?

— Что вам угодно? — раздраженно спросил он.

— Ничего особенного. Пара вопросов. Возможно, вы знаете, что убита Мария Перес?

— Кто это такая?

— Дочь того человека, которого вы видели, когда ходили на Восемьдесят вторую улицу. Ее тело нашли вчера вечером на причале. Она была застрелена между девятью вечера и полуночью. Мистер Вульф хочет знать, как вы провели этот вечер. Вы и ваша жена.

— Бред какой-то,— сказал он.— Если вам надо знать, что мы делали вечером, спросите ее. Пошли.

Он повернулся и зашагал в глубь квартиры. Я двинулся следом. Дверь в комнату была открыта. Хоу переступил порог и сделал мне знак войти. В двух шагах от двери я остановился.

Он убил свою жену. Она лежала в постели, укрытая с головой простыней, и не шевельнулась, когда мы вошли. Труп. Я уставился на кровать.

— Это Арчи Гудвин,— сказал Хоу.— Вчера была убита девушка. Как бишь ее звали?

— Мария Перес,— ответил я.

— Мария Перес. Она жила в том доме. Гудвин хочет знать, что ты делала вчера с девяти вечера до полуночи. Расскажи ему и покажись.

— Не буду,— донесся из-под простыни едва слышный голос.

— Будешь,— он подошел и сорвал с нее покрывало.

Немало трупов, которых я перевидал на своем веку, выглядели лучше, чем живая миссис Хоу. Правая сторона ее лица была далека от нормального состояния, но левая била все рекорды. Глаз заплыл, а щека и челюсть приобрели цвет свежей телячьей печени. Губы превратились в лиловую бесформенную массу. Женщина лежала на спине. Судя по тому, как выглядели ее плечи, это была единственно возможная поза.

— Так-то вот,— сказал Хоу, держа одной рукой простыню.— Ну, где ты была вчера? Говори, и он уйдет.

— Здесь,— пробормотала она.— К девяти часам я уже была в таком виде.

— Ну вот, теперь вы можете идти,— сказал Хоу.

— Она ваша жена, а не моя,— отвечал я.— Но все же, вы показывали ее врачу?

— Нет, я наполнял пузырь для льда, когда вы пришли.

Я заставил себя снова взглянуть на Дину.

— Вам позвать доктора, миссис Хоу?

— Нет...

— Пришлите ей бутылку шампанского,— предложил Хоу.

В две минуты шестого я вылез из такси перед домом 340 на Восточной Шестидесят восьмой улице и огляделся, прежде чем войти. В комнате, куда меня провела служанка, я остановился. Минуту спустя появился наш клиент номер четыре.

— Вы не опоздали,— сказала миссис Эджер.— Пошли.

— Разве мы куда-то собирались?

— Вы покажете мне комнату. Машина ждет.

— Боюсь, сейчас не время, миссис Эджер. После того, что случилось. Садитесь, я вам все объясню.

— Объясните в машине. Вчера вы сказали, что отвезете меня туда, как только появится возможность.

— Я знаю. Я пытался дозвониться вам вчера около десяти. Вас не было дома?

— Разумеется, была. Приходили сын с дочерью и друзья. Поехали.

— Я пришел, чтобы объяснить, почему мы не можем отправиться туда сейчас. Управляющий того дома имел дочь, и вчера вечером...

— Знаю. Ее убили.

— Правильно. И вполне возможно, что это дело рук того же человека, который застрелил вашего мужа. Поэтому Вульф считает, что убийцей можете оказаться и вы. Вот я и спросил, были ли вы вчера дома?

— Но ведь вы с Вульфом не законченные идиоты, правда?

— Не законченные. Ладно, вы не убивали. Когда-нибудь я с радостью покажу вам эту комнату, но не сейчас. Риск слишком велик. В любое время туда может явиться с расспросами полицейский или помощник окружного прокурора. Возможно, там выставлен пост. Если нас засекут, пиши пропало. К тому же за вами все еще, наверное, следят.

— Они не посмеют.

— Однажды уже посмели. Давайте отложим визит, никуда эта комната не денется.

— Вы повезете меня туда или нет?

— Не сегодня.

— Так я и думала. Комнаты вообще не существует.

— Существует. Я несколько раз видел ее.

— Не верю. Вы меня дурачите. Убирайтесь отсюда, я вызываю окружного прокурора.

— Неужели я похож на лжеца?

— Да.

— Ладно, придется вам показать. Машина ждет, говорите? С шофером?

— Естественно.

— Ну, делать нечего. Выйдем из дома вместе и прогуляемся до Второй авеню. Вы останетесь там, а я поищу такси.

— Это что, еще один флирт?

— Зачем вы меня спрашиваете, если я лжец? Разумеется, я собираюсь вас похитить.

— Ладно, пошли, — сказала она и двинулась к двери.

Мы кружили по улицам, пока я не убедился, что за нами нет хвоста, потом вылезли из такси на Мэдисон-авеню и поехали в другое. Возле проспекта Колумба я приказал шоферу вернуться на один квартал назад, расплатился, ввел миссис Эджер в квартиру на углу, вошел в телефонную будку и позвонил миссис Перес. Узнав, все ли спокойно, я вывел вдову на улицу.

— С кем вы разговаривали? — спросила она.

— С матерью убитой девушки.

Мы вошли в цокольный этаж. Здесь никого не было. Подойдя к лифту, я достал ключ и открыл дверь.

Не будучи психологом, я не знаю, как пожилая вдова с двойным подбородком должна реагировать на «гнездилище разврата», которое оборудовал ее покойный супруг. Когда я включил свет, миссис Эджер сделала два шага вперед и остановилась.

— Извините меня, — сказала она.

— Извиняю. Забудьте об этом.

— Здесь нет ванны?

Я с трудом поверил своим ушам.

— Есть, в дальнем конце. А здесь кухня. Вон та золотая панель — дверь, — я махнул рукой. — А вот тут занавеска и за ней ящики.

Разговор на этом закончился, но инспекция продолжалась, и заняла она больше получаса. Сначала вдова осмотрела картинки, одну за другой, потом стала молча открывать ящики, но ничего оттуда не взяла. Напоследок она заглянула в ванную, взяла свою сумку и спросила:

— Вы верите, что Джулия Макджи ходила сюда писать под диктовку?

— Нет, а вы?

— И я тоже. Где мать убитой девушки? Я хочу поговорить с ней.

— Лучше не сейчас. У нее горе. Когда-нибудь еще.

Я не слышал звонка у входа. Видимо, потому что мы как раз ехали в лифте. Пройдя половину холла, мы увидели миссис Перес, которая открывала дверь.

Сержант Пэрли Стеббинс остановился как вкопанный, когда заметил нас. Мне здорово повезло, что его еще не было в холле, когда мы выходили из лифта.

— Вы? — спросил он, переступая порог. — И миссис Эджер?

— Мы как раз собирались уходить, — сказал я. — Заглянули вот поговорить с миссис Перес.

— О чем?

— О ее дочери. Вы знаете, что миссис Эджер наняла мистера

Вульфа расследовать убийство ее мужа. Когда она прочла в газете, что убита девушка по имени Мария Перес и что ее тело было перенесено в другое место, как и тело мистера Еджера, мадам решила, что между двумя убийствами может быть связь. Мистер Вульф счел это возможным. Я тоже. Может быть, Мария видела убийцу мистера Еджера из окна или с улицы, и мистер Вульф посчитал, что нам не повредит заглянуть сюда. Миссис Еджер тоже захотела пойти.

Говоря это, я понимал, что версия никуда не годится. К тому же на вопрос, о чем мы говорили с миссис Перес, Арчи Гудвин должен был бы ответить, что речь шла о погоде, и Стеббинс это знал. Я никогда не оправдывался перед ним и не давал витиеватых объяснений, но сейчас мне пришлось сделать это ради миссис Еджер и миссис Перес.

Однако на поверку версия оказалась не такой уж плохой, а миссис Еджер не могла бы держаться лучше даже после часовой репетиции. Она протянула миссис Перес руку и сказала как раз тем тоном, каким надо:

— Спасибо, миссис Перес. Мы обе потеряли близких людей. Мне пора идти. Я не хотела отнимать у вас столько времени. Позвоню вам позже, мистер Гудвин, или вы позвоните мне.

Дверь была открыта, и вдова вышла. Я чуть не расцеловал ее в оба подбородка.

Стеббинс разглядывал меня так, словно намеревался поколотить, но это было нормальным явлением.

— О чем вы говорили с миссис Перес и что она вам рассказала? — спросил он грубо, что тоже считалось в порядке вещей. Так уж мы с Вульфом на него действуем.

— А вы как думаете? Я пытался выяснить, не видала ли Мария, как убийца опускал в яму труп Еджера, а что касается ее ответа, то вот миссис Перес. Спрашивайте ее.

— Я спросил вас.

— А я, хоть ничего миссис Перес и не должен, все же предоставляю ей самой решать, что говорить для протокола. Мы с миссис Еджер — простые смертные, а вы — полицейские.

— Я рассказала ему одну только правду, — подала голос миссис Перес. — Если б моя дочь что-то такое видела, она бы мне сказала.

— Она была дома весь вечер?

— Да, приходили две ее подружки, и они вместе смотрели телевизор.

— Во сколько пришли подружки?

— Около восьми часов.

— А когда ушли?

— Тотчас после одиннадцати. После того, как кончилась воскресная программа.

- Ваша дочь провожала?
- Нет.
- Она выходила из дому в тот вечер?
- Нет.
- Вы уверены?

Она кивнула.

- Уверена. Мы всегда знали, что она была дома.

— Вчера вы этого не знали. А между тем она могла в любое время выйти в переднюю и уйти в город, не так ли?

- А зачем ей это делать?

— Не знаю. Но все же она могла, — Стеббинс обернулся к Длану Гудвину, я подвезу вас к центру города. Расскажите все инспектору.

- Что я ему расскажу?

— Слушайте, вы, в понедельник вы начали наводить справки о погибшем за два часа до того, как было найдено его тело. Когда инспектор пришел к Вульффу, там была и вдовушка. Инспектору, как обычно, навешали лапши на уши. Вдова наняла Вульфа, чтобы расследовать убийство ее мужа, что не противоречит закону, но идет вразрез с практикой нью-йоркского полицейского управления. А когда я пришел, чтобы расследовать совершенно другое убийство, вы, черт побери, уже тут как тут вместе с вдовушкой! В доме, где жила убитая девушка. Словом, вы едете со мной в центр или я задержу вас как важного свидетеля.

- Я арестован?

- Нет. Я сказал «или».

— Приятно иметь право выбора, — я вытащил монетку в 25 центов, подбросил и поймал. — Прекрасно, я выиграл. Поехали.

15

Шесть часов спустя, в половине второго ночи, я сидел в кухне и читал «Таймс», которую купил, возвращаясь из конторы окружного прокурора. Я был едва жив. Час в обществе Кремера и еще четыре — в компании двух помощников окружного прокурора совершенно изматили меня.

Из всех допросов, которым я подвергался в жизни, этот оказался самым тяжелым. Трудно ответить на тысячу вопросов, которые задают специалисты своего дела, особенно когда ты знаешь, что, во-первых, должен воздвигнуть глухую стену между фактами, которые им известны, и другими — теми, о коих они пока не подозревают, во-вторых, делаешь заявления, способные повлечь за собой слишком большую ответственность, и, в-третьих, — когда один неверный шаг может выдать тебя с головой.

За все время допроса я получил всего одну десятиминутную

передышку, когда заявил, что они могут запереть меня до утра, если мне будет отказано в праве позвонить по телефону.

Связавшись с Вульфом, я доложил о непредвиденной встрече со Стеббинсом и пожаловался на представителей властей, которые, как обычно, думают, будто я скрываю от них информацию. Вульф ответил, что ему уже все известно из разговора с миссис Еджер, и спросил, сказать ли Фрицу, чтобы оставил мне кое-какой горячей снеди. Я отказался, сославшись на диету. В конце концов меня отпустили без четверти час, и когда я добрался до дома, на моем столе не оказалось никаких записок.

Поскольку все задания были выполнены, я не стал заводить будильник и продрал глаза только в 9.38 утра. Собрав всю свою волю, я встал с кровати. В 10.56 я покончил с кофе, поблагодарил Фрица за яичницу с ветчиной, прошел в кабинет и начал распечатывать письма. Раздался шум лифта, и появился Вульф. Пожелав мне доброго утра, он уселся за стол и спросил:

- Долго они тебя мурыжили?
- Всего три часа после того, как я позвонил.
- Несладко же тебе пришлось.
- Были трудности. Я отказался подписать протокол.
- Мудро поступил, одобряю. Миссис Еджер рассказала мне о том, что ты наплел Стеббинсу. Это произвело на нее впечатление. Одобряю.

— Ну, это всего лишь присущие мне благоразумие и смекалка. Либо натрепать Бог знает чего, либо застрелить Стеббинса. Третьего варианта не было. Что у нас по программе?

- Ничего, затишье.

Зазвонил телефон. Лон Козн хотел узнать, приятный ли вечер я провел у окружного прокурора и почему меня выпустили среди ночи. Я ответил, что выпрыгнул из окна и теперь скрываюсь. Как только я повесил трубку, телефон зазвонил снова. На этот раз Сол Пензер потребовал шефа. Вульф взял свою трубку.

- Привет, Сол.
- Доброе утро, сэр. Я все выяснил.
- В самом деле?
- Да, сэр. Маленькая лавочка на Семьдесят седьмой улице возле Первой авеню. Парня зовут Артур Венджер. Он опознал его по фотографии. Сто процентов. Он не уверен, что точно помнит день, но дело было на прошлой неделе, во вторник или в среду утром. Я в автомате за углом.

- Порядок. Приведи его, как только сможешь.
- Он не захочет пойти. Может, за десять долларов и уговорю, но его ведь спросят, платили ему или нет.
- Не спросят. Десять, двадцать, пятьдесят долларов — не имеет значения. Когда ты его приведешь?

— Через полчаса.

— Устроит. Жду.

Мы опустили трубки. Вульф посмотрел на часы и сказал:

— Свяжи меня с мистером Эйкеном.

Я набрал номер «Континентал Пластик Придакс». Мистер Эйкен был на совещании. Мне удалось добиться только сведения в том, что через четверть часа ему передадут записку с просьбой срочно позвонить Ниро Вульфу. Через девять минут разговор закончился.

— Мистер Эйкен? Это Ниро Вульф. У меня для вас важная сведения. Вы можете приехать к четверти первого завтра с Арчи Макджи?

— Нет, это неудобно. Можно подождать до конца завтра?

— Нельзя. Промедление чревато опасностью.

— Черт возьми, но я... Вместе с мисс Макджи, говорите?

— Да, ее присутствие необходимо.

— Не знаю, — пауза. — Ладно, мы приедем.

Вульф повесил трубку и откашлялся.

— Блокнот, Арчи. Не для писем, а тот, что для документов.

16

На стене кабинета, с правой стороны от входа, висит картинка с изображением водопада. Середина картинка расположена на один дюйм ниже уровня моих глаз, но мой рост чуть меньше шести футов. Картина была изготовлена по заказу. Отодвинув деревянную панель в холле, можно увидеть тыльную прозрачную сторону картины, а сквозь нее — интерьер кабинета. В 20 минут первого сквозь глазок смотрел Артур Венджер, костлявый пожилой мужчина, которого привез Сол Пензер. Предметом, расположенным ближе всего к глазку, было красное кожаное кресло, занятое сейчас сэром Бенедиктом Эйкеном.

Рядом с Венджером стоял не я, а Сол. Мы с Вульфом сидели за своими столами в кабинете. Джулия Макджи устроилась на желтом стуле против Вульфа, который держал такую речь:

—...однако прежде, чем высказать свое заключение, я должен объяснить, каким образом пришел к нему. Честно говоря, я и сам еще не уверен в его правильности. Я знаю лишь, что при сложившихся обстоятельствах... Да, Сол?

Сол появился в дверях.

— Все сходится, мистер Вульф.

— Очень хорошо, потом посмотрим, — Вульф снова повернулся к Эйкену. — Просто при сложившихся обстоятельствах у меня не было другого пути. Я еще никогда не занимался менее перспективным делом. Действительно, зная, что Еджер был убит в той комнате, я считал это дело безнадежным.

— Вы этого не знали, пока не поставили капкан мисс Макджи, — резко сказал Эйкен.

— Ошибаетесь, я знал это гораздо раньше. Во вторник днем, когда мистер Гудвин доложил мне о своем разговоре с управляющим домом. Когда мистер Перес поднялся в полночь в комнату, тело лежало там, и он с женой оттащил труп в яму.

— Он признал это?

— Пришлось.

— Значит, они его убили. Это ясно как день.

Вульф покачал головой.

— До вчерашнего утра можно было считать эту версию приемлемой. Но они же не убивали свою дочь. Таким образом, первая версия уступает место второй: Еджера и девушку убил один и тот же человек. Миссис Перес вызвала Гудвина к себе, и он обыскал комнату погибшей. Найденные им предметы подкрепляют вторую версию. Арчи?

Я достал из сейфа коллекцию Марии и передал Вульфу.

— Эти бумаги, — сказал он, — являются свидетельством действий девушки, действий, которые стоили ей жизни. Все они связаны с Томасом Г. Еджером. Началось все с простого любопытства. Девушка обнаружила, что может наблюдать за посетителями квартиры, если погасит в своей комнате свет и чуть-чуть приоткроет дверь. Вот это — страницы сведений о прибылях вашей корпорации с карандашными пометками, а это — проспекты «Континентал Плэстик Продакс». Вот газетные фотографии Еджера и его семьи. Я говорю о них только для того, чтобы доказать, сколь тщательно действовала Мария Перес. А здесь, — он взял другую пачку бумаг, — предметы, имеющие более близкое отношение к делу. Это фотографии хорошо известной публике дамы и пятидолларовые купюры. Деньги мисс Перес получала от этой дамы путем вымогательства. Называть имя дамы ни к чему. Однако возникает вопрос. Мистер Еджер пришел в свою квартиру в семь часов. В четверть десятого явилась мисс Макджи и нашла его мертвым. Мы решили, что мисс Перес видела кого-то, кто заходил в дом в этот промежуток времени, и опознала его или ее. Она подумала, что этот кто-то и есть убийца, поняла, что обнаружила более выгодный объект шантажа, и в итоге рассталась с жизнью. Так почему бы не предположить, что Мария видела именно эту мисс Икс? Да потому, что, как мы выяснили, эта дама в среду вечером была в обществе слишком многих людей, как раз в то время, когда девушка ушла из кинотеатра и отправилась на свидание со своей предполагаемой жертвой.

Эйкен нетерпеливо махнул рукой.

— Вы сказали, что дело срочное. Но что срочного в установлении непричастности мисс Икс?

— Срочность сейчас появится. Все, что я сказал, было лишь

необходимой прелюдией. Еще один пункт в пользу исключения мисс Икс, да и всех остальных: человек, пришедший туда в воскресенье вечером с пистолетом, знал, что других посетителей не будет. Ни мисс Икс, ни какая-то другая дама не могли пойти по приглашению, ибо приглашена была мисс Макджи. И никто больше не мог надеяться застать Еджера в одиночестве, так как никто не знал, что мисс Макджи придет в девять часов. Мисс Макджи, вы говорили кому-либо, что отправляетесь к Еджеру в девять?

— Нет, — еле слышно пискнула она. — Никому.

— Значит, всех остальных можно исключить так же, как мисс Икс. Следующий экспонат — карандашные наброски женских лиц, которые Мария делала в холле. Их тут тридцать одна штука, и на всех стоит дата. Мы внимательно изучили их. Здесь два ваших портрета, мисс Макджи, и один из них датирован восьмым мая, что позволило мне поймать вас вчера на удочку. Хотите взглянуть?

— Нет, — на этот раз ответ прозвучал слишком громко.

— Именно то обстоятельство, что ваши портреты были в коллекции, заставило меня усомниться в вашей виновности, ибо Мария не рисовала людей, чьи имена она знала. Здесь нет портрета мистера Еджера и мисс Икс. Если б Мария знала ваше имя, она не стала бы вновь рисовать вас восьмого мая.

Эйкен коротко хихикнул.

— Вам нет нужды убеждать нас в том, что мисс Макджи не убивала девушку и Еджера.

— Я лишь рассказываю, как пришел к решению, — пояснил Вульф. — Совершенно очевидно, что Мария знала имя человека, которого видела в холле в воскресенье вечером, между семью и девятью часами, знала, как до него добраться, чтобы угрожать разоблачением. Следовательно, в ее коллекции был предмет, позволявший ей опознать его. Вот один из таких предметов. Фото миссис Еджер и Томаса Еджера-младшего. Я их исключил, ибо человек, явившийся в воскресенье с пистолетом в руках, должен был иметь ключи и знать, что мисс Макджи придет не раньше девяти. Таким образом, остался последний экспонат коллекции. Фото, на котором запечатлен банкет в отеле «Черчил». Здесь есть и имена участников, включая ваше. Вы, несомненно, знакомы с этой фотографией.

— Да, она висит на стене моего кабинета.

— Вот я и спросил себя: а что, если мисс Перес видела в холле вас? Что, если она узнала вас по этой фотографии? А потом, услышав, что Еджер убит в комнате, догадалась, что преступник — вы, и решила заставить вас оплатить ее молчание? А для этого назначила вам встречу и пришла. Согласитесь, это вполне уместные вопросы.

— Уместные? Да. Чтобы задавать нелепые вопросы, не надо просить специального разрешения.

— Суть дела как раз в том, чтобы выяснить, так ли уж они

нелепы. А для этого нужно было рассмотреть еще три дополнительных вопроса. Первый: мог ли у вас быть ключ? Второй: могли ли вы знать, что застанете Еджера одного? Третий: был ли у вас мотив? Ответ номер один. Вы могли взять ключи у мисс Макджи, но тогда вам пришлось бы вернуть их до девяти часов. Конечно, нелепо думать, что вы возвратите ключи, чтобы она могла войти, увидеть труп Еджера и сразу же догадаться, что его смерть — ваших рук дело.

— Вы рассчитываете, что я останусь здесь и буду слушать весь этот вздор?

— Рассчитываю. Ответ номер два. Да, вы могли знать, что Еджер будет в одиночестве. Хоть мисс Макджи и отрицает, что рассказывала кому-либо о своем намерении пойти туда в девять вечера, вам она все же сообщила. Это шито белыми нитками. Ответ номер три. Вчера я навел кое-какие справки по телефону и поговорил с миссис Еджер. В течение пяти лет ее супруг представлял угрозу вашему положению главы корпорации, а в последний год эта угроза стала реальной. Вы могли слететь с поста президента и в лучшем случае стать председателем совета директоров, да и то сомнительно. Такая перспектива была для вас невыносима, и отрицать этого вы не можете, ибо все знали о таком положении дел. Однако главным образом меня убедил не мотив. Ключи. Существовала реальная возможность того, что вы взяли их на время у мисс Макджи не в прошлое воскресенье, а раньше, изготовили дубликат, а оригинал вернули. Проверить эту возможность было бы невероятно трудно, будь это обычные ключи. Но рэбсоновские ключи — большая редкость. Я решил попробовать. Пригласив трех своих сотрудников, я выдал им ключи, конфискованные у мисс Макджи, и фото из журнала. Начать проверку они должны были с тех слесарных мастерских, которые расположены возле вашей фирмы и вашего дома. Всего час назад один из них, мистер Сол Пензер, превратил вероятность в факт.

Вульф нажал кнопку на столе, и в дверях появился Сол вместе с Артуром Венджером.

— Это мистер Артур Венджер, — сказал Вульф. — Вы его узнаете?

— Нет, — ответил Эйкен. — Никогда не видел.

— Мистер Венджер, этот человек — Бенедикт Эйкен. Вы узнали его?

Слесарь кивнул.

— Да, это тот, которого я опознал по фотографии.

— Где и когда вы виделись с ним раньше?

— Он пришел ко мне в лавку на прошлой неделе с парой рэбсоновских ключей и заказал дубликаты. Он врет, что не знает меня.

— Вы уверены?

— Конечно. Люди ведь сами как ключи: все похожи и все разные.

— Благодарю вас, сэр, это все.

Вульф откинулся на спинку, обхватил ладонями подлокотники кресла и сказал:

— Мисс Макджи, мистер Эйкен обречен, это несомненно. Теперь вам надо позаботиться о себе. Если дойдет до суда, вы будете свидетелем. Дав ложные показания, вы совершите преступление, и это можно будет доказать. Более того, вас смогут обвинить в соучастии в убийстве: вы дали ему ключи и создали условия, при которых он мог войти в дом и застрелить человека. Вы сказали, что будете у Еджера в девять часов...

— Я не создавала никаких условий! Девять часов было обычное время. Я только сказала мистеру Эйкену, что...

— Придержите язык! — Эйкен вскочил на ноги. — Однажды он обвел вас вокруг пальца и хочет сделать это опять. Мы уходим!

Я поднялся, чтобы преградить путь, но Джулия осталась на месте. Она задрала голову и посмотрела на Эйкена. Я в жизни не видел более каменного лица.

— Вы дурак, — сказала она. — Старый неуклюжий дурак. Я подозревала, что вы убили его, но не хотела верить в это. Да, мистер Вульф, он брал у меня ключи. Сказал, что хочет посмотреть комнату. Ключи оставались у него два дня. И я говорила ему, что пойду к Еджеру в девять часов, обещала держать его в курсе. Я тоже была душой!

— Фу, — Вульф повернулся к Эйкену. — Ну вот, что сделано, то сделано. Как быть теперь?

Эйкен снова сел в кресло. Сжав кулаки и стиснув зубы, он пытался сделать вид, что ему все безразлично, но это не удалось.

— Итак, простейшим выходом было бы позвонить мистеру Кремеру, — продолжал Вульф. — Но в соответствии с условиями соглашения я обязан защищать репутацию фирмы. Разумеется, замолчать тот факт, что ее президент убил вице-президента, невозможно. Вы обречены.

Вульф вытащил из ящика стола проект нового документа.

— Однако мы все еще можем скрыть существование комнаты и связь с нею Еджера, иными словами, сделать то, ради чего вы пришли ко мне вечером во вторник. Вряд ли теперь это волнует вас, но меня беспокоит. Учитывая это, я подготовил текст документа, который вы подпишете. Читаю. «Я, Бенедикт Эйкен, делаю настоящее заявление, ибо знаю от Ниро Вульфа, что скрыть мое преступление невозможно. Вечером 8 мая 1960 года я убил Томаса Г. Еджера выстрелом в голову. Я отвез его тело в Манхэттен, на Западную Восемьдесят вторую улицу и спрятал в яму, накрыв брезентом. Я убил Еджера потому, что он мог фактически устранить меня от руководства корпорацией, что было бы для меня невыносимо. Я убежден, что Еджер заслужил свою участь, и не испытываю ни раскаяния, ни сожаления в связи с совершенным мною злодеянием».

Вульф откинулся в кресле.

— Я не упоминал тут Марию Перес, ибо в связи с ее смертью не существует опасности ареста невинного человека. Полиция со временем сдаст дело в архив, подобно другим нераскрытым преступлениям. Надо, чтобы вы написали эту бумагу от руки, снабдив датой и вашей подписью. Здесь и сейчас. Мой адрес на конверте тоже напишете от руки. Мистер Пензер отправится в район, где вы живете, и там опустит письмо в почтовый ящик. После этого вы сможете спокойно уйти отсюда. Разумеется, я свяжусь с полицией. Скажем, завтра в десять утра. Преимущества, которые дает мне такой вариант, очевидны: я получу гонорар от корпорации. Но и вы выиграете не меньше. Два убийства, суд, приговор. Да еще в вашем возрасте...

— Заткнитесь! — рявкнул Эйкен.

Вульф помолчал, потом повернулся к мисс Макджи и сказал ледяным тоном:

— Идите, вы нам больше не нужны.

Она попыталась было что-то ответить, но он перебил ее:

— Нет, нет. Мои глаза привычны к мерзости, но вы оскорбляете даже их. Убирайтесь вон!

Она встала и вышла. Эйкен, сгорбившись, писал письмо и, наверное, даже не слышал слов Вульфа. Я бы тоже ничего не слышал, если б оказался на его месте.

17

В воскресенье, в 9.04 утра, я позвонил в оранжерею по внутреннему телефону.

— Письмо пришло. Звонить Кремеру?

— Нет, — ответил Вульф. — Новости?

— Никаких.

В 9.52 я снова позвонил Вульфу.

— Только что звонил Лон Козн. Час назад служанка Эйкена нашла труп хозяина на полу в спальне. Пуля прошла сквозь небо. Пистолет валялся рядом. Позвонить Кремеру?

— Да, в одиннадцать часов.

В 11.08 инспектор Кремер, сидя в красном кожаном кресле, прочел письмо и взглянул на Вульфа.

— Вы сами это написали.

— Не мой почерк, — возразил Вульф.

— Все равно. Это вы решили показать мне нос. Не удивлюсь, если Эйкен писал письмо, сидя в этом самом кресле. Из письма видно, что у вас все время были улики. Что это за улики?

— Будь мистер Эйкен жив, я был бы обязан ответить вам. Но он

мертв. Я не юрист, но консультировался с адвокатом и выяснил, что не обязан разглашать сведений, которые уже не могут быть использованы в интересах общественности.

— Знать, где и когда совершено убийство, — как раз в интересах общественности.

— Это в интересах полиции. Можете привлечь меня к ответу, но вряд ли чего-нибудь добьетесь. Эйкен мертв.

— Да, — Кремер сложил письмо и сунул в карман. — Проклятое ваше везение. Ну ладно, мы еще посмотрим, кто кого!

С этими словами он повернулся и вышел из кабинета.

В 15.47 вместе со мной и Вульфом в кабинете сидели миссис Еджер и три члена совета директоров «Континентал Пластик Продакс». Они держали в руках копии письма Эйкена. Говорил Вульф:

— По условиям соглашения я не обязан знакомить вас с уликами и рассказывать, как я их получил. Что касается результата, то он был определен обстоятельствами. Останься дело в руках полиции, комната была бы рано или поздно обнаружена и ваш президент стал бы объектом длительной газетной шумихи. Что касается моего гонорара, то я думаю, вы не станете подвергать сомнению сумму в пятьдесят тысяч долларов.

— Не станем, — ответил один из директоров.

— Я тоже должна вам, — сказала миссис Еджер.

Вульф покачал головой.

— У меня есть ваш доллар, и я оставлю его себе. Я не беру денег за одни и те же услуги с двух разных клиентов, — он встал. — Вы можете взять себе копии письма Эйкена. Их денежная стоимость ничтожна.

В 17.14 я сидел в кухне Пересов.

— Простите меня, но тут ничего не поделаешь, — сказал я. — Убийца Марии мертв, но полиция не знает об этом. Я бы хотел завтра пойти на похороны, но не смогу. Возможно, там будет полисмен. Они присутствуют при погребении убитых, если преступник еще не пойман. Кажется, я рассказал вам все, что вы хотите знать. У вас есть вопросы?

— Мы должны вам сто долларов.

— Забудьте об этом. У нас было слишком много клиентов. Я оставлю себе ваш доллар и ключи в качестве сувенира. Вам лучше сменить замки на входной двери и на лифте. Я взял из комнаты одну-единственную вещь, дамский зонтик. Верну владельцу.

Я пожал им руки и ушел. На Иден-стрит я не поехал; у меня не было никакого желания вновь встречаться с четой Хоу. Да и с Мэг Дункан, когда она не на сцене, тоже. В понедельник я отправил зонтик и портсигар с рассылным.

Виктор ВАСИЛЕНКО

ЗНАКИ СЧАСТЬЯ И БЕДЫ

Поэтическая судьба Виктора Михайловича Василенко непроста. Крупный историк народного искусства, автор многих книг и статей, профессор МГУ, Василенко как поэт стал известен лишь в 1983 году, когда вышел его первый сборник стихов «Облака». Автору «Облаков» исполнилось 78 лет, а книгу составили стихотворения, писавшиеся на протяжении полувека. Как же это случилось? Почему поэт, еще Валерию Брюсову приносивший свои юношеские опыты, поэт, которому Анна Ахматова подарила свою книгу с щедрой надписью: «Виктору Василенко с верой в его стихи», так поздно пришел к читателю? Но это, увы, не так уж необычно для нашего века, в котором поэтов не только отлучали от читателя, но и ссылали, сажали в тюрьмы и лагеря, расстреливали. В 1947 году Виктор Василенко, вместе с другими друзьями и знакомыми выдающегося поэта и мыслителя Даниила Андреева, был арестован и десять лет провел в заполярных лагерях Инты и Абези.

Но стихи не оставляли его и в самые горькие времена, помогая жить и выжить. Не оставляют они старого поэта и сегодня. В свои 86 лет он по-прежнему читает лекции студентам, пишет стихи и ждет выхода новых, хотя и писавшихся всю долгую жизнь книг.

Борис Н. РОМАНОВ

ЗАБОТЫ

* * *

Хочется по временам мне
встретиться с правдой давней,
с той, что осталась в былом!
Светится старая падь!
Думать бы мне о другом,
только не вспоминать!

Зеленовата глубина,
и чуть ранима тишина,
и воды словно из металла,
и голубеют тростники,
и все каким-то новым стало
моим надеждам вопреки.

Но потрясенный судьбою,
я говорю сам с собою,
ветром еще не отпет.
Не поверну я вспять
к синим истокам лет.
Путь не начну опять!

Но что я ожидал здесь встретить?
Ужели прошлого следы,
как знаки счастья и беды,
и что бы мог себе ответить?
А солнце опускает сети
сияющие в глубь воды.

1986

1984

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ В НОЯБРЕ

Земля замерзает, забыта,
покинута всеми навек.
Сверкая, летит, как из сита,
тяжелыми хлопьями снег.

Нагнулись огромные чащи
растений, грустя о тепле,
и призраки белые пляшут,
скользят по замерзшей земле.

Скорее застегивай ворот,
сейчас не легко на дворе.
Весомым становится холод
в последнюю ночь в ноябре.

Не видно уже звездопада,
и небо затянуто мглой,
лишь астры колышут лампады
над мерзлой и бедной землей.

Никто не откроет жилище,
тебя не услышат теперь.
Лишь ветер-пустынник просвищет,
стучась в незакрытую дверь.

1972

* * *

Все томит, все юродствует память,
в небе ж, сразу развеяв печаль,
за пустынными облаками
раскрывается горная даль.

Сосны шепчутся тихо ветвями.
Я в другие пришел времена.
Что со мною ты делаешь, память?
Кем тебе эта сила дана?

Не печаль, не пустое забвенье
и не тень, что потонет в волне,
вновь восторженное вдохновенье
неожиданно сходит ко мне.

1973

НАШ ДОЛГ

Поторопись, уходит время
и мало остается быть,
а отчитаться перед всеми
нам нужно, чтоб еще пожить.

Все не легко, не просто очень,
тут верные слова нужны,
за это музе, между прочим,
мы будем до конца должны.

1980

РОССИИ

Какою болью неумной
И правдою сгораю я,
и на язык мой, древний, темный,
ложится жалоба моя.
А издали — снега России,
ее глубокие леса
и радостные и живые,
торжественные голоса.

1985

* * *

И болотная стынь и болотная жуть,
И над тундрой туча, уходя,
где-нибудь
набредает на мною потерянный путь!

Не ямщицкая удаль, не звон бубенцов,
нет, одна переключка
заполярных ветров
над холодными мхами,
над молчаньем холмов!

О тоскливая память,
тундры горькая стынь!
Память, эти места, если можешь,
покинь!
Не кружи над погостом
заполярных пустынь!

1987

* * *

Чужое время ныне, не мое,
как залетевшая ко мне синица;
другое, радостное бытие,
я знаю — никогда не повторится.

Я открываю медленно окно,
и листья и цветы сирени
врываються, и все поглощено
их запахами, шепотом и тенью!

Была ль звезда? —
твержу я наугад, —
звезда — бывалая жизнь?
Она витает
в тумане звездном, ищет невпопад
пристанище и нет, не обречает!

Как рассудить и как принять ее?
Ей жить в поэме и в стихотворенье,
жизнь, что ушла в другое бытие,
синица-свет, летящая сквозь тени!

* * *

Невольное мельканье
дорожных фонарей,
испуг и трепетанье
деревьев у дверей.

А дом стоит забытый,
и около пустырь,
забор давно разбитый,
старинный сад и ширь.

И дом взирает слепо
на сумерки ветвей,
на сумрачное небо,
на травы у дверей.

И на реку, что мимо,
едва-едва струясь,
течет неотвратно,
течет не торопясь.

1987

Мода? На любовь? Звучит так же странно, как мода на чувство долга, чувство ответственности...

Давай сначала разберемся в двух понятиях: «эмоция» и «чувство». Слово «эмоция» происходит от французского «эмоцион» — волнение, означает ответную реакцию организма человека или животного на какой-то раздражитель, внешний или внутренний. Встретил ты, например, бронтозавра на Тверской и выдал сразу две эмоции — страх и удивление. Пропустил их через сознание, и возникло у тебя чувство сомнения: что-то тут не так. Провел небольшое исследование окружающей обстановки, появилось чувство уверенности: опасности нет, тут просто кино снимают, а бронтозавр — кукла. Вот мы и добрались до чувства. Чувство — это эмоция, пропущенная через сознание, через интеллект.

Теперь вернемся к теме. Сотни тысяч лет люди на земле воспроизводили себе подобных. Сексуальная эмоция бросала одного питекантропа в объятия другого, то же было и с их потомками неандертальцами. Но эволюция меняла чувственный спектр человека. И примерно пять тысяч лет назад — так полагают ученые — осложнили мы жизнь феноменом любви. Жена бога Осириса Исида, воскресившая слеза-

БЫВАЕТ ЛИ

ФОТО АЛЕКСЕЯ ГУСЕВА

МОДА НА ЛЮБОВЬ?

ми усопшего мужа, считается родоначальницей всех любящих.

Однажды появившись, любовь прочно заняла свое место в жизни. Ее обожествляли и проклинали, в ее честь возводили дворцы и храмы, ее сажали в тюрьмы и сжигали на кострах. Затем одумывались, собирали пепел и вновь поклонялись. В двадцатом веке, когда люди стараются все явления систематизировать, не избежала этой участи и любовь. Психологи выделили и определили шесть разновидностей, шесть «цветов» любви.

Первая встреча с любовью бывает у человека в возрасте раннем, лет в одиннадцать — тринадцать. Как-то ни с того ни с сего давно знакомый гражданин в веснушках и с оттопыренными ушами или похожая на вешалку для собственной одежды смешливая гражданка начинают привлекать чье-то внимание. Одной девочке почему-то хочется во время перемены «случайно» задеть рукой гражданина. А одному мальчику — гражданку за косу дернуть, если таковая имеется. Можно и кулаком в бок пихнуть. Не сильно, конечно. Вот это неожиданно возникшее влечение и есть первый, робкий еще признак проклевывающегося чувства. Любовь всегда начинается с влечения. Что-то такое замечаем мы в другом человеке, что заставляет нас думать о нем, тревожит. «Цвет» любви, о котором идет речь, называется агапэ. Тревога, мучительная и в то же время радостная, свойственная агапэ, поднимает подростка над

самим собой, делает духовно богаче. Помогает взрослеть.

Агапэ — чувство асексуальное, не секс верховодит. Природа хранит юную душу от похоти. Честно говоря, жаль тех, кто вместо того, чтобы отдаться собственным переживаниям, ощутить, как бьется сердце, как бежит по сосудам здоровая кровь, наливаются силой мышцы, идет в подпольный кинозальчик смотреть порнуху. Большинству мальчишек это не нравится. Они стараются от подобных развлечений держаться подальше. А уж если девочка получает от «порнухи» удовольствие, возникает сомнение насчет ее здоровья. Девочка в одиннадцать — тринадцать обычно влюбляется, нередко плачет в одиночестве. Это, кстати, вовсе не вредно. Бывает почти со всеми, особенно во время менструации. В эти дни в кровь выходит большое количество активных биологических веществ — половых гормонов. Организм, пока еще не окрепший, очень бурно на них реагирует. Как себе помочь в это время? Прежде всего нужно снять боль, если она есть. Анальгин глотать не стоит. Он не снимает причину боли — спазм. Лучше выпить но-шпу или таблетку бесалола после еды. Затем неплохо полежать полчасика, слегка согнув ноги в коленях и притянув их к животу. Лежать на том боку, где боль сильнее. Очень полезен теплый душ.

«Ну вот, — возмутится кто-то, — начали с любви, а перешли к тому, что живот болит». Как же иначе? Ведь человек — единое

целое. Если душу от тела оторвать, не будет человека. Древние говорили: «В здоровом теле здоровый дух». Тем более что в процессе взросления ждут это самое тело непрослые испытания, которым подвергнет его сорвавшийся с цепи дух. Ведь вслед за агалз приходит к человеку любовь нового «цвета» — эрос. Страстная, безрассудная, способная на подвиги и преступления. Стихия, а не чувство. Именно эта любовь, когда настигает она юных, больше всего пугает их родителей и учителей. Особенно тех, кто сам в этой жизни с эросом не встретился. Много таких, кому не повезло. И хотя я как врач и мать, в прошлом педагог должна была бы призывать вас к благоразумию, убеждать, что любовный пыл нужно охладить, — делать этого не буду. Потому как знаю, что по силе эмоционального воздействия ничто не может сравниться на земле с эросом. Об одном прошу: не ошибитесь, не примите суррогат за натуральный продукт. Эрос выматывает человека, а потому, как правило, недолог. С полгода, с год владеет человеком это чувство. Потом меняет свой «цвет» или вовсе уходит. Оставляет после себя воспоминания, чаще приятные, иногда — горькие. Бывает, остаются и дети, причем не всегда любимые.

При эросе поступками движет истинная половая любовь, высшая степень доверия между женщиной и мужчиной. Но это не значит, что любящие непременно хотят продолжиться в ребенке.

Возраст, в котором обычно сталкиваются с эросом, — шестнадцать — двадцать лет. И в это недетское время любой культурный человек должен знать о существовании противозачаточных средств и уметь ими пользоваться. Поэтому разреши, читатель, познакомить тебя с изречением, которое весьма популярно среди твоих сверстников во Франции: «Презерватив защищает вас от всего, кроме любви». А в Финляндии говорят короче: «Презерватив — твой друг».

Вот, пожалуй, и все на сегодня. Остальные «цвета» в другой раз. Да, еще надо ответить на вопрос, поставленный в заголовке: «Бывает ли мода на любовь?»

*И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.*

Знакомые строки? А вот еще:

*И вдруг, как солнце молодое,
Любви признание золотое
Исторглось из груди ея...
И новый мир увидел я!*

Ты, наверное, без труда «услышишь» девятнадцатый век и, может быть, скажешь: «Да, тогда была мода на возвышенные чувства. А сейчас — на секс».

Так вот, должна тебе сказать, секс без любви нынче из моды выходит. Выводы делай сам. И пиши, если что.

Твой доктор
Ирина Ильинична СОКОВНЯ

Мы — две ученицы десятого класса. Живем с 15 лет с пацанами. И не жалеем. А чем это плохо? Мы красивые. Идешь по улице в мини-юбке, так каждый пристаёт. Ну если красивый — как устоять, да еще если «бабки» дает? В общем-то всего в жизни хочется. А запретный плод — сладок. А если жить как все — жизнь будет серой и неинтересной. И не убеждайте малолеток, что это — плохо.

Кристина, Тамара

Такие письма нет-нет да и попадают в почту нашего журнала. Скажем прямо — их немного. Но проблема здесь, видимо, есть, и состоит она в том, что взгляд на жизнь, на ее истинные и мнимые ценности и на свое место в жизни может быть различным. И в этой области, в частности.

Но вот одно удивляет. Неужели девочки искренне считают, что ребята их уважают? За что уважать такую девушку? Письма, приходящие от сильной половины рода человеческого, говорят об обратном. С такими проводят время — да, а уважать — нет, не уважают. И дальнейшую жизнь свою ребята собираются строить с другими девушками. Теми, кто ценит себя повыше Кристины с Тамарой.

Об этом написал нам ваш недавний сверстник. Прочтите его письмо.

ПИСЬМО НЕ

*или Конверт
из-за колючей проволоки*

Уважаемые девушки (шлюх
прошу не читать это письмо)!

Приятно ли вам, когда мужская часть населения смотрит на вас как на товар для удовлетворения своей похоти, а человека в вас не видит? Приятно ли вам, что своры тупорылой шпаны держат вас подле себя как некую вещь, которой можно воспользоваться в любом месте? Не вы ли сами виноваты в этом? Знаете ли

Я — девушка «легкого» поведения. Люблю посидеть с друзьями в компании, чтобы были выпивка и сигареты. Часто ночью дома, пропадаю с друзьями на хатах. Мой образ жизни меня устраивает. Я симпатичная, с хорошей фигурой девушка. У меня много ребят, которые меня уважают. А подруги мне завидуют.

Елена, 14 лет
г. Охотск Хабаровского края

вы, что ваша безропотность и готовность на все в любом месте и в любое время вызывает презрение к вам и брезгливость?

Сначала музыка, выпивка, наркотики и постель с любовными утехами — а потом опустошенность души, прозрение и письмо — крик в редакцию: караул, помогите! Беда-то еще и в том, что то, что вы принимаете

выше, и потому ваш удел — подзаборная и подвальная шпана. Денег зарабатывать вы не умеете, можете лишь отнять у слабого да украсть, да еще у мамы с папой выклянчить. Для вас нет такого понятия — унижение. На что вы только не идете! И как вас целовать после этого?

А ваша музыка? Самый натуральный примитив вызывает

ДЛЯ ВСЕХ,

те за любовь, на самом деле таковой не является, это всего лишь скотское спаривание в разных вариантах. И еще: от вас легко получить и насекомых, и болезнь. Вам, может, и без разницы, кто с вами, а нам нет — очень и очень небезразлично!

Напаялите вы на себя «фирму», размалюете личико и — вперед! А куда — вперед? Серьезные и деловые парни вас сторонятся по причинам, о которых я писал

у вас восторг. Ваш язык — примитивный сленг, на уровне неразвитых племен. Вначале вы гордитесь своим успехом у шпаны, и чем больше их у вас на счету, тем больше ваша гордость. Это потом, годам к 17—18-ти, вы спохватываетесь — но уже поздно. Клеймо уже стоит и давит все больше и больше.

В жены таких «мадам» не берут. Да и кто возьмет в жены «девушку» со словарным запа-

сом в 150—200 примитивных слов, в основном матерных, через которую прошла вся улица? На уме лишь водка да танцульки, любовь понимает как половой акт, а по хозяйству — бездарь и неумеха. Нет, девочки, таких в жены не берут, а если и случается, то от вас быстренько избавляются. Да и кому охота позориться перед родными? Жизнь людей порядочных вы видите лишь в кино да по «ящику» и люто им завидуєте. А кто же вам мешает быть порядочными?

Вы так деградировали, что нормальный русский язык, на котором говорят порядочные, интеллигентные люди, для вас звучит как иностранный. Когда вы в своей хищной стае — вы наглые и агрессивные: можете ограбить прохожего, избить его или даже убить. Когда вы своей сворой грабите и избиваете беззащитных жертв, то чувствуете себя героями, но когда кто-то из этих прохожих, защищаясь, портит ваши наглые рожи, то вы за защитой бежите в милицию. А ваши мальчишки-супермены, которые поигрывают перед вами

своими бицепсами, восхищая вас до безумия? Какими же жалкими и трусливыми становятся ваши кумиры, когда их вылавливают по одному в укромных местах. А какими тряпками они становятся там, где им приходится держать ответ за свой беспредел, где настигает их час расплаты!

И еще хочу предупредить: бросьте бросаться жаргонными словами, смысла которых вы не понимаете. За какого-нибудь «козла» вы можете поплатиться очень и очень жестоко. Прошу вас об этом ради вас же самих.

А самое лучшее — бросьте вы якшаться со своими жалкими молокососами-шпанюками, которые дальше тюрьмы вас не доведут. Страшно смотреть на девочек в тюрьме: сколько боли, тоски и безысходности в их глазах! Девушка в тюрьме — это трагедия на всю жизнь для нее и неопиcуемый кошмар в личной жизни. Романтики в тюремной жизни нет, но есть ужас и смертельная тоска, опустошенность души и потеря смысла жизни.

Девочки, задумайтесь!

Р. Э. г. Винница

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы не называем полного имени автора письма, не даем его адреса (он будет храниться в редакции), хотя о его местонахождении догадаться нетрудно. Как попал он в «казенный дом», в чем провинился — об этом нам неизвестно. Однако со всей определенностью можно сказать, что девушек «легкого» поведения повидал он на своем пути немало. И о том, какая судьба их ждет, как относятся к ним «там» и на воле, — знает не понаслышке и рассуждает вовсе не как дилетант. Во всяком случае, его письмо куда как грамотнее, чем многие из тех, что приносит наша почта, — с «нормальным» обратным адресом.

Да дело, в конечном итоге, не в тех ошибках, которые могут встретиться в письме. Хуже, если ошибкой станет жизнь.

ПРОБА ПЕРА

Оля НИЖНИКОВА, 15 лет г. Кокчетав

СТОЯТ И ЖДУТ

РАССКАЗ

На ржавый карниз падают звонкие капли дождя, стучат все быстрее и быстрее, вот уже совсем заплывло стекло, стерлись неясные контуры пятиэтажек, растворились темные силуэты тополей, из-под неплотной рамы потекла тоненькая струйка воды.

Я убираю с подоконника шапку, нехотя поворачиваю голову и тупо гляжу на доску, исписанную какими-то совершенно непонятными формулами. Худенькая растрепанная алгебраичка отчаянно смотрит на сторбившуюся, нервно крошащую ногтями себе на фартук мел Таньку Машикову.

— Ну, Машикова? Ну? Что ты стоишь как...

Подходит к столу, потирая переносицу, хлопает ладонью по журналу.

— Ну что вы все молчите, как истуканы? Да хоть кто-нибудь тут что-нибудь соображает?!

В классе стоит равнодушная тишина, ритмично стучат капли по карнизу, позади кто-то высморкался, послышалось хихиканье.

— Нет, это невозможно! Невозможно! Не-мыс-ли-мо!.. Да тут скоро сам дойдешь до идиотизма. Вот эти, — она широким жестом указывает на стену, увешанную ровным рядом бородастых портретов, — эти стены, наверное, все уже наизусть выучили! Вы же... — внезапно замолкает и устало опускается на стул.

Нет, она совсем незлая, у нее дочь в больнице лежит, она нам прощает такие пакости, какие другие учителя ни за что не простили бы, мне просто неловко смотреть, как она сидит вот так, сжав ладони, мне ее даже жалко, хочется ее успокоить, выйти к доске и перещелкать как семечки все эти уравнения, но беда в том, что как я ни стараюсь — решительно ничего не могу в них понять. Вчера весь вечер просидела — ни с места.

Звонок. Класс сразу оживает, наполняется гулом и смехом, алгебраичка сидит в той же позе с застывшим взглядом, словно окаменев.

Какой у нас урок? Эх, кажется, физика. По длинному душно-му коридору плывет шумная толпа, среди черно-коричневого

однообразия сразу бросаются в глаза цветастые свитера и кофты старшекласников (им разрешили ходить без формы). Сзади кто-то яростно наступает на пятки, туфли едва не слетают с ног, я быстро оборачиваюсь, сбоку подскакивает рыжий мальчишка, рывком открывает оба замка на моем «дипломате» и моментально исчезает за чужими спинами. Я пытаюсь придержать крышку рукой, но поздно, тетрадки, учебники вылетают на пол. Сзади напирают, чья-то нога с хрустом давит мой пенал, слышится раздраженный голос: «Девка, уйди с дороги». Я стараюсь изловчиться и выхватить из-под ног учебники, на белых обложках которых уже отпечаталось множество узорчатых следов. Нет, бесполезно — руки оттопчут, придется ждать, пока пройдут.

Наконец-то коридор почти пуст, до звонка минуты две-три, я собираю истоптанные ошметки тетрадей, учебники оказались покрепче, ничего, в обложки новые оберну, пенал вот жалко; закрываю «дипломат» и, поддерживая крышку рукой, поднимаюсь на третий этаж.

Напротив кабинета физики, заложив руки за спину, расхаживает взад-вперед, как маятник, наш Паскаль в вечном своем сером костюме и белом в полоску галстуке. Увидев меня, прищуривается и, окинув сверху вниз быстрым взглядом, тянет:

— А-а-а... это опять ты, опять, красавица, опаздываешь. Придется, наверно, с родителями побеседовать.

Действительно, очень часто случается, что я опаздываю именно на его урок, а карает за это Паскаль жестоко, да и не только за это, за любую мелочь: карандаш ли на уроке уронишь, ручкой щелкнешь или, не дай Бог, хихикнешь — сразу же вылетишь за дверь, напутствуемый самыми уничтожительными эпитетами.

Забежав в класс, я плюхаюсь на свое родное место у окна, рядом стул пуст, Жанка сегодня почему-то не пришла. Надо будет сгонять к ней, просто так она никогда не пропустит, значит, что-то стряслось. Паскаль проходит важным размеренным шагом к столу и склоняется над журналом, в классе ни звука, все напряжены, он ведет ручкой по клеточкам с фамилиями все ниже и ниже, наконец солидно кашлянув, произносит:

— Отвечать пойдет... э... Машикова.

Бедная Танька, ей сегодня явно не везет!

— Так, — вдруг угрожающе говорит он, хмурит брови и впиается взглядом в первую парту среднего ряда. Черноволосый вихрастый Сашка Гуранский вздрагивает и что-то быстро-быстро прячет под тетрадь.

— Письма, значит, пишешь? Да? Встань-ка, милый мальчик, и выйди-ка вон, — говорит он нарочито тихо и спокойно.

Сашка втягивает голову в плечи и не двигается. Паскаль срывается на крик:

— Я к тебе обращаюсь, ты слышишь?! Я тебе русским языком сказал, выйди вон! Или мне тебя вытолкать?

Сашка поднимается и, шаркая ботинками, выходит в коридор, гулко хлопнув дверью. Паскаль нервно пожимает губами:

— Ты посмотри-ка! Он мне еще тут хлопать будет, я тебе хлопну! Нахал! Письма он пишет. Нашел себе занятие, ишь какой!.. Я тут, кстати, прочитал письмецо... от одного любителя эпистолярного стиля, да! Тетради проверял, а оно не запечатано лежало... Меня чуть удар не хватил. Это, слушайте, девчонка такое пишет парню! — Он поднимает указательный палец вверх и сокрушенно качает головой. — Ой, ой, ой, до чего опустились. У меня прямо строчки поплыли перед глазами. Жизнь прожил, а такого бесстыдства встречать не приходилось. — Далее он пускается в долгие рассуждения о безнравственности современной молодежи. Класс молча внимает, конечно, не потому, что согласны, просто все слишком хорошо знают, какие последствия может иметь спор с Паскалем. А у меня копошатся мысли: «Бесстыдство... а чужие письма читать не бесстыдство?»

Наконец Паскаль успокаивается, пол-урока уже позади, кроме Машиковой, наверно, никого больше не спросит, а то на новую тему времени не останется. Как надоело сидеть, как скучно без Жанки, и дождь этот проклятый на нервы капает! Хорошо хоть последний урок. Ой нет, не последний, физкультура же еще. Черт бы ее побрал! Опять эти брусья, канаты, козел, никак не научусь через него прыгать, а все смеются, сквозь землю бы провалилась. Я остороженько тыкаю ручкой в спину впереди сидящей Любки Заниной, та, опасливо покосившись на Паскаля, потихоньку поворачивается ко мне:

— Чего?

— Физкультура будет?

— Какая тебе физкультура? Откуда узнала, дорогая? Окна в коридорах драить будем. Комиссия какая-то приезжает. Шпионки из министерства, что ли.

Да, точно, Жанка вчера еще говорила, а я и забыла совсем. Наша школа образцовая: всегда стендики развешаны аккуратно, в столовой у стульев все ножки на месте, раздевалка, спортзал и туалеты приличные. В общем, есть чем похвалиться.

Значит, из-за этих окон мне опять не уйти пораньше. Значит, те опять меня поймают на выходе. Они еще вчера обещали, что, мол, возникаловка мне кровью отхаркнется. Терпеть не могу их наглые, размалеванные физиономии, их ехидные, гнусавые голоса! И Алка. Алка тоже с ними. Задиристая, нахальная, а как

встречу ее одну за углом, так лишь прошмыгнет как мышка. Раньше мы дружили. На день рождения к ней ходила. Нормальная вроде была девчонка. Началось-то все из-за ерунды: столкнулась я как-то после уроков в раздевалке с шумной компанией, нечаянно опрокинула чью-то сумку, и пошло-поехало разбратство. А потом я тихо брела домой, старалась изо всех сил сдержаться, утешаемая Любкой Заниной:

— Ничего, ничего, бывает. Я тебе вот что скажу: никогда ты не лезь на рожон; они тебя чуть заденут, а ты согнись в три погибели и, главное, сдержи язык. Вообще лучше никогда ни перед кем не выделяться, со всех сторон спокойнее будет, по себе знаю.

Я смотрю на часы, до конца урока две минуты. Распахивается дверь, энергично постукивая каблучками, сверкая стеклами очков, вбегает классная и отрывисто командует:

— Так, девочки, быстро сейчас спускайтесь на первый этаж, там уборщицы дадут тряпки, ведра, и по всему коридору вымое-те окна и подоконники. Смотрите, хорошо мойте, я проверю. Раньше вымоете — раньше уйдете. Мальчики, пойдемте со мной.

На первом этаже я пытаюсь незаметно свернуть к раздевалке, но сзади мне на плечо твердо ложится чья-то рука, потом раздается визгливый голос классной:

— Ты куда это собралась? Ишь ты какая! Ну-ка разворачивайся. Вон ведро стоит — бери и иди мой.

Я беру ведро и тащусь к окну, классная издалека наблюдает и отходит только тогда, когда видит, что я макаю тряпку в воду. Я медленно окунаю тряпку, медленно выжимаю, вяло вожу по изрисованному всевозможными рожицами подоконнику. Веселая компания уже стоит у крыльца, смело закинув за спины сумки, беззаботно покуривая. Я принимаюсь очень тщательно соскребать каждую рожицу и все думаю: «А может, уйдут? Хотя бы дождь опять пошел, что ли». Вот большинство девчонок отправились по домам, а я все полощу эту серенькую тряпочку, тяну время. Подходит классная и, замахав руками, тараторит:

— Все, все, хватит, хорошо, хорошо, отлично, молодец. Можешь идти!

Одеваюсь, выхожу в вестибюль и останавливаюсь у маленького, мутного, заплеванного семечками окошка. Ко мне подходит, переваливаясь на ногах-тумбах, толстая с колышущимся животом уборщица и недовольно бурчит:

— Ну чего встала? Отпустили — иди, значит. Нечего здесь околачиваться, грязь разносить.

Я открываю тяжелую скрипучую дверь, чувствуя, как дрожат руки, и вижу, что они все стоят. Ждут.

ПОИСК АВАРИЙНЫХ НЛО

Сергей ЦЕБАКОВСКИЙ

ОТ АВТОРА

Печать и телевидение сегодня никому не позволяют остаться в стороне от бушующих страстей по поводу НЛО, неопознанных летающих объектов, — необычного явления, буквально с неба свалившегося на человечество с полстолетия назад. Мы же, обитатели шестой части суши планеты, оказались в особо трудном положении. Все эти годы о «летающих тарелках» писать у нас не дозволялось, а если писали, то в уничижительном или шутиливом плане. Серьезный разговор заведомо исключался. С приходом гласности запреты пали, НЛО обрушились на нас вместе с другими, прежде недозволёнными темами, как-то: астрология, экстрасенсы, хиромантия, полтергейст, Шамбала и проч. и проч. Мудрено не растеряться в том потоке информации, от нсе привычный мир начинает видеться как бы не в фокусе. Как быть? Во-первых, не смешивать все в одну кучу, во-вторых, ничего не принимать на веру. Попытаться самому разобраться в том, что вас больше всего поразило, задело.

Вот и автор этих строк пожелал однажды разобраться в уфологии (НЛО по-английски пишется UFO, произносится УФО, отсюда уфология). На русском языке литературы не оказалось, пришлось читать английские книги. В результате появилась рукопись будущей книги —

«Неоконченная сага о летающих объектах». Построена она на американском материале. Не одно десятилетие, начиная с 1947 года, когда мир вдруг заговорил о «летающих тарелках», США оставались ареной жесткого противостояния американских ВВС и НЛО. Все с интересом ждали, как-то Америка разрешит «загадку века». Увы, она не разгадана по сей день. Зато поиски разгадки оказались зрелищем поистине захватывающим. Не хватает пока одного — развязки. Но сколько тут неясного, загадочного, необъясненного, сколько мелких подтасовок и вопиющего плутовства!

Одно из самых темных мест в той истории — легенда о захваченных американскими военными летающих дисках, о чем и рассказывает помещенная ниже глава.

Поверьте, мне хотелось написать не просто документальную, но очень-очень документальную книгу. Не все документы, однако, известны, а те, что известны, нередко воюют друг с другом. Впрочем, вы это поймете при чтении, оно же, кажется, будет нелегким — обилие имен, дат, терминов, гипотез...

Чтобы читатель мог делать собственные выводы, я постараюсь привести как можно больше фактов, не стесняясь вместе с тем высказывать свои сомнения о них. Истина в последней инстанции — вещь достаточно редкостная. И потому сомневайтесь и вы — это лучший совет, когда читаешь такого рода тексты.

...Если хотя бы один человек сказал правду, возможно, мы на пороге величайшей сенсации двадцатого века — первого контакта с живыми (или мертвыми) изземными существами. Событие это, если оно действительно произошло, равнозначно, по крайней мере, встрече ошеломленных туземцев с Колумбом при его появлении в Новом Свете. За вычетом единственной детали. Ошеломленными туземцами в данном случае окажемся мы.

Ч. Берлиц, У. Мур

Время и место катастроф инопланетных кораблей называют разные, но почти все версии сходятся, что случилось это в конце 1940 годов на территории юго-западных штатов США. Писатель Фрэнк Скалли не первым поднял тему, но именно он привлек к ней внимание своей нашумевшей книгой «Тайны летающих тарелок», вышедшей в сентябре 1950 года и мигом раскупленной. Еще бы — Скалли утверждал, что американские ВВС захватили три летающие тарелки!

Самую большую, сто футов в поперечнике, по словам Скалли, обнаружили в штате Нью-Мексико, восточнее города Азтек. Вторую, поменьше, семьдесят два фута в диаметре, подобрали вблизи секретного полигона в Аризоне. А третья, в тридцать шесть футов, упала в долине Паррадайс Вэлли, неподалеку от города Финикс в том же штате Аризона. В третьем диске оказались два погибших гуманоида (так в уфологической литературе стали называть существ, пилотирующих летающие диски), в двух остальных — по шестнадцати. Но разумные ли это существа или роботы — оставалось только га-

дать. Как выразился один из очевидцев: «Вроде бы люди, а в то же время нелюди».

Гуманоиды были низкорослы — от 36 до 42 дюймов, по земным понятиям — карлики. Но и при разительных внешних, внутренних отличиях с виду напоминали людей. На их кораблях нашлась и пища — некое подобие вафель или галет. В емкостях обнаружили воду, она оказалась в два раза тяжелее земной. Погибшие пилоты были одеты в плотно прилегающие комбинезоны без воротников, застежек и пуговиц. Тела их были буры, будто обуглившиеся.

В дисках нашли множество предметов неизвестного назначения, а также подобие книг или пергаментных листов, испещренных непонятными иероглифами.

Сам Фрэнк Скалли ничего этого не видел. Миллионер-нефтяник Сайлас Ньютон познакомил писателя с неким доктором Джи, специалистом по геомагнетизму, незадолго до того оставившим важный пост в секретном научно-исследовательском учреждении. И еще с одним ученым, геофизиком, не названным по имени, ибо тот продолжал состоять на государственной службе, и разглашение секретов для него было чревато неприятностями. Впрочем, и доктор Джи — больше похоже на псевдоним, чем настоящую фамилию. Вот эти два анонимных доктора и послужили источником информации. Один, по его словам, вместе с семьей учеными лично принимал участие в обследовании первого диска.

Летающий диск был сделан без видимых следов сварки или клепки, казался целиком отлитым из металла, подобного алюминию, но куда более прочного и легкого. Алмазный бур на его поверхности оставил едва приметную вмятину, и раскаленный до десяти тысяч градусов металл не плавился. Последующие лабораторные анализы также не смогли прояснить его природу.

Самый крупный диск почти не пострадал. Очевидно, он приземлился с помощью устройства, напоминающего наш автопилот. Но иллюминатор при падении приоткрылся. Одна из кнопок на пульте управления отворила невидимую дверь. Кабина оказалась меньше объемного диска. Специалисты высказали предположение, что он приводится в движение с помощью магнитной тяги.

Не без труда разобрали диск на сегменты и вместе с погибшими гуманоидами тайно переправили на авиабазу Райт-Паттерсон, близ города Дейтона, штат Огайо, где разместились штаб-квартиры Главного технического управления и Центра авиационно-технической разведки ВВС...

Легко себе представить, как подобные описания воспламенили воображение американцев. Уж если в околоземном пространстве появились неопознанные диски и огромные сигарообразные корабли, то рано или поздно они должны были оказаться на земле по доброй воле или в результате аварии.

Нападки на книгу Скалли на-

чались еще до того, как она вышла из печати. Сокращенный вариант ее появился на страницах легкомысленного журнала «Веразти» (переводится как «Варьете» или «Эстрада»), развлекательного издания американского шоу-бизнеса, а потому рассказ, сам по себе фантастический, не внушал доверия серьезному читателю.

Почти все рецензенты сошлись на том, что опус Фрэнка Скалли — дешевая спекуляция на модной теме. К тому же в тексте отыскивали множество неточностей, ошибок и противоречий. В результате от версии Скалли не осталось камня на камне. Последний удар нанес ей журналист Дж. Кан, доказавший, что информаторы Скалли, во всяком случае двое из них, — отпетые мошенники, замешанные в крупных спекуляциях земельными участками. Сайлас Ньютон и его компаньон Лео Гебауэр, в котором опознали доктора Джи (именно так читается первая буква его фамилии), ухитрились под видом установки для нефтеразведки продать за 800000 долларов практически металлолом, громоздкую шутовину, купленную ими у казны всего за четыре доллара. По логике Кана, завязанные мошенники не могли быть источником правдивой информации. Это явилось серьезным ударом по репутации Фрэнка Скалли. Однако до конца своих дней — умер в начале 60-х годов — он стоял на том, что рассказанная им история в основе своей верна. Но как ни соблазня-

ли его, отказывался назвать имена лиц, от которых узнал об этом невероятном происшествии.

В книге Скалли поставил двадцать каверзных вопросов, обращенных непосредственно командованию ВВС. Поначалу Пентагон делал вид, что попросту не заметил опуса Скалли, когда же посыпались телеграммы и письма от недоумевающих читателей, начальник разведки Главного технического управления ВВС полковник Гарольд Уотсон сделал по сей день не забытое заявление. Не снисходя до спора с Фрэнком Скалли, полковник объявил, что летающих тарелок не существует, а всех, кому они мерещатся, обозвал сумасшедшими, мошенниками или одержимыми саморекламой.

Но версию Скалли вскоре подержал военный историк Флетчер Пратт, человек хорошо информированный, со связями в военных кругах. По его сведениям, один летающий диск действительно потерпел аварию и был подобран вместе с похожими на людей существами. Пентагон это сообщение опроверг, Пратт не настаивал, тем дело и кончилось.

Затем — впрочем, это случилось два года спустя, в разгар массовых наблюдений НЛО в Америке, — появился человек, утверждавший, что он своими глазами не только видел одну из захваченных летающих тарелок, но даже побывал в ее кабине. Кстати, число захваченных аппаратов он довел до семи. Три из них приземлились в штате Монтана, в одной тарелке оказался

живой карлик-гуманоид около трех футов ростом. В продолжении двух лет его будто бы выхаживали в инкубаторах, а затем попытались вступить с ним в общение. Далее следовали технические подробности о летающих дисках, в чем-то дополнявшие рассказ Скалли, иногда с ним расходившиеся.

Эти удивительные вещи в Торговой палате города Пуэбло, штат Колорадо, поведал собравшимся президент радиокompании «Пайкс Пик» Джозеф Рорер. Если президент говорил правду, она была похлеще любой фантастики. Если же это были выдумки, вряд ли имелся более надежный способ в одночасье погубить доброе имя делового человека. Но репутация Джозефа Рорера в отличие от Скалли как будто не пострадала, что можно объяснить отчасти баснословным 1952 годом, когда лишь за июль только официальных — прошедших по каналам разведслужб ВВС — сообщений о наблюдениях НЛО набралось 536!

В штаб-квартиру ВВС опять посыпались письма с требованиями объясниться или разоблачить измышления Рорера, чтобы иным было не повадно распространять подобные слухи. Командование ВВС не сделало ни того, ни другого. Тем, кто особенно домогался ответа, пресс-служба отвечала односложно: ВВС ничего неизвестно о дисках и гуманоидах мистера Рорера.

После первой волны небесных видений летом 1947-го многие американцы нашли и доводы,

и здравый смысл, чтобы признать сам факт наблюдений и в то же время удержаться от скоропалительных выводов. Совсем непросто оказалось принять версию «НЛО — инопланетные корабли» с ее неизбежным приложением в виде пилотов-гуманоидов.

Книга Скалли была не первой ласточкой из будущей стаи уфологических изданий. На несколько месяцев ее опередила столь же многоречивая книга Дональда Кихо «Летающие тарелки существуют». И точка зрения Кихо среднему американцу оказалась ближе, понятнее. Сводилась она к трем положениям: летающие диски существуют; возможно, это инопланетные корабли; власти о них знают гораздо больше, чем говорят.

Нужно было сделать еще одно небольшое усилие, и вывод, казалось бы, напрашивался сам собой: уж если НЛО сумели добраться до нашей планеты, рано или поздно они совершат посадку, запланированную или вынужденную, и мы воочию увидим разумных существ, этими объектами управляющих. Или роботов, теми существами созданных.

И вот с середины 50-х годов в американскую уфологию стала стучаться эта шокирующая тема «маленьких человечков». И не погибших, до черноты обуглившихся пилотов с потерпевших аварию дисков, а маленьких уродцев («Вроде бы люди, а в то же время не люди»), застигнутых свидетелями возле приземлившихся дисковидных, овальных и сферических кораблей.

Сначала подобные вести поступали в основном из Франции, Италии, Латинской Америки, а посему особого доверия не вызывали. С 1954 года появились очевидцы в самой Америке. Фермеры, дети, шоферы, полицейские, железнодорожники, лесорубы рассказывали о маленьких двуногих длинноруких страшилищах, которых им довелось увидеть в сумерках или ночью, в свете фар на безлюдной дороге. При появлении людей существа убегали, и вскоре поблизости, иногда прямо под носом ошарашенных свидетелей в воздух взмывали дисковидные летательные аппараты. Откуда бы ни приходили эти невероятные рассказы, многие детали совпадали, что как будто указывало на их достоверность.

Все вместе взятое — непрекращающиеся толки о летающих тарелках, сообщения прессы, опровержения и насмешки — многие годы и десятилетия поддерживало легенду. Она обрастала свидетельствами очевидцев. Подчас это трудно было назвать свидетельствами в строгом смысле слова. Случайный попутчик в пылу откровенности кому-то расскажет, как, проходя службу на одной из авиабаз, он попал в секретный ангар и увидел плененный летающий диск. Кто-то перед смертью сделает признание, зная, что ему ничем уже не грозит нарушение скрепленного подписью обета молчания. Отставной военный, сотрудник спецслужб или ученый сочтет себя вдруг свободным от

былых обязательств хранить тайну...

По лоскутку, по крупице собирались эти свидетельства, каждое в своей обособленности ненадежное, малоценное, чаще без дат и фамилий, без указания места происхождения. Кропотливая работа велась годами, продолжается она и поныне. Среди людей, кого волновала эта тема, кто продолжает биться над ее загадкой, наверное, существуют старшинство и степень заслуг. Я же в алфавитном порядке перечислю тех исследователей, следопытов, детективов от уфологии, материалами которых пользовался при написании этого строго документального повествования об аварийных дисках: Грей Баркер, Чарлз Берлиц, Тимоти Гуд, Стэнтон Фридман, Уильям Мур, Леонард Стрингфилд, Уильям Штейнман, Рэймонд Фаулер, Тодд Зехель.

Одна из первых попыток обобщить накопленный за три десятилетия материал на эту тему была сделана в книге Чарльза Берлица и Уильяма Мура «Инцидент в Розуэлле» — вышла в 1980 году. В ней собраны воедино разрозненные эпизоды, легенды о катастрофах летающих дисков. В книге немало пробелов, недостающих звеньев, есть информация, основанная на слухах, анонимных свидетельствах, встречаются расхождения в датах, что объясняется не торопливостью или небрежностью авторов, а забывчивостью свидетелей, отдаленных от описы-

ваемых событий несколькими десятилетиями.

Когда Берлиц и Мур писали книгу, уфология уже оперилась, встала на ноги, хотя явно не добирала до научной дисциплины. В энциклопедии «Британика» статья «Неопознанные летающие объекты» по воле алфавита оказалась помещенной между мифическим зверем «Единорог» и «Единог поля теорией». Примерно такое же отношение к уфологии трезвомыслящих людей и сегодня — не то миф и мистика, не то брезжущее научное откровение.

Ко второй половине 70-х годов накопилось достаточное количество наблюдений НЛО — визуальных, радарных и, что особенно важно, визуально-радарных. Имелись подлинные фотографии и киносъемки летающих объектов, так что в реальности их — оставляя в стороне вопрос о том, что это — инопланетные корабли, фантомы или природная аномалия, — могли сомневаться лишь те, кто поленился ознакомиться с материалами.

Все же не хватало одного — вещественных доказательств хотя бы в виде обломков. Легенда утверждает: такие доказательства есть, только они далеко и надежно упрятаны. Берлиц и Мур решили проверить легенду на прочность.

1. ВОКРУГ РОЗУЭЛЛА

В тот день — 2 июля 1947 года — сумерки свалились на ранчо «Фостер плейс» раньше

обычного. Налетел ветер, небо заволокло грозowymi тучами, загрохотал гром.

Уильям Брейзел стоял посреди двора и радовался собирающемуся дождю, как может ему радоваться фермер засушливого штата Нью-Мексико в самый сухой месяц года. Слепящие вспышки выхватывали из тьмы куски унылой равнины, поросшей редкой и жесткой травой, способной прокормить только неприхотливых овец.

Но Брейзел не дождался большого дождя. В тех местах такое не редкость — змеятся по небу молнии, от громовых раскатов, кажется, горы на горизонте раскалываются, а дождь пройдет стороной, едва окропив землю.

Большую часть года Брейзел жил на ранчо в одиночестве. Без света, без телефона. Жена чаще оставалась в поселке Тулароза — детям нужна была школа. Старший сын Билл после женитьбы перебрался еще дальше — в растущий город Альбукерке. Но двое младших, сын и дочь, летом жили с отцом на ранчо.

Вернувшись в дом, Брейзел заглянул к детям. Набегавшись за день, те крепко спали, не обращая внимания на грозу. В тот момент, когда Брейзел переступил порог своей комнаты, она озарилась ярким светом, будто в окно заглянуло солнце, и дом содрогнулся от половиц до потолочных балок. После оглушительного раската сделалось совсем темно и тихо. Брейзелу показалось, что молния ударила где-то рядом.

Утром он на старом джипе отправился проводить овец. Несколько столбиков ограждения в загоне оказались поваленными. В отаре Брейзел недосчитался овец и рассудил, что они, напуганные ночной грозой, укрылись в распадке высохшего ручья.

Разыскивая отбившихся овец, в семи или восьми милях от ран-

чо он набрел на пустырь, простревший какими-то посторонними предметами. Поначалу фермер решил, что упал метеозонд. Их сюда нередко заносило с секретных полигонов под Аламогордо. При зондах имелся ящик с приборами, на нем пластинка с адресом — куда вернуть ящик за небольшое вознагражде-

На карте штата Нью-Мексико отмечено примерное местонахождение ранчо «Фостер плейс» — северо-западной Розуэллы и равнины Сан-Агустин.

Хозяин ранчо «Фостер плейс» Уильям Брейзел, на земле которого в июле 1947 года были найдены странные обломки.

Брейзел подумал, что сможет порадовать ребят: получат в городе сколько-то долларов.

Подойдя поближе, Брейзел понял: это не зонд. И припомнив вчерашнюю грозу, ослепительную вспышку, оглушающий раскат, он подумал, что это было похоже больше на взрыв.

Рейсовый самолет! Каждый вечер над ранчо в сторону Со-корро, на юго-запад, пролетал самолет. В одинокой жизни Брейзела он многое значил. Самолет был почти другом, по нему можно было ставить часы. Не случилась ли беда, не он ли тут растерял свою оснастку?

После того как отбившиеся

овцы вернулись в загон, ограда была восстановлена и дети накормлены, Брейзел поехал на пустыр, чтобы осмотреть все обстоятельно.

Первая вещь, которую он поднял с земли, поразила его. Тонкий, как фольга, листок вроде бы металлический, но почти без веса. Его можно было мять и гнуть как угодно, он тотчас принимал первоначальную форму.

В руках у фермера оказался брусочек, и тоже без веса. Из бальзового дерева? Однако нож на его поверхности не оставил царапины. Брейзел поднес зажигалку — мнимое дерево даже не обуглилось.

Бальзовое дерево... Нам это мало что говорит. Разве вспомним — Тур Хейердал свой плот «Кон-Тики» соорудил из бревен бальзового дерева. Оно в изобилии растет в лесах Центральной и Южной Америки. Сухое бальзовое дерево легче пробки, если сравнивать их удельный вес.

Брейзел продолжал подбирать диковинные вещи. Тончайший шелковый шнур, казалось, сам расплзется в руках, но по-пробовал разорвать — ничего не вышло. На черной металлической пластине Брейзел обнаружил нечто вроде вензеля или иероглифа. К Рождеству Брейзел покупал детям «китайские хлопушки», и коробочки с хлопушками украшались похожими иероглифами.

Озадаченный фермер стал выискивать среди обломков предметы с загадочными письменами. Их оказалось немало, одни

бледно-розовые, другие ало-красные. Иногда письмена выстраивались столбцами, словно цифры для сложения.

Нагрузив джип наиболее интересными обломками, Брейзел вернулся на ранчо. Не давала покоя мысль: если это не метеозонд и не рейсовый самолет, тогда что же?

Назавтра, 4 июля, благо день был праздничный, Брейзел решил навестить Флойда Проктора, соседа, чья ферма находилась в восьми милях от «Фостер плейс».

Много лет спустя Проктор вспомнит эту встречу: Брейзел, обычно такой молчаливый, взахлеб рассказывал о странных вещах, подобранных на пастбище. Особенно о письменах, похожих на китайские иероглифы или на скальные рисунки индейцев — у них в округе такие не редкость. Брейзел уговаривал Проктора и его жену отправиться к нему на пастбище посмотреть. Но у Проктора день выдался нелегким — поднялся с солнцем, дел невпроворот, и вообще его не интересовали обломки, даже с китайскими иероглифами. Он посоветовал Брейзелу добраться до ближайшего телефона, известить шерифа в Розуэлле и забыть обо всем.

Совет был дельный, и 5 июля Брейзел поехал в ближайший городок Корону к двоюродному брату Холлису Уилсону. До шерифа он не дозвонился или раздумал звонить. У брата гостил приятель из атомного городка Аламогордо. Едва Брейзел заик-

нулся о находке, приятель оживился, стал уверять, что фермер нашел обломки летающего диска, одного из тех, что частенько появляются в небе Нью-Мексико и проявляют повышенный интерес к секретным районам, где испытывается новая техника.

Уилсон и его приятель убедили Брейзела собрать побольше обломков и отвезти их на военновоздушную базу в Розуэлл...

Тридцать два года спустя отставной подполковник Джесси Марсел точно вспомнит момент, когда он оказался вовлеченным в эту историю.

Был понедельник 7 июля 1947 года, и он, в ту пору майор, начальник разведотдела 509-го авиаполка, размещавшегося на авиабазе Росуэлл (теперь авиабаза Уокер), обедал в офицерском клубе. Его попросили к телефону по весьма срочному делу. Звонил окружной шериф Джордж Уилкоккс: у него в участке находится фермер из окрестностей Короны, вблизи его ранчо потерпел аварию странный летательный аппарат, часть обломков фермер привез с собой.

Странный летательный аппарат... Джесси Марсел отлетал уже двадцать лет и полагал, что никакими аппаратами его не удивишь. Посему майор не торопясь покончил с обедом и только тогда поехал к шерифу.

Достаточно было беглого взгляда на груду привезенных Брейзелом обломков, чтобы понять: ничего подобного Марселу видеть не приходилось. Он повертел в руках лист наилегчай-

шего металла, упругого и гибкого. Пощупал похожий на пергамент лоскут, пестрящий розовыми и алыми значками, которые могли быть буквами, цифрами или символами. Обломки были настолько необычны, что Марсел решил немедленно обо всем доложить командиру авиаполка полковнику Уильяму Бланчарду. Майор предложил фермеру отправиться с ним на авиабазу, но Брейзел сослался на неотложное дело в городе. Условились встретиться через час там же, у шерифа.

Марсел, захватив несколько образчиков обломков, поспешил на авиабазу, не подозревая, что уже час спустя будет трястись по бездорожью на пути к ранчо «Фостер плейс». Так распорядился командир полка, едва Марсел доложил обстановку.

Ехали на двух машинах: Марсел в штабном «бьюике» и некто Кавитт, контрразведчик из Техаса, — на другой машине. С какой стати тот оказался в Розуэлле и зачем потащился собирать обломки, для Джесси Марсела осталось загадкой. Чувствуется, контрразведчик из Техаса чем-то раздражал майора, несколько раз он поминает «этого Кавитта» и ничего не говорит о Брейзеле.

Был с ними Уильям Брейзел или тот остался в Розуэлле? Единственная фраза в пространном интервью с Марселем как будто подтверждает, что и фермер ехал с ними: «Я и контрразведчик из Западного Техаса по фамилии Кавитт последовали за этим человеком на его ранчо...»

До «Фостер плейс» добрались вечером, там же заночевали.

С утра поехали на пастбище. Полоса в три четверти мили в длину и несколько сот футов в ширину была усыпана обломками. Взрыв произошел в воздухе. Неизвестный летательный аппарат, растеряв часть оснастки, все же удержался в воздухе. Только не лежит ли он за теми холмами на горизонте?

Вещицы собрали в самом деле странные. Брусочки из материала, похожего на дерево. «Они напоминали бальзовое дерево, по весу примерно такие же, только это было совсем не дерево», — вспоминает Марсел. Бурые лоскуты, похожие на восковку или пергамент, но прочности необычайной, их невозможно было разорвать. Многие лоскутья были покрыты письменами. Попадались куски тонкого, не толще бумаги, металла, нечто среднее между фольгой и алюминием. Кавитт подобрал черную коробочку, но без крышки и отверстий. С виду металлическая, тоже почти без веса.

Обломками загрузили обе машины. Многое пришлось оставить на пастбище. Позже туда отправят солдат, и те старательно прочешут местность, подберут каждый обломочек.

«Во второй половине того же дня, — продолжает Джесси Марсел, — мы выехали в Розуэлл и прибыли туда под вечер». Какого все-таки дня? Это очень важно. Уильям Мур, взявший у Марсела интервью, в скобках поясняет: 7 июля. Не ошибка ли?

7 июля обед Марсела прервал звонок шерифа. Во второй половине дня Марсел и Кавитт только отправились на ранчо, выходит, в Розуэлл они вернулись 8 июля.

Был уже вечер, и Марсел на своем «бьюике» поехал не на базу, а домой, благодаря чему появился еще один свидетель. Одиннадцатилетний сын Марсела во дворе ошарашил отца вопросом: «Папа, ты привез летающую тарелку?» Пока отец приходил в себя от удивления, сын перебирал сваленные на заднем сиденье странные штуковины. Часть обломков в тот вечер перенесли на кухню, где отец с сыном будет тщетно гадать, что собой представляло единое целое.

По приказу командира полка Марсел отбыл на ранчо в большой спешке, успев лишь по телефону предупредить жену, что не будет ночевать дома. Как же тогда сын проведал о целях поездки? Оказывается, пока Марсел с Кавиттом подъезжали к Розуэллу с диковинным грузом, мир уже был оповещен, что на пустынном плато штата Нью-Мексико американские ВВС подобрали потерпевшую аварию летающую тарелку. В участок шерифа, на авиабазу, в редакцию местной газеты со всех концов звонили репортеры, пытались выудить подробности. А все началось с сообщения пресс-службы авиабазы. Вот его полный текст:

Армейская воздушная база Розуэлл, штат Нью-Мексико, 8 июля 1947 года, первая половина дня.

Многочисленные слухи относительно летающих дисков подтвердились вче-

ра, когда разведотделу 509-го авиаполка бомбардировщиков Восьмой воздушной армии при содействии местного фермера и окружного шерифа удалось завладеть одним из таких дисков.

Летающий диск был обнаружен вблизи ранчо в окрестностях Розуэлла на прошлой неделе. Ввиду отсутствия телефона лишь по прошествии нескольких дней фермер смог известить шерифа, а тот в свою очередь уведомил начальника разведотдела 509-го авиаполка майора Джесси А. Марсела. Незамедлительно были приняты меры, диск с ранчо доставлен на авиабазу Розуэлл, где подвергся предварительному осмотру, после чего майором Марселем был доставлен в вышестоящий штаб.

В сообщении удивляет решительно все. Пospешность, с какой оно сделано. Уверенность, с какой говорится о находке летающего диска, хотя на пастбище «Фостер плейс» подобрали лишь обломки неизвестно чего. Но более всего удивляет время обнаружения сообщения: 8 июля, первая половина дня.

Если Марсел выехал на ранчо 7 июля, провел там ночь и вернулся в Розуэлл под вечер следующего дня, стало быть, сообщение было обнародовано, когда Марсел с Кавиттом еще только собирали обломки или двигались с ними к Розуэллу.

Остается предположить: даже то немногое, что привез с собой Уильям Брейзел, полковник Бланчард счел достаточным доказательством и поспешил объявить о находке летающего диска.

Что-то не верится в это. Моги Бланчард допустить, чтобы о чрезвычайном происшествии начальство узнало не от него, а из печати?

И еще один сюрприз. Совершенно неожиданные обломки громыхали в штабного «бьюика» Марсела, а в сообщении говорилось, что они уже отправлены в высший штаб, и кем? — майором Марселем!

Штаб Восьмой воздушной армии находился в Форт-Уэрте, Западный Техас. Оттуда прибыл и загадочный контрразведчик Кавитт, и прибыл в Розуэлл как нельзя более кстати, когда там разворачивались описываемые события. Случайность? А может, в Пентагоне и Форт-Уэрте об аварии узнали раньше, чем Брейзел привез в Розуэлл обломки?

По сей день нет ясности, кому принадлежала идея поспешно обнародовать сообщение. Но составитель его известен. «Был у нас офицер для связи с прессой, он по собственной инициативе позвонил в «Ассошиэтед пресс», — вспоминает Марсел, — Хот, кажется, его фамилия. Это он позвонил в «Ассошиэтед пресс», а позже составил сообщение».

Подключение агентства новостей объясняет быстроту, с какой весть о подобранном диске облетела мир. Настораживает другое: офицер для связи с прессой по собственной инициативе предаст гласности столь важное сообщение?

В 1979 году Уильям Мур без труда отыскал отставного лейтенанта Уолтера Хотта, он по-прежнему жил в Розуэлле, был владельцем картинной галереи. Хот рассказал: «Полковник Бланчард вызвал его и велел составить со-

общение о том, что ВВС подобрала потерпевший аварию летающий диск. Не только составить, но и распространить! Уничтожить собственную инициативу со стороны Хотта было важно. Хотте же по сути своей очень наивный, легковерный человек, даже его звание не останавливало. «Если вы этого сообщения захотите распространить, действуй!»

Получив задание составить сообщение, Хот спросил у Бланчарда, нельзя ли ему осмотреть летающий диск. Полковник ответил, что это невозможно. Майор Марсел побывал на месте аварии, собрал обломки и уже находится с ними в пути в Форт-Уэрт.

И опять вопрос: когда мог состояться такой разговор? Если вспомнить проставленную в сообщении дату (8 июля, первая половина дня), выходит, не ранее второй половины дня 7, а скорее всего утром 8 июля. Но Марсел еще не вернулся с ранчо! Следовательно, полковник Бланчард говорил неправду, что диск с авиабазы уже отправлен в Форт-Уэрт.

Итак, главным действующим лицом в этой истории — по логике вещей, свидетельствам, наконец, по должности — был полковник Уильям Бланчард. Марсел и Хот лишь исполнители его воли. Тогда вопрос: по своей инициативе полковник обнародовал сенсационное сообщение?

В начале июля 1947 года еще не было предписаний для военнослужащих хранить в тайне все касающееся неопознанных ле-

таких объектов. Пресловутый JANAP 146 — секретный циркуляр Объединенного комитета начальников штабов Армии, Флота и ВВС, циркуляр, расписывающий порядок подачи донесений об НЛО, а разглашение военными любыми сведениями о них приравнивающий к разглашению государственной тайны (от года до десяти лет тюрьмы и десять тысяч долларов штрафа), — он войдет в силу позже. Так что Бланчард мог, конечно, на свой страх и риск оповестить мир о фантастической находке, не ставя в известность начальство. Но, повторюсь, это маловероятно. Военные повсюду одинаковы. Нижестоящий начальник ничего не предпримет без согласования с вышестоящим. Тем более в таком щекотливом деле.

Берлиц и Мур приводят следующую версию, сами в нее не очень веря: начальник штаба ВВС генерал Хойт Ванденберг будто бы позвонил из Пентагона бригадному генералу Роджеру Рейми, командующему Восьмой воздушной армией, и попросил объяснить, что происходит в Розуэлле. Рейми связался с полковником Бланчардом и сделал тому выговор за поспешное сообщение, одновременно приказав незамедлительно доставить обломки диска в Форт-Уэрт.

8 июля (или 9, если следовать хронологии Марсела), пока майор с обломками неведомого аппарата летел в Форт-Уэрт, по радио выступил генерал Роджер Рейми с опровержением сообщения авиачеты Розуэлл о находке ле-

тающего диска. По словам генерала, на пастбище был подобран всего-навсего высотный метеозонд, по ошибке принятый за обломки летающего диска.

Если только это выступление довелось услышать в полете майору Марселу, он должен был про себя улыбнуться и окинуть глазами странный скарб, занимавший добрую половину четырехмоторного бомбардировщика. Марселу в тот день не раз приходилось про себя улыбаться. С лукавой улыбкой запечатлен он на одном из газетных снимков во время пресс-конференции в штабе армии. Вот как он описывает свое пребывание там:

Едва мы приземлились в Форт-Уэрте, нам приказали часть обломков перенести в канцелярию генерала — ему хотелось взглянуть на них. Мы сделали, как было велено, разложив принесенное на полу, застеленном коричневой бумагой... Генерал Рейми разрешил кое-кому из репортеров все это заснять. На одной из тех фотографий запечатлен и я, сидящий на корточках перед какими-то малоинтересными обломками. Репортеры могли фотографировать, но приближаться и трогать что-либо не разрешалось. Обломки на том фото были настоящие, тут никакой подтасовки. Позже их подменили другими. И опять разрешили фотографировать. Те фотографии снимались, когда настоящие обломки уже находились в пути на авиабазу Райт-Паттерсон. Меня на тех снимках не было. Помнится, позировал сам генерал с одним из адъютантов. Я перевидел много всяких зондов, но такого видеть не приходилось. Им тоже, полагаю, таких видеть не доводилось... Это генерал Рейми выдумал историю с метеозондом в качестве прикрытия, чтобы сбросить с наших плеч наседавших репортеров. Прессе было сказано, что подоб-

рали всего-навсего метеозонд. В тот же день рейс на авиабазу Райт-Паттерсон отменяется. Меня с рейса сняли, а кто другой все это доставил — Райт-Паттерсон. Мне вообще было запрещено что-либо говорить в прессе, за исключением того, что сказал генерал.

Из рассказа Марсела можно заключить, что пресс-конференция в Форт-Уэрте готовилась наспех, не все сошло гладко. Кое-кому из репортеров все же удалось заснять настоящие обломки, лишь потом была совершена подмена. С метеостанции в штаб срочно доставили уорент-офицера Ирвинга Ньютона, и тот с чистой совестью смог подтвердить репортерам, что им предъявлен (после подмены) метеозонд. Правда, и здесь не обошлось без накладки. В заготовленном для прессы сообщении говорилось, что это метеозонд Роина (Rawin target ML — 306), однако на полу лежал зонд иного назначения и, стало быть, иного вида — AN/AMT-4, в отличие от первого не имевший в оснастке ни грамма металлической фольги, которой было изрядно среди обломков, подобранных на пастбище Брейзела. Не тот, так этот, все же метеозонд. Репортеры были заворожены техническими подробностями, незнакомыми литерами, цифрами и неудобных вопросов не задавали.

Отчет о пресс-конференции генерала Рейми появился в газетах за 9 июля. Когда репортеры примчались в Розуэлл, чтобы получить объяснение у полковника Бланчарда — как его люди могли перепутать метеозонд с летаю-

Майор Джесси Марсел на пресс-конференции в Форт-Уэрте демонстрирует журналистам подобранные обломки.

щей тарелкой? — им объявили, что командир 509-го авиаполка ушел в отпуск.

8 июля в Розуэлле с заявлением перед репортерами выступил фермер Уильям Брейзел.

С Брейзелом мы расстались в тот момент, когда из участка шерифа он отправился по своим делам, пообещав Марселу встретиться с ним через час. Интересно было бы узнать, что делал Брейзел в это время. Уехал ли он в тот день на ранчо, как вскользь упомянул Марсел? Или сразу по-

сле кратковременной отлучки был пленен военными?

Известно только, что в какой-то момент его пребывания в Розуэлле фермера сумел завлечь к себе владелец местной радиостанции Уолтер Уитмор. В 1979 году, когда Мур и Фридман занялись расследованием розуэлльского инцидента, Уитмора не было в живых, но его сын рассказал, что отцу не только удалось записать интервью с Брейзелом, но и задержать его в студии до выхода в эфир сенсационной передачи. Задержать с какой целью? Чтобы новость не перехватили конкуренты — репортеры и газетчики. Военные, по словам Уитмора-младшего, тем временем сбились с ног, по всему городу разыскивая Брейзела.

Двое соседей-фермеров (один из них уже знакомый нам Фил Проктор) в тот день тоже оказались в Розуэлле. Они видели Брейзела на улице в окружении, по крайней мере, полдюжины военных. Возможно, это и был момент пленения Брейзела.

А старания Уитмора оказались напрасными. Он стал передавать интервью с Брейзелом по сети местных радиостанций, но канал не работал. Тогда Уитмор переключился на канал своей станции. Едва закончил вводную часть, как в студии раздался звонок. Из Вашингтона звонил сам ответственный секретарь Федеральной комиссии по радиосвязи. Он предложил Уитмору прервать передачу по соображениям национальной безопасности. В противном случае грозил ли-

шить лицензии на радиовещание.

Немного погодя вновь позвонили из Вашингтона. На этот раз сенатор, представлявший на Капитолии штат Нью-Мексико, убеждал Уитмора последовать совету секретаря Федеральной комиссии. Уитмор уступил, передача была прервана.

В эту историю, рассказанную Уитмором-младшим, было бы трудно поверить, если бы Берлиц и Мур не привели похожий случай с другой местной радиостанцией в Альбукерке. Это произошло днем раньше, 7 июля. Репортер Джон Макбойл начал диктовать по телефону сообщение из Розуэлла о потерпевшем аварию летающем диске, как вдруг ожил студийный телетайп в Альбукерке и отстучал: «Внимание в Альбукерке. Не передавайте. Повторяю, не передавайте это сообщение. Немедленно прекратите передачу».

Многие мелкие радиостанции северо-западных штатов все же сумели выйти в эфир с информацией о потерпевшем аварию диске. Канадский телекомментатор Хьюджи Грин, во время войны служивший в английских ВВС и потому живо интересовавшийся НЛО, в один из тех июльских дней ехал на машине по шоссе № 66 с запада на восток. Он помнит, многие радиостанции прерывали свои передачи для экстренных сообщений о подобном летающем диске. В какой-то момент все сообщения на эту тему разом прекратились. Сегодня подтверждение самого факта сообщения об аварийном

диске можно найти в подвалах газет. Разыскать старые обломки провинциальных газет не так просто, но заметки на эту тему найдутся в «Нью-Йорк таймс», в лондонской «Тайме» и других крупных газетах.

Итак, 8 июля Уильям Брейзел, подготовленный и натасканный, был явлен журналистам. Тщательно подбирая слова, фермер рассказал, как он обнаружил на своем пастбище обломки метеозонда.

От той поры сохранилась фотография Уильяма Брейзела. Плечистый мужчина с крепкой челюстью. Широкополая шляпа с лихо загнутыми полями. Смотрит зорко, с чувством собственного достоинства. Неудивительно, что, высказав перед собравшимися журналистами то, что ему было велено, он, в нарушение сценария, позволил себе заметить, что это все же был не метеозонд, их-то он на своем веку перевидал достаточно. И еще строптивый фермер добавил: если впрямь он что-либо обнаружит на своей земле, то черта с два кому об этом расскажет.

Старший сын Брейзела Билл о злоключениях отца узнает из газет и вместе с женой поспешит из Альбукерке на ранчо утешить родителя. На «Фостер плейс» они никого не найдут. Младших детей отец перед поездкой завез к матери в Туларозу. Первым делом Биллу, очевидно, пришлось позаботиться о брошенных на произвол судьбы овцах. 14 июля, прождав несколько дней, сын отправится в Корону и оттуда станет

называть в Розуэлл. Билла успокоят: с отцом все в порядке, через день-другой будет дома.

Мучным и злым вылился Уильям Брейзел. Диска с собой не жалел, потому что случившееся — «Ты знаешь, какой дискотек с собой возишь? Нет, не лучше, меньше неприятностей» — так он сказал сыну. Вспомни! Выпали держать язык за зубами — это, дескать, его патристический долг. Очень был раздражен Брейзел тем, как с ним обращались на базе: раздели догола, точно новобранца, подвергли полному медицинскому осмотру...

Нажим, угрозы, психологическая обработка вряд ли вызовут удивление. Уже был в действии декрет о лояльности, подписанный президентом Трумэном 21 марта 1947 года. К тому же штат Нью-Мексико с его секретными и сверхсекретными городками, объектами и полигонами находился на особом режиме со всеми вытекающими последствиями.

Из рассказов очевидцев ясно одно: на пастбище был подобран вовсе не метеозонд, как пытался уверить прессу генерал Рейми. Но и не летающий диск. Всего-навсего странные обломки. Странные потому, что материал, похожий на алюминий, фольгу, дерево, пластик, пергамент, восковку и шелк, не был ни тем, ни другим и ни третьим. Все очень легкое, почти без веса, а прочно-сти необычайной. Удары молотка на мнимом металле не оставляли вмятин, дерево не горело, восковка не рвалась. Но самое поразительное — алые и розовые

письмена на различных предметах. Вот как описывают те, кому удалось их увидеть своими глазами. Или слышать от тех, кто видел.

Дочь Брейзела, Бесси Брейзел, в замужестве Шрайбер, в те дни находилась на ранчо. Ей было двенадцать лет:

Они были похожи на цифры, во всяком случае, я воспринимала их как цифры. Возможно, потому, что располагались они столбцами, как мы выстраиваем цифры для сложения. Только на наши цифры они были совсем не похожи.

Флойд Проктор, сосед:

Он (Брейзел) говорил, что понятия не имеет, что за штуковину нашел, но письма ему напоминают китайские или японские иероглифы. Он говорил, что письма похожи на те надписи, что помещают на коробочках «китайских хлопушек», что-то вроде значков, написанных пастелью, хотя это совсем не то письмо, каким пользуемся мы.

Старший сын Брейзела — Билл Брейзел:

Отец мне как-то сказал, что на некоторых из найденных обломков были, как он выразился, нарисованы фигурки. Этим словом он называл петроглифы, которые древние индейцы в нашей округе рисовали на скалах.

Свидетельство Джесси Марсела:

Меня в тех обломках поразила одна вещь. Многие находки с виду были похожи на пергамент, испещренный цифрами и символами, которые за неимением лучшего я бы назвал иероглифами, поскольку они были непонятны. Прочитать их было невозможно, это были символы, иначе говоря, нечто, обозначающее нечто, и при всем их разнообразии составлены они были по единому принципу. Были они розовые и алые.

Видел загадочные письма и сын майора Марсела в тот ве-

чер, когда отец, вернувшись с ранчо, не поехал на авиабазу, а с необычным грузом завернул домой. Марселу-младшему тогда было одиннадцать лет. Его впечатления:

Египетские иероглифы, пожалуй, лучше всего могут дать о них какое-то представление. С той лишь оговоркой, что среди значков не было фигурок зверей, что характерно для египетской иероглифики.

Странные обломки, загадочные письма... О них рассказали многие свидетели. Но где же сам летающий диск?

Ранним утром 3 июля 1947 года инженер Федеральной службы мелиорации Грейди Л. Барнетт, или попросту Барни Барнетт, как его называли друзья и сослуживцы, оказался на пустынной равнине Сан-Агустин, близ города Магдалина, штат Нью-Мексико. Приехал он туда на рекогносцировку местности, где предстояло вести работы.

Оглядывая равнину, в миле с небольшим Барнетт заметил тускло светящийся предмет. И довольно крупный. Не самолет ли разбился, подумал Барнетт.

Почти одновременно к месту аварии подошли археологи, производившие раскопки древних индейских поселений.

На земле лежал огромный диск из серебристого, похожего на «нержавеющую» металла. Врезавшись в песок, диск надломился, расселся по шву. Поодаль в различных позах застыли странные тела. Ростом с десятилетнего ребенка. Большие безволосые головы. Маленькие глазки.

Все на одно лицо, в одинаковой серой одежде, в глухих защитных костюмах — ни эмблем, ни швов, ни «молний».

В сумрачном зеве дышали и другие тела. В сумраке ничего не удалось рассмотреть. Послышался рокот мотора. Подкатил военный грузовик. Невольным очевидцам предложили удалиться. Но сначала строго предупредили — никому не рассказывать о том, что видели. Это их патристический долг. В ту пору подобная фраза была весомой и многое значила.

Равнина Сан-Агустин лежит в сотне с лишним миль от «Фостер плейс», где накануне вечером, 2 июля, Уильям Брейзел наблюдал яркую вспышку, после которой дом содрогнулся до основания. И было бы заманчиво соединить на карте ранчо с некой точкой на плато Сан-Агустин. Картина тотчас бы прояснилась: пораженный молнией летающий диск над владениями Брейзела теряет часть оснастки и все же успевает преодолеть еще полтора-два миль, прежде чем врезаться в песчаное плато в том месте, где на следующее утро, до того как район оцепили военные, его увидели археологи и Барни Барнетт.

Эту версию косвенно подтверждает еще одно свидетельство. Вечером 2 июля, незадолго до ослепительной вспышки над пастбищем «Фостер плейс», супружеская пара Уилмотов из Розуэлла, после дневного зноя коротавшая вечер во дворе, заметила в небе крупный светящийся обь-

ект, летевший в сторону бароны, иначе говоря, в район Брейзела. Фил Уилмот, тогдашний членом комитета обороны, вспоминает, что он и жена сразу же позвонили в военную службу и сообщили о своем наблюдении. Но в то время в округе не было ни одного военного подразделения.

Вся история Сан-Агустина — слабое звено в цепи легенды. Здесь только молчаливо засвидетельства. И ни одного документа. Историю об аварии на плато Блан-Барнетт под большим секретом поведал своим друзьям супругам Молтес три года спустя после происшествия. Умер же Барнетт в 1969 году. Неужели за долгие годы больше никому не рассказал?

В конце 70-х годов Мур отыскал людей, знавших Грейди Л. Барнетта, но те смогли только засвидетельствовать, что покойник был правдивым и порядочным человеком. Начальник Барнетта по службе мелиорации Дж. Дэнли, правда, вспоминает, что Барнетт как-то пытался ему рассказать, будто своими глазами видел приземлившуюся летающую тарелку. Но Дэнли, все это считавший мурой, не просто отмахнулся, но и добавил что-то обидное для старика. Когда же Дэнли день-другой спустя попробовал загладить резкость и вернуться к этой теме, Барнетт от разговора уклонился.

Но ведь Барнетт был не единственным свидетелем, кроме него, там находились археологи. В старом журнале «Америкен антиквити мэгэзин» отыскивали карту

проводившихся в тех местах раскопок в полевые сезоны 1946—1948 годов. И университет, снарядивший группу, установлен — Пенсильванский. И, наверное, в той экспедиции было достаточно студентов — кто ж еще поедет туда в июльское пекло? Казалось бы, ничего не стоит отыскать живых свидетелей, их показаниями укрепить слабое звено легенды. Однако свидетельства археологов блистательно отсутствуют.

Если бы удалось подтвердить рассказ Барни Барнетта, ход событий можно было бы представить следующим образом. Военные — не с авиабазы Розуэлл, а из Аламогордо или Альбукерке — 3 июля уведомляются о катастрофе пилотом, которому случилось пролететь ранним утром над плато Сан-Агустин. Высланная группа прибывает с опозданием — появились нежелательные свидетели в лице Барнетта и археологов. Район оцеплен. Нужно поскорей убрать диск. Наспех собранная группа экспертов проводит предварительный осмотр.

Четырьмя днями позже в Розуэлле появляется Уильям Брейзел с обломками того же диска. Картина окончательно проясняется. Удар молнии для диска оказался роковым¹, катастрофа фактиче-

ски произошла над ранчо Брейзела. Потеряв управление, диск пролетел еще полтораста миль и рухнул на плато Сан-Агустин.

В Пентагоне принимается решение: дабы пресечь слухи о действительном месте крушения диска, авиабаза Розуэлл объявит о находке, а Форт-Уэрт тотчас выступит с опровержением. Даже если репортеров провести не удастся, они пойдут по менее опасному следу. Нужно выиграть время, спрятать диск. Обломками как-никак распорядиться легче.

8 июля появляется сообщение о находке диска. Несколько часов спустя следует опровержение из Форт-Уэрта. Генерал Рейми демонстрирует журналистам метеозонд, якобы принятый за обломки летающего диска. Неугомонные журналисты спешат на авиабазу Розуэлл, чтобы допросить полковника Бланчарда, как его люди могли допустить такую оплошность, но им объявляют, что командир авиаполка ушел в отпуск.

Не отыскиали журналисты в тот день и другого важного чина ВВС, который мог бы дать исчерпывающие объяснения, — начальника Главного технического управления ВВС генерал-лейтенанта Нейтана Туайнинга. Его не оказалось в штаб-квартире управления на авиабазе Райт-Паттерсон, близ Дейтона, штат Огайо. Правда, еще раньше было объявлено, что 8 июля он должен отбыть на Западное побережье для весьма важных перегово-

¹ Свирепые грозы без дождя не такая уж редкость в засушливых нагорьях Нью-Мексико. На полигоне атомного городка Лос-Аламос в 1945 году, тоже в июле, от удара молнии взорвалась установленная на стальной вышке бомба, к счастью, не атомная. В этом районе известны случаи катастроф застигнутых грозой самолетов.

воров. Однако и там Туайнинг появился. Так где же он? Возможно, в Пентагоне, возможно, в канцелярии. Уфологи же полагают, что с 8 по 10 июля генерал Туайнинг находился в Нью-Мексико, чтобы своими глазами увидеть летающий диск и позаботиться о его дальнейшей судьбе.

До железной дороги разобранный на части диск был доставлен на грузовиках, затем на открытой платформе под брезентом через Аризону в Калифорнию переправлен в пустыню Мохаве, на сверхсекретную авиабазу Мьюрок. Теперь та база называется Эдвардс, и на ней обычно приземляются челночные космические корабли многоразового использования.

8 и 9 июля, когда, если верить легенде, подобранный диск был доставлен в один из ангаров Мьюрока, НЛО проявили повышенный интерес именно к этой базе. В диске наверняка имелся датчик, посылавший сигналы о своем местонахождении кораблю-матке. А то, что небольшие 16- и 30-футовые диски доставляются в околосреднее пространство огромными сигарообразными и цилиндрическими кораблями, сторонники гипотезы инопланетного происхождения НЛО считают бесспорным фактом.

Что же произошло над авиабазой Мьюрок 8 и 9 июля? Четыре раза в эти дни НЛО появлялись над базой и примыкающим к ней полигоном Роджер Драй Лейк. Приведем лишь один документ из архивов комиссии «Синяя книга». Офицер (фамилия, как обычно

в рапорте, откинута, документ, затусовывая, обронивший фразу, которую в те дни провозносили все интеллигентные люди: «Вот один из тех случаев, когда А. может, и доктор — становится очевидным и главным свидетелем. О нем и был составлен рапорт».

Авиабазы Мьюрок. 6 июля 1947 года. 9.30 утра. Из ангаров авиации я направился в свою базу. Как вдруг, услышал шум заходящего на посадку самолета. По привычке взглянул вверх. Увидел два серебристых объекта сферической или дискообразной формы. Двигались они со скоростью 300 миль в час, возможно, меньшей, на высоте около 8 тысяч футов приблизительно курсом 320° (315° — Северо-Запад).

Желая убедиться, что это не обман зрения, офицер на миг закрыл глаза. Объекты не исчезли. Офицер рассудил: это не самолеты и не зонды. Слишком круты виражи для первых, и летели они против ветра, на что неспособны вторые. Подозвав двух военнослужащих, офицер попросил описать то, что они видят. Военнослужащие подтвердили наблюдение. Рядом находилась амбулатория, офицер кинулся туда, чтобы запастись дополнительными свидетелями. Когда он вернулся, небо было чисто. Но вскоре серебристые объекты вновь появились и продолжали кружить над авиабазой. К рапорту прилагались показания других очевидцев.

Этот эпизод для пущего драматизма можно было бы вплести в канву легенды: неведомые пришельцы ищут пропавший челнок! Не забудем, однако, — то был

1947 год, год первой мощной волны наблюдений НЛО. Уфолог Тед Блечер утверждает, что в 1947 году в небе США отмечено 850 наблюдений НЛО, причем пик их приходится как раз на июль. Внушительно выглядит сводная таблица облетов НЛО трех сопредельных штатов — Нью-Мексико, Аризоны и Калифорнии. С 25 июня на протяжении всего июля не проходило дня без посещения этого региона хотя бы одной летающей тарелкой.

Рассказанное можно считать нулевым циклом неумирающей легенды о захвате американскими ВВС летающих дисков. К этой основе с годами добавлялись новые детали и целые блоки. Конструкция получилась причудливая, но достаточно прочная. Опровержение частностей не разрушало легенду. Она тотчас дополнялась другими эпизодами и версиями.

Прошли годы, забылись строгие внушения офицеров разведки о патристическом долге хранить тайну, и предполагаемые очевидцы или участники операций по овладению летающими дисками под большим секретом решались кому-то поведать об увиденном и пережитом. Все, даже самые невероятные рассказы, чаще без дат, имен и других документальных опор, старательно собирались, просеивались и хранились уфологами, ждали часа, когда такой же или подобный рассказ, пришедший издалека, из иного источника, соединившись с другим, позволит нащупать тропинку, выводящую к достоверному факту.

Свидетельства могут быть скучными, немногословными. Человечек сообщает, что видел, как в Магдалине на железнодорожную платформу грузили сегменты серебристого диска, как укрывали брезентом, как состав отбыл в западном направлении. Еще несколько донесений из промежуточных пунктов, и уфологи вычерчивают на карте путь следования диска. Иногда свидетельства своей сюжетной законченностью напоминают новеллы. Например, как эта, записанная Гре-ем Баркером.

Жил-был в Калифорнии под Лос-Анджелесом фотограф. Был он не простой фотограф не столько даже потому, что имел баронский титул, а потому, что разработал свой собственный метод съемки, выявлявший на фотографии структуру снимаемых поверхностей. Однажды на исходе 40-х годов к нему в мастерскую явились двое незнакомцев и предложили выгодную работу. Условие поставили одно: сохранить в тайне то, что предстоит увидеть. Предупредили: если нарушит обещание, будет выдворен из страны. Николас фон Поппен — так звали фотографа — был прибалтийским немцем, уроженцем Эстонии, и в те годы еще не имел американского гражданства. Фотограф согласился, после чего был посажен в самолет и доставлен на какую-то военновоздушную базу. Там ему было велено фотографировать различные части металлического диска, который фон Поппен поначалу

принял за новый летательный аппарат американских ВВС. По завершении наружной съемки фотографы провели внутрь, и тут он понял, что ошибся.

Кабина с куполообразным потолком имела около двенадцати футов в поперечнике. Пульт управления пестрел рычажками и кнопками. Свободное пространство пульта было оклеено пластиком, пестрящим непонятными символами.

Перед пультом, пристегнутые ремнями к креслам, сидели четверо неживых пилота. В темных, плотно прилегающих комбинезонах. Обувь из такого же материала. Пилоты были низкорослы, как дети. Поппену запомнились их маленькие ручки с аккуратно остриженными ногтями. Подробнее рассмотреть обстановку он не имел возможности. Нужно было заниматься делом — фотографировать металлические поверхности. Рядом с Поппеном безотлучно находился человек, забиравший отснятые пленки. Несмотря на контроль, фон Поппену будто бы удалось утаить один кадр, запечатлевший общий вид летающей тарелки. Каким образом, если отснятые пленки изымались? Может, дело в необычной конструкции фотоаппарата?

Опасаясь за свою судьбу — ведь он приобщился к государственной тайне, что всегда чревато неприятностями, — фон Поппен надежно спрятал кадр и наказал близким вскрыть конверт, если с ним случится что-то недоброе. Однако ничего не случилось, Николас фон Поппен скончался в по-

чтенном возрасте в 1975 году. Конверт был вскрыт, пленки в нем не оказалось. Сама же история стала известна в мае 1977 года.

Тем же летом Лэнглед Стрингфрета из города Форт-Паттерсон в Калифорнии, сотрудник ФБР, сообщил, что видел тела девяти пилотов, всего же на авиабазе их около тридцати, а также и летающий диск. Этот человек утверждал, что подобные диски хранятся в ангарах авиабаз Лэнгли, штат Вирджиния, и Макдилл во Флориде. Он же сообщил о размещенных в различных точках страны мобильных авиаотрядах, перед которыми поставлена задача оперативного захвата потерпевших аварию летающих дисков.

Стэнтон Фридман, расследуя происшествие в Розуэлле, встретился с сержантом в отставке Эдвардом Грегори. После июльской эпопеи он был переведен из Розуэлла в 3602-ю эскадрилью, переданную в распоряжение штаба ПВО. Самолеты этой эскадрильи с группами дознавателей круглосуточно находились в состоянии готовности и в любой момент могли отправиться к месту предполагаемого крушения или приземления летающих дисков. Грегори утверждал, что отряды не раз получали такую команду, хотя сам он в подобных операциях не участвовал.

Сообщение не явилось неожиданностью. Еще в 1954 году бывший руководитель проекта «Си-

няя книга» капитан Руппелт подтвердил существование такой эскадрильи. Правда, он называл ее 4602-ой. Под этим номером была известна авиагруппа, перед которой в условиях войны ставилась задача захвата и предварительного допроса пилотов сбитых самолетов противника. В мирное время группа бездействовала, и ее переключили на поиск летающих тарелок. С июля 1957 года та же задача была возложена на 1006-ю эскадрилью воздушной разведки, а год спустя — на 1127-ю авиагруппу со штабом в Форт-Бельвуаре, штат Виргиния.

Вот еще «ангарная» история, по Леонарду Стрингфилду.

В Прайс Хилл, близ Цинциннати, в конце 50-х годов поселилась одинокая дама Норма Гарднер. По хозяйству ей помогал молодой человек Чарлз Вилхелм, увлекавшийся книгами о летающих тарелках. Здоровье миссис Гарднер было подорвано, выяснилось, что она больна раком. В трудное для нее время Чарлз продолжал навещать старую даму. Незадолго до смерти со словами: «Теперь дядя Сэм все равно меня не достанет, я одной ногой уже в могиле!» — миссис Гарднер призналась Чарлзу, что прежде работала на авиабазе Райт-Паттерсон, имела доступ к секретным материалам, а в 1955 году ей было поручено провести опись предметов, имевших отношение к летающим тарелкам. Через ее руки прошло более тысячи единиц хранения. Каждый предмет нумеровался,

фотографировался и заносился в особую книгу. Однажды ей удалось заглянуть в ангар, куда она не имела права входить, и видела летающий диск. В другой раз, проходя по коридору, подсмотрела, как на каталке везли в лабораторию тела двух гуманоидов.

Из многих случайных — речь о них впереди, — нередко совпадавших рассказов утвердилось мнение, что захваченная небесная техника собрана на авиабазе Райт-Паттерсон в бдительно охраняемом ангаре 18-А зоны В. Еще роились слухи о так называемой «Голубой палате» на той же авиабазе, главной небесной кунсткамере страны, где якобы находится все, имеющее отношение к летающим тарелкам. Не только заинтересованные уфологи и ненадежные анонимы способствовали сложению такой легенды. Сенатор от Аризоны, юго-западного штата, всегда занимавшего ведущее место в таблице наблюдений НЛО, Бэрри Голдуотер, быть может, сам того не желая, послужил становлению и упрочению легенды.

Голдуотер — отставной генерал ВВС, и его интерес к НЛО понятен. «Мне самому их видеть не приходилось, но коль скоро пилоты ВВС, ВМС и гражданских авиалиний утверждают, что они действительно что-то видели вблизи своих крыльев, я не могу им не верить». Это лишь одно из многих высказываний Голдуотера на тему.

В начале 60-х годов Голдуотер, член Сенатского комитета

по делам разведки, по пути в Калифорнию сделал остановку на авиабазе Райт-Паттерсон, которой командовал его друг генерал Кэртис Лемей. Возможно, свидание с ним было предложено. Сенатору очень хотелось пройтись по тому залу, что молва нарекла «Голубой палатой». Но стоило Голдуотеру высказать свое желание, как генерал Лемей изменился в лице. Ответ его был столь же краток, сколь категоричен: «Черт побери, никак нельзя. Я не имею права туда войти, ты не имеешь прав, так что не проси!»

Такого рода рассказы приводятся во многих книгах уфологов. Опровержений от Голдуотера никто не слышал. Как обычно, авторы в конце или в начале своих книг выражают признательность достопочтенному сенатору за предоставленную возможность использовать интересующие их материалы, а в приложениях даже помещают письма сенатора. Приведем выдержку из письма Бэрри Голдуотера Ли Грэму от 19 октября 1981 года: «Я давно оставил надежду получить доступ в так называемую «Голубую палату» на авиабазе Райт-Паттерсон. После стольких отказов от разных начальников, я попросту отступился».

А что говорят начальники? На запросы представителей печати и уфологов Пентагон отвечает односложно: «На авиабазе Райт-Паттерсон ангара 18-А в зоне В нет».

Продолжение следует

МОЗАИКА

Новый альбом легендарной группы «Битлз». Вот почему это? Оказывается — возможно!

С начала этого года Джордж Харрисон, Пол Маккартни и Ринго Старр прослушивают в студии неизвестные широкой публике старые записи «Битлз». Большинство из них — рок-н-ролл. После переработки и доведения, по словам Ринго Старра, до уровня девяностых годов («Впрочем, они и сейчас звучат хорошо», — заявил певец), фирмой ЭМИ будет выпущен новый альбом, наверняка порадующий поклонников легендарной группы.

Информация о попытке украсть солиста популярной группы «На-На» Валерия Юрина, предпринятой в Иркутске, появилась в московской прессе. Оказывается, артист стал причиной некоторого «сдвига» дочери областного начальника, которая, пользуясь своими связями с «крутыми ребятами» (вот она — спайка мафиози с административно-командным аппаратом!), задумала похищение. Все как в детективе —

хлороформ, автомобиль, уединенная дача...

И что вы думаете — не первый случай! Другой солист ансамбля — Володя Левкин — тоже, говорят, пострадал от слишком пристального внимания родственницы некоего маршала. Только на сей раз, как поведала уважаемая газета, крали не рэкетеры, а омоновцы. Из текста, однако, не ясно — то ли с целью военнообязанной любви, то ли с целью вымогательства. В обоих случаях своих очаровательных подшефных выручал легендарный Бари Алибасов.

Правда, закрадывается вопрос: не байки ли это? Что-то последнее время многовато вещают на маршалов, ОМОН и мафию...

Крис Кельми, чьи «Жигули» были обворованы в центре Москвы у спорткомплекса «Олимпийский», гордо заявил, что все украденное — магнитофон, антенну, зеркало заднего вида, кассеты и пластинки с его творчеством — он дарит вору, но просит назад зеркало, без которого нельзя ездить. С одной стороны — а что ему еще сказать? А сказать, видимо, хочется... А с другой — не дешево ли ценит певец и композитор свое творчество — по сравнению даже с дефицитным зеркалом? Впрочем, похоже, воры все же предпочли зеркало музыке.

И еще вопрос. Правильнее ли поступила группа «Фея», в аналогичной ситуации утратившая некие свои документы и видеокассеты — тоже с собственным творчеством, предложив вору денежное вознаграждение за возврат? Может быть, у «Феи», в отличие от Криса Кельми, нет иллюзий о ценности производимого музыкального шума?..

Девушки, пляшите! Костя Пахомов возвращается на эстраду! Уже проведены первые съемки, идут гастролы.

Это известие подавляющее большинство попсеров порадует, ну а если кого и огорчит — не беда...

Что же было с Костей? Все было как надо! Во-первых, он долго и упорно работал над собой. Пробовал себя в разных стилях. Собирается записывать новый альбом, в чем ему будут помогать высокопрофессиональные композиторы, аранжировщики, авторы текстов. «На самостоятельности пора ставить крест», — говорит Костя, отрекаясь, видно, от своего «ласковомаечного» прошлого. Пора, Костя, пора!

А еще он снимался в фильме «Влюбленный манекен» — в главной роли, в паре с дочерью Вячеслава Тихонова (в просторечии именуемого Штирлицем) Аней.

Поклонницы — не ревнуйте! Помните: звезды светят всем.

«Рок Пауэр». Так называется новое советско-британское издание, которое будет рассказывать только о жесткой металлической музыке — не мягче композиций группы «Роллинг Стоунз». Подписки не будет — ловите «Рок Пауэр» в киосках «Союзпечати».

Журнал, который согласились финансировать известные фирмы «Кока-кола», «Рэнглер» и «Найк», будет печататься в СССР — то издание, конечно, что обращено к советскому «металлическому» потребителю. В нем будут сотрудничать известные во всем мире рок-журналисты. Первые два номера, впрочем, — одни картинки.

Готовьте денежки, металлисты! Цена номера — пока! — 15 рублей. Но жизнь, в том числе и музыкальная, как известно, дорожает.

ДЖЕНТЛЬМЕН В КОЛБАСНОЙ ОЧЕРЕДИ

Фото Дмитрия ЛОВКОВСКОГО

Странно я себя чувствую в качестве специалиста по эстраде. Еще несколько лет назад мне приходилось убеждать «серьезных» дяденек и тетенок в том, что в «легком жанре» нет ничего унижительного и он имеет право на существование. А сегодня, когда никто как бы в этом не сомневается, мне снова приходится спорить, утверждая, что в массе своей хлынувший на подмостки попс в принципе искусством не является. Искусство обращается

к людям языком художественных образов, воплощая их средствами того или иного мастерства. Так какое же это искусство, когда одного певца невозможно отличить от другого и все они, как правило, толком ничего не умеют делать? Право же, это слишком буквально понятые демократичность и простота, которыми издавна славилась эстрада.

Сохраняя верность жанру, я по-прежнему с надеждой приглядываюсь к каждому новому ис-

полнителю. Уже давно в моем зрении певец Андрей Якушин. Привлекает он как минимум тем, что с ходу можно вспомнить его сценический имидж: паренек в старомодных круглых очках, в «салонном» смокинге, хотя заметно не со своего плеча, и белых перчатках. Костюм на выступлениях может, конечно, меняться, но в целом образ Якушина, сочетающий стиль ретро с модерном, обращает на себя внимание.

В свое время Якушин претендовал на славу чуть ли не «второго Кинчева», затеяв в московском андеграунде группу «Ответный чай». Это было в 1983 году, когда Андрей учился в МХТИ. В группе он сдружился с пианистом Сергеем Тененбаумом, занимавшимся тогда на отделении теории в музыкальном училище имени Октябрьской революции. Позже Тененбаум сотрудничал с «Бригадой С». А тогда, хотя «Ответный чай» был переименован в «Молодость» и поддержан московской рок-лабораторией, группа особенного успеха не имела. Зато породила ярко заявивший о себе дуэт Якушина с Тененбаумом «Прощай, молодость!».

Обращая ваше внимание на то, что явление вызревало в рокерской среде. В целом придерживаясь общей молодежной тенденции к возрождению романтической образности: ведь и экзотические панки и не менее коло-

ритные металлисты по сути преследуют общую цель — так или иначе реализовать идею элементарного, но горько будничного.

В те годы куда спиралась какая-то таинственная логика в движении людей и артисты и артистов в звезду. Чтобы выделиться среди рокеров, плотными рядами осаждавших подмостки, следовало проявить своеобразие. Дуэт «Прощай, молодость!» сделал это. Он умудрился выглядеть одновременно очень «своим» и будто «не туда попавшим». Для начала бросалась в уши тихая акустика на фоне общего электрического грохота. Да и сами образы...

Якушин умеет с легким юмором подражать Александру Вертинскому. Это не пародия. Это смотрится так, словно изысканный и рафинированный персонаж Вертинского с изящным плачем по «томной вечности», «алмазных слезах» и «меланхолических розах» очутился в давке современного автобуса. Естественно, в такой обстановочке он несколько теряет лоск. Так и ждешь, что герой Якушина, доверительно делящийся тайнами своего «искусственного» мира:

*Хотите знать один секрет?
Сюрреализма больше нет,—*

дополнит список исчезнувших из нашей реальности понятий и предметов куда более прозаическим продолжением в более крутых выражениях. Впрочем,

сделает это с тем же подчеркиванием манерности, неестественности, всегда выдающих глобальный дискомфорт человека, чувствовавшего себя неуютно и в начале XX века, и уж тем паче теперь.

Первым на рокерской сцене песни Александра Вертинского запел Борис Гребенщиков. Запел всерьез и не называя автора (не то, чтобы плагиат, но БГ как бы подчеркивал полное свое слияние с мироощущением декаданса начала столетия). «...Одной звезды я повторяю имя не потому, что от нее светло, а потому, что мне темно с другими». «Китайские фонарики». «Я не знаю зачем и кому это нужно, кто послал их на смерть недрожащей рукой...» Подтвердилось, что тревоги нынешней молодежи смыкаются с далеким прошлым. (В связи с последней песней Гребенщикова поздравляли за создание актуального произведения об афганской войне.)

Песни самого БГ отчасти напоминают Вертинского. Гребенщиков превращает обыденные реалии в фантастический мир: кулонные чаепития в романтические ритуалы, телеграфные столбы в цветущие деревья. И если уж его герою что оттапывают в толкотне общественного транспорта, то не ноги, и даже не крылья, а — «крыла».

Якушин пошел по пути создания оригинальных стилизаций. Тексты пишет сам, музыку

вместе с Сережей Тененбаумом. Фокстрот, вальс, танго — наверняка волнующие ритмы. Так оно и в современной попсе, только зрители, как правило, не умеют назвать то, подо что пляшут. Плюс возникает легкая ностальгия.

*Волшебный свет чужих планет,
И в черном вальсе лунный бред.
А в пустоте слепой поэт
Жжет хризантемы сигарет.*

В интонациях Якушин мягко иронизирует над эстетам и богемцами, которые пытаются обмануть себя, на самом деле не обретая в выдуманном мире простых и ясных истин, о которых мечталось.

А вот такая сценка с претензией на мудрость и величавость классической поэзии воспроизводит совсем уж сегодняшнюю ситуацию:

*Чуть-чуть симпатичны друг другу,
А этого в общем немало...
Что ж, можно начать с середины,
Выдав ее за начало.*

Обращение к Прекрасной даме получается бегло-деловитым, словно второпях записанный телефонный номер. «Мечтатель!» — грустит и улыбается своему герою Якушин.

Сложности у Андрея начались тогда, когда по обстоятельствам изменившейся концертной ситуации он вынужден был перейти из

стана рокеров в поп-легенду. Хочешь не хочешь, возникает необходимость петь под «фан», а значит, разрушается интимный духовный контакт певца с аудиторией. Кстати, у Якушина, как и некогда у Вертинского, не бог весть какой силы голос. И дикция, как и у Вертинского, скажем так, своеобразная. Эстрадному артисту действительно совсем не обязательно иметь оперный голос, а говорок или грассирование могут придавать приятную характерность его пению. Однако в таком случае он — шансонье и должен уметь вести задушевную «беседу» с залом. Фонограмма отнимает такую возможность.

Ладно, значит, артист — танцор. Поначалу своеобразная пластика Якушина не была рассчитана на то, чтобы полностью принять на себя создание образа. Этим, я думаю, объяснялась неудача Андрея на последней «юрмальской Юрмале». Вспомните, в телерепортажах с этого песенного конкурса Якушина часто снимали, как бы не сомневаясь в его победе. Певца широко знали еще по выступлениям в «Утренней почте» и других программах. Но на финальном концерте в Юрмале он показался бледновато, тем более рядом уверенно хилили поднаторевшие попсеры.

Якушин не сдался, хотя нынче для тонкого шансона в нашей стране, очевидно, не лучшие времена. Он подкорректировал свой

стиль в соответствии с запросами современного слушателя, по-прежнему оставаясь в принципиальном отношении — по-прежнему — «русским» («русскими» с песней, как и раньше, «русскими»). (Не будем забывать, что в истории нашей музыки, что лауреатов первой премии поэзия не помнит никто, а будущие великие — Райкин, Шульженко, Пугачева — занимали более скромные места.)

Якушин усилил напор звучания и зрелищности, собрав музыкальный ансамбль и кордебалет. Однако в новой версии группы «Прощай, молодость!», по сути, — тот же прозрачный намек на ностальгию. Хотя бы в названии победившей песни, заимствованном из любимого старого фильма. Текст — полный бред, ну это, кажется, как вы и заказывали. Зато в музыке и сценическом имидже все то же сочетание стиля ретро, немного приближенного по времени, с наисовременнейшим развлечением.

Любое настоящее искусство всегда так или иначе связано с традицией, даже если окружающие не догадываются об этом. Ничто не ново в этом мире, чуть-чуть трансформируясь, все повторяется, — ну это вы в школе проходили. Что касается ретроспективного зеркала эстрады, то оно куда менее мрачно, чем наше историческое прошлое. Поэтому здесь связь времен тем более продуктивна.

ТЕНЬ ДОКТОРА

Ваш телевизор принимает ленинградскую программу? Если да, вы наверняка смотрели по воскресеньям вечерами «Поп-антенну». Если нет, не огорчайтесь: этой передачи больше не существует — в борьбе хорошего с еще более хорошим музыкальная рубрика во что-то там переименовалась, стала какой-то игрой, викториной, в общем, окончательно утратила свою информативную ценность.

А раньше в сериале «Поп-антенны» периодически выходила, на мой взгляд, одна из интереснейших передач — «От и до, но после». Она познакомила более широкую, чем тусовка приближенных, аудиторию с лучшими ленинградскими рок-группами «второго эшелона» («второго» не по качеству, а по времени создания и выхода в звезды).

Новоявленных талантов обнаружилось не очень много, в передаче то и дело крутились одни и те же имена. Вероятно, поэтому рубрика и прикрывалась. Кроме того, театральность и юмор панка (стечественные вариации этого направления лидерствовали) склоняли и склонили-таки к содружеству с КВН (по нынешней

Фото Леонида ГУСЕВА

традиции — назависимому, альтернативному, ленинградскому). Наверное, кому-то подумалось — а при чем же тут музыка, правомерно ли называть все это «поп-антенной»? Не исключено,

этот кто-то был по-своему прав.

Только так или иначе, я хочу поближе познакомить вас с ленинградскими группами, а уж потом судите, музыкальное ли это явление. Я гарантирую только, что это — искусство.

Начну с оскорблений. Оказалось, что любимец многих фанов, лидер группы «НАТЕ!» Святослав Задерий нетелегеничен. Во всяком случае, его видеоклипы производили скорее отталкивающее впечатление. Хотя на сцене Слава всегда старается быть обаяшкой и обычно получается. Он пластичен как профессиональный кабаре-артист. То изящно играет шляпой, то в песне «Кошка» появляется на подмостках с пушистым котенком на руках.

Однако создатели видеоклипов нередко (это стало модным) подчеркивают в песнях социальщину погрязней да прямолинейней — чтобы дурак понял. Тогда как песенный образ может быть куда более объемным и не лишены шарма. Ведь не случайно Задерий поет «Кошке хочется спать», а не «проститутка вернулась с работы» или «жизнь советских женщин вообще очень утомительная».

Сдается мне, Славе опять не повезло. Его буквально преследует недобрый фатум. Ну ведь почти один к одному Задерий внешне похож на Кинчева, так ведь на тебе, тот — всеобщий кумир, а Славу вспоминают в связи

с Костей: мол, это тот самый, чья группа была впереди в неподобающей форме Доктора (прозвище Кинчева).

Слава действительно с пылу пылу делал некоторые вещи, которыми увлекается Задерий. В духе «рождения» он назвал первую свою группу «Хрустальный шар», а группа «Алиса», где Слава играл на гитаре и которую практически создал, пригласив из Москвы будущего Кинчева, а тогда еще Костю Панфилова, поначалу именовалась «Магия». Начнешь эдак колдовать, и против самого обернется. Ветераны рока вспоминают, что с Задерием «Алиса» была интереснее, Слава оттенял Доктора, давал зрелищу второй план. Но сам на вторых ролях оставаться не захотел (мало кому, в самом деле, интересно, кто аккомпанирует Кинчеву) и вновь затеял собственное предприятие.

Название группы «НАТЕ!» — звучит вызывающе (что-то из Маяковского?) Для тех, кто догадался прочитать это слово как английское, угроза выглядит еще более резко, поскольку в переводе это значит — ненавижу!

Впрочем, на мой взгляд, творчество «НАТЕ!» менее агрессивно, чем имя. Задерий считается добрым, мягким человеком. В имидже подчеркивает эротичность. В песнях, по свидетельству знатоков из Ленинградского рок-клуба, «борется против сексуальной ущемленности». И если что-то ему немножечко

мешает в работе, так это попытка дотянуться до стереотипного образа супермена, в то время как обаяние Славы, по-моему, кроется в иных, житейски присущих Задерия красках.

«НАТЕ!» зародилась в конце 1986 года и дала первый концерт весной 1987-го. К началу 1989-го подготовлен первый альбом «Не бойся». Затем ребята принялись за второй альбом — «ЭТОлогия».

Состав то и дело меняется. В период подготовки второго альбома это, кроме Задерия (вокал), Сергей Наветный (барабан), Андрей «Силя» Селюнин (клавишные), А. Ошибченко (гитара), О. Малой (бас), С. Логинов (звукооператор).

Характер и художественное кредо Задерия завсегдатаи ЛР-К определяют так: «неисправимый экспериментатор, закоренелый концептуалист и отец ленинградского пофигизма». Он склонен подбирать группу в качестве ансамбля индивидуальностей, считая, что таким образом формируется «симфонический панк». Впрочем, в разъяснении этого термина отсылает не к музыкальной энциклопедии, а к словарю атеиста, где сказано, что симфония есть «справочное издание, в котором в алфавитном порядке приводятся слова и отдельные выражения, встречающиеся в Библии, с указанием, в какой главе, книге, стихе следует искать данное слово или выражение»... «Потому что рок-н-ролл, — уверен Слава, и я с ним согласна, — как ни крути, все-таки — религия».

МЕЛЕТА

Аня МОГИЛЕВЦЕВА, 15 лет
г. Красноярск

* * *

*Открытку с розами пришлет
На день рождения.*

При встрече —

*руку не пожмет,
Глаза тихонько отведет.
Не наважденье ли?*

* * *

*Еще вчера была я Анной
И с пьедестала улыбалась
Всем вам*

*улыбкою обманной.
А вот сегодня затерялась.*

*Еще вчера перевозносили
Меня над шумною толпой.
А вот сегодня — позабыли.
Я стала девочкой простой.*

*Как это грустно и нелепо...
Я стала Нюркой в это лето.*

Наташа БЕЛЬСКАЯ, 15 лет
г. Орел

Иронические Шутки

***

Как жалко мне свои идеи:
Они как ветреные феи!

Неуловимые догадки
Все убежали без оглядки.

А мысль, что лучшею была,
Уж позабыта навсегда...

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Вот выпала свободная минута —
И дело повернулось круто.
Мне захотелось честной быть,
Любезно вас предупредить.

Я вам сейчас письмо пишу,
А между тем у-шу учу.
Но я одно сказать хочу:
Я вас люблю!
И в школе взгляд я ваш ловлю.

Но я не Ларина Татьяна,
Горючих слез я лить не стану,
И коль не с вами на Луну,
То не пеняйте на судьбу,
Я вам жестоко отомщу,
Я не шучу!

И, кроме модного у-шу,
Дзюдо и самбо выучу.
Прием я новый покажу.
Надеюсь — вас я уложу!

МОСКВА, ЖУРНАЛУ «МЫ»...

Я люблю мороженое по 20 коп. и ананасовый торт.
Пусть пишут мне, у кого те же интересы!

Такие девчонки,
как я,
сидят дома
как психи-одиночки.

Учителя стараются
укусить меня
за большое место.
За Цоя.

Михаил РАСКАТОВ

МЕТОД

Голодовка — экстремальный способ протеста, ставящий на карту не что-нибудь, а человеческую жизнь, — нередко объявляется по весьма неубедительным поводам, что выглядит по крайней мере странно. И просто легкомысленно, итак...

Один бойкий школьник получил единицу за незнание разницы между катетом и гипотенузой. Почему-то он был уверен, что это одно и то же. Учитель, однако, считал иначе.

Возмущенный столь открытым покушением на плюрализм мнений, старший школьник немедленно объявил голодовку. И заявил, что не уйдет со своей последней парты до тех пор, пока катет не будет уравнен в правах с гипотенузой, а единица не переправлена, как минимум, на четверку, что, кстати, технически очень просто сделать.

Узнав об этом, учитель немедленно объявил встречную голодовку и пообещал, что не покинет свое рабочее место до той

минуты, пока бойкий доктор не признает, что катет и гипотенуза вовсе не близнецы-братья.

И вот оба они остались в классе, бросая в лицо друг другу колкие лозунги типа: «Долой единение в геометрии!», «Катету и гипотенузе — равные права!», «Гипотенуза — наг, науке — да!», «Руки прочь от гипотенузы!».

Через час в класс вошли уборщица и учительница, потребовавшие помещение для уборки. Протестующие ученики не подчинились.

Уборщица немедленно объявила голодовку в знак протеста против нарушения внутреннего распорядка. И извещала из стены в коридоре: «Которые нарушают — метлой!» Еще через час объявили голодовку мама ученика, жена учителя и муж уборщицы в знак протеста, а также солидарности. Напряженность нарастала.

К ночи в голодовку включились отдельные квартиры (ученик, уборщица) и одна коммунальная (учитель) в знак того, сего и чего-то еще. Голодающие активно писали лозунги и призывы, не жалея сил, красок и простыней, внезапно ставших предметами повышенного спроса, наряду со школьными тетрадями, анальгином и презервативами, причем повышение спроса на последние выглядело особенно странным на фоне всеобщего недополучения калорий.

На следующее утро на работу не вышли жители трех подъездов, что приостановило деятельность одной парикмахерской, одного отдела кадров, одного процедурного кабинета районной поликлиники, трех контор непонятного назначения и одной торговой точки, предлагавшей прохожим пособия по эротическому воспитанию трудящихся.

Через два дня в голодовку включились ближайшие микрорайоны...

На прилавках появились продовольственные товары, что вызвало приток в местные магазины массы инорайонных жителей, многие из которых, узнав, что произошло, тут же отказывались от покупок. В ряде случаев покупатели возвращали назад мясо, колбасу и сосиски, а один раз — даже говяжью печеньку, оказавшуюся на прилавке в связи с голодовкой аппарата райкома и райторга.

Появились первые «катетовцы», «гипотенузовцы» и «распорядковцы».

Через неделю город неузнаваемо изменился. Магазины сияли всеми цветами продовольственной радуги. Отчаявшиеся мясники высовывали головы из-за груд телячьей вырезки, бараньих ножек

и свиных окороков и с надеждой взирали на магазинные двери... Девочки из молочных отделов, усевшись за непочатыми кругами еще не переименованного сыра «Советский», измеряли друг другу возрождающиеся талии... Продавцы гастрономических отделов прикладывали прохладные лезвия ножей к синякам и шишкам, набитым на собственных лбах от ударов о батоны твердокопченых колбас, фантастическими гроздьями нависавших над прилавками... Кооператоры у станций метро снизили цены на пирожки и так называемые пирожные, похожие на отрезки старых поленьев. Цена семечек упала с 30 до 3 копеек за стопку...

Ученые-медики с восторгом отмечали резкое сокращение расстройств обмена веществ, болезней печени и желчного пузыря, а также снижение количества камней в почках и других органах в расчете на душу населения до уровня развивающихся стран...

Все столы заказов, как по команде, вывесили объявления о доставке продуктов на дом через пятнадцать минут после заказа...

Цена на картошку на рынке падала час от часу от «на рупь — один» до «на полтинник — шесть»...

Свежие огурцы, стоившие сорок рублей килограмм, продавцы, давась, жевали сами, не в силах снизить цену до шестидесяти копеек...

Работники ресторанов в ответ на происки нежелающих есть устали ставить столики деликатесами и объявили собственную голодовку в знак протеста, поддержки, возмущения, согласия, соперничества и презрения. А по окончании рабочего вечера демонстративно уходили домой с пустыми руками и вывернутыми карманами...

Между тем основоположник голодовки бойкий старший школьник был насильно транспортирован домой вместе с партой, поскольку вцепился в нее мертвой хваткой. Лишенный возможности болтаться по городу на ослабевших ногах, он внезапно пристрастился к изучению печатной продукции, а так как в его доме художественных книжек не водилось, старший школьник, сидя за партой, листал и перелистывал учебники до тех пор, пока неожиданно не уловил разницу между катетом и гипотенузой, о чем и сообщил своей маме.

Мама в надежде, что ее чадо вернется к приему пищи, взяла его за руку, вытащила из-за парты и приволокла к учителю, который упрямо лежал поперек класса, подложив под начиненную знаниями голову классный журнал...

Сделав считанное число неуверенных шагов на ослабевших ногах, бойкий старший школьник рухнул на любимого учителя

и, обхватив его шею, прошептал на ухо, что, кажется, насчет катета он был вроде бы неправ. Учитель ответил дряблым прощающим объятием...

В дверях вытирала слезы уборщица

...Слух о завершении голодовки в центре города облетел город, и через сутки с прежней силой возобновились многочисленные нужные и ненужные учреждения, отделы, управления, секторы, отделения, общедоступные рай-и горкомы...

Столы заказов экстренно срывали объявления об облуживании на дому. В магазинах мгновенно выстроились очереди, и в считанные часы прилавки обрели ту девственную чистоту, которой они обладали после того, как были сооружены. Товары, не попавшие на прилавки, были оперативно удержаны в подсобках и на базах. Впрочем, от голода никто не умер и умирать не собирался.

«Катетовцы», «гипотенузовцы» и «распорядковцы» оповестили о своих саморпусках...

С криком: «Сытое брюхо к ученью глухо!» бойкий старший школьник носился по микрорайону и его окрестностям, привычно забыв местонахождение учебников и напроць выбросив из головы разные геометрические выдумки...

На горизонте вновь маячила голодовка...

МОСКВА, ЖУРНАЛУ «МЫ»...

Ищу единомышленников по вольной борьбе.

Я попробовала нравиться таблетками, но ничего утешительного в этом нет.

Не скажу, чтобы он был красивым, но все время много говорил.

Он всегда ходил пьяный, а от меня почти не отъезжала «неотложка».

Рисунок Александра КАЗАЧКОВА

Везение, ребята, — вещь относительная.

В этом еще раз мы убедились, получив письмо от 17-летнего Игоря из г. Уральска. Его адрес был помещен в одном из выпусков нашей рубрики. Повезло? И вот результат: вынимая из ящика в день по 200 писем, спортивный юноша ростом 184 см, готовящийся стать десантником, не одолевает более 62 ответов.

Что ж, хорошая продуктивность, соответствующая спортивной подготовке. Но вот вопрос: а зачем? Зачем заводить переписку с 62 корреспондентами в день? Ведь в таком случае смысл переписки, заключающийся в том, что между людьми устанавливаются дружеские, доверительные отношения, абсолютно исчезает. Поэтому мы считаем: ребята, написавшие и не получившие ответ, не должны обижаться ни на тех, кому написали, ни на журнал. Другое дело, что получившие много писем могут передать их одноклассникам, друзьям, в школьные КИДы.

А сколько у человека может быть друзей? Двести, триста? На наш взгляд — нет. Если вы по-настоящему подружитесь с двумя-тремя ребятами и ваша дружба продлится годы, радуя вас, — задача нашей рубрики будет выполнена.

Сегодняшний выпуск рубрики «Ицу друга» мы начинаем с адреса одного смелого юноши. Он хочет организовать самостоятельную службу знакомств для подростков. Пишите: свои данные, интересы и с кем бы вы хотели переписываться. Вложите конверт с вашим адресом.

113519, Москва, а/я № 7.
Жаров Антон.

Ваших писем ждут поклонники...

...Виктора Цоя:
195030, Ленинград, пр. Энтузиастов, 54, корп. 2, кв. 44.
Смурова Таня.

278150, ССР Молдова, п. г. т. Штефан-Водэ, ул. 31 Августа, 8, кв. 4. Гуцу Родика (15 лет).
343209, Елавыск-9 Донец-

кой обл., ул. Комяхова, 48.
Черный Костя (14 лет, хотел бы переписываться с кем-нибудь из Ленинграда).

141100, г. Щелково-4 Московской обл., ул. Беляева, 3^а, кв. 71. Сафиуллин Рамиль (18 лет).

...Алексея Глызина:

630017, г. Новосибирск, ул. Б. Богаткова, 208/1, кв. 208.
Мамченкова Оксана (16 лет).

143616, Московская обл., Волоколамский р-н, п/о Шестаково, д. Нефедово, д. 4. Матвеева Оксана (15 лет)

...Дмитрия Маликова:

129323, Москва, ул. Седова, 2, корп. 2, кв. 67. Бойцова Юлия (14 лет).

673310, Читинская обл., Карымский р-н, ст. Дарасун, ул. Молодежная, 4, кв. 17. Таня Х. (15 лет, мечтает стать журналистом).

Трое ребят написали про-
сто: «Мы — металлисты!»

660113, г. Красноярск, ул.
Юшкова, 4, кв. 26. Вячеслав.

115547, Москва, ул. Лебе-
дянская, 4, кв. 182. Илья (14
лет).

288020, г. Жмерияка Вин-
ницкой обл., ул. Ленина, 7, кв.
83. Мацюк Богдан (16 лет).

Есть в нашей почте письма
и фанатов других исполните-
лей. Вот они:

652561, г. Ленинск-Кузнец-
кий Кемеровской обл., ул. Ого-
родная, 31. Ольга (16 лет, по-
клонница Кости Пахомова).

115573, Москва, ул. Мусы
Джалиля, 34, корп. 2, кв. 126.
Тимошин Алексей (16 лет, по-
клонник группы «Фристайл»,
хочет подружиться с девочкой-
ровесницей из Москвы).

610002, г. Киров, ул. Проле-
тарская, 25—153. Мустафина
Лиана (14 лет, поклонница
группы «Сталкер»).

Олегу 15 лет, он любит
вольную борьбу, теннис, хок-
кей (болеет за «Крылья Совет-
ов») и не любит «Ласковый
май».

214031, г. Смоленск, ул. По-
пова, 46, кв. 27. Олег К.

Из зарубежных групп наи-
больший интерес — к группе
«Депеш Мод». Вот адреса е-
е фанатов:

770111, г. Одесса, ул. Ленин-
ской «Восток», 14, кв. 203. Ни-
тана и Дима.

117463, Москва, пр. Карам-
зина, 1, корп. 1, кв. 561. Фокин
Алексей (15 лет).

230006, г. Иркутск, Фокин,
д. 15/203, кв. 103. Степанов
Дина (16 лет).

Диме 16 лет. Он ждет писем
от ребят, что оставили душу
и сердце в «Артеке». Хочет по-
мочь тем, кто ищет старых ар-
тековских друзей.

270063, г. Одесса, ул. Селед-
ская, 15, кв. 21. Дима.

Журнал «Мы» открывает
свой «военный городок». Вот
адреса ребят, служащих в ря-
дах Советской Армии:

290901, г. Львов-1, п. г. т.
Брюховичи, в/ч 51420 «А». Ме-
лехин Алексей (18 лет).

141100, Московская обл., г.
Щелково-10, в/ч 29476 для в/ч
33790. Кулёмза Михаил (18
лет).

141500, Московская обл.,
г. Солнечногорск-25, в/ч 23423
«Д». Гринь Сергей (19 лет).

Мальчики и девочки, родившиеся 20 июля 1973 года! Ваших
писем ждет Лиля, увлекающаяся баскетболом, плаванием и велоси-
педом.

423831, Татарская ССР, г. Набережные Челны, пр. 50 лет СССР,
43/02, кв. 100. Вахитова Лиля.

14-летняя девочка написала, что она любит поэзию. Жаль, что таких писем немного...

410600, г. Саратов, ул. Мичурина, 24/30, кв. 103. Новикова Наташа.

Мальчик — учащийся торгового техникума, серьезно занимающийся историей Кавказа, — хотел бы переписываться с девочками.

335057, г. Севастополь, пр. Октябрьской Революции, 23, корп. Г-3, кв. 93. Александр К. (17 лет).

18-летний парень занимался парашютным спортом, писал стихи. Потом — тяжелое сотрясение. И, как бывает, — измена. Таков, вкратце, сюжет письма, которое мы получили. «Я хочу переписываться с теми, кому одиноко, у кого нет друзей или по какой-то причине их не стало».

630121, г. Новосибирск, ул. Забалуева, 54—107. Александр.

Ребята, интересующиеся аномальными явлениями, НЛО, полтергейстом! Пишите 15-летнему Сергею, который хочет обмениваться информацией.

182100, г. Великие Луки Псковской обл., ул. Гагарина, 139, кв. 69. Сергей.

18-летнему Гене нравится бывать на природе с друзьями, а также читать детективы, особенно Чейза. Наверное, и другим ребятам это тоже нравится?

235300, Литва, г. Паневежис, ул. Клайпеды, 40-2. Гена С.

«Ребята-«афганцы» — мои идеалы и кумиры. Я собираю фотографии, записи их песен, вырезки из газет. И в жизни я жду своего «афганца». Пишите мне, ребята!»

418450, Уральская обл., Бурлинский р-н, п. Бурлин, ул. Степная, 32. Татьяна С. (18 лет).

Ваших писем ждут:

253060, г. Киев, ул. Декабристов, 5^б, кв. 103. Хельга (16 лет).

391050, г. Спасск Рязанской обл., ул. Ленина, 64. Егоров Сергей (14 лет, любит рисовать и путешествовать).

129336, Москва, Стартовая ул., 35, кв. 117. Миронова Аня (14 лет, хочет переписываться с ровесниками из Литвы).

744025, г. Ашхабад, 5-й микрорайон, 1 группа, дом 4/1, кв. 16. Жалдеев Сергей (17 лет).

Дорогие ребята!
Не забывайте указывать на конвертах —
в рубрику «Ищу друга»

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

ВИДЕООБЗОР

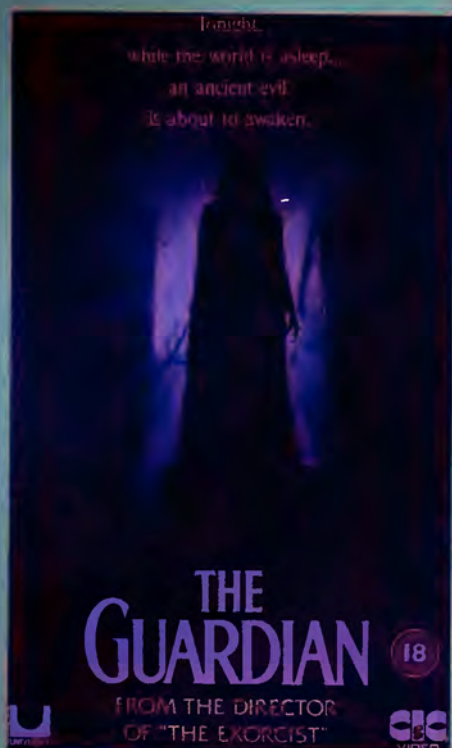

Барбара Стрейзанд («Смешная девчонка», «Звезда родилась») — великолепная певица и актриса. Она это доказала еще раз в фильме «Ненормальная». Проститутка совершает убийство. Ее хотят упрятать в психиатрическую клинику, однако она

не может с этим согласиться и пытается доказать, что вполне нормальна и убийство это было в целях необходимой самообороны. С помощью адвоката Ричарда Дрейфуса («Всегда», «Слежка») подсудимая борется за справедливость.

Дольф Лундгрэн — актер, снимающийся в основном в боевиках («Роки IV», «Властелины вселенной»). «Черный ангел» — не исключение. Он полицейский. Наркомафия убивает его напарника. Он готов расправиться с ними, но в этот момент появляются пришельцы с далекой планеты. Их двое — один торговец наркотиками, другой вроде земного полицейского. В фильме множество трюков, специальных эффектов. Одним словом, коммерческое кино.

Мне нравится режиссер Уильям Фридкин («Изгоняющий дьявола», «Французский связной», «Жить и умереть в Лос-Анджелесе»). Однако последняя его работа не вызвала былого восторга. «Дух хранитель» — лента

о религиозном ордене Дравидов, приносящих в жертву деревьям детей, снята профессионально, но сама идея, как мне кажется, слишком притянута за уши. Тем не менее посмотреть фильм все-таки стоит.

Крупного ученого похищают, но как раз перед этим он застаёт жену с любовником и от потрясения становится невменяемым. Его пытаются вывести из болезненного состояния, но тщетно. «Диагноз: буйное помешательство» — неважный фильм по роману Джеймса Чейза, но те, кто любит детективы американского писателя, возможно, и заинтересуются картиной.

Комедия режиссера Джо Данти («Гремлины», «Вой») «Провинциалы» о людях, живущих в пригороде. Они все друг о друге знают. Но вот появляются соседи, которые не идут на контакт с местными жителями, и последние не могут этого вынести и начинают собственное расследование. В главной роли Том Хенкс («Тернер и Хуч», «Большой»).

Тем, кому сейчас за сорок и кто застал движение хиппи шестидесятых, получают удовольствие от «Взгляда в прошлое». Деннис Хоппер (режиссер фильмов «Беспечный ездовик» и «Цветы») играет одного из бывших лидеров движения хиппи, которого разыскивает ФБР более двадца-

Kiefer
Sutherland

Dennis
Hopper

ти лет и наконец находит. Сопровождать в другой город «борца за свободу» поручают молодому агенту Киферу Сазерленду («Потерянные ребята», «Молодые мстители»). В дороге их ждет немало приключений.

От звезды Голливуда Мики Рурке («9 1/2 недели», «Сердце ангела») никак не ожидал такой бессмысленной и слабой роли в фильме «Дикая орхидея». Это не продолжение «9 1/2 недели». Эротический фильм с совершенно слабым сценарием. Если только полюбоваться красивыми женщинами. Но кино делается не только ради этого.

Александр АДИН

ДУХ ХРАНИТЕЛЬ
(THE GUARDIAN)***
США 89 мин. Ужас 1990

НЕНОРМАЛЬНАЯ (NUTS)***
США 111 мин. Драма 1987

ПРОВИНЦИАЛЫ (THE SILDS)***
США 97 мин. Комедия 1989

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ
(DARK ANGEL)***
США 88 мин. Боевик 1990

ДИАГНОЗ:
БУЙНОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО
(BELIEVED VIOLENT)*
США, Фр., Ит. 101 мин.
Триллер 1989

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ
(FLASHBACK)****
США 103 мин. Драма 1990

ДИКАЯ ОРХИДЕЯ
(WILD ORCHID)**
США 155 мин. Драма 1990

— отличный фильм

**** — хороший

*** — неплохой

— ничего особенного

** — плохой

ЧИТАЙТЕ

БЫСТРО!

Вы тонете
в море
информации?
Спасательный
круг
для вас —
ВСЕСОЮЗНАЯ
ШКОЛА
РАЦИОНАЛЬНОГО
ЧТЕНИЯ
(ШРЧ)!

Это может
подтвердить
любой
из 300 тысяч
выпускников
ее заочного
отделения,
успешно
прошедших
обучение
по переписке.

В ПРОГРАММЕ ОБУЧЕНИЯ:

- повышение (увеличение) скорости чтения в 3–10 раз;
- увеличение познаний (70–90% усвоение содержания текста);
- развитие мышления и запоминания.

Выпускники ШРЧ, обладая прекрасной памятью,
навыком мышления,
самостоятельно справляются со всем делом,
именно поэтому имеют шанс поступить в любой ВУЗ
и составить достойную карьеру!

Адрес заочного отделения:

121151, Москва, Кузнецкий пр-т, 14. Школа рационального чтения.
По субботам здесь же проводятся занятия в очные группы.
Не забудьте написать в письме
руководителю от своего имени. В ответ вы получите
буклет о ШРЧ с подробными условиями приема.
Телефон для справок: 549-99-84.